ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065 2(12) 2013

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:
Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:
Абылгазиев И. И. (*Россия*), Акаев А. А. (*Киргизия*), Ань Цинянь (*Китай*), Ближковский П. (*Бельгия*), Вебер А. Б. (*Россия*), Гэй У. (*США*), Гусейнов А. А. (*Россия*), Данилов-Данильян В. И. (*Россия*), Дафферн Т. (*Великобритания*), Ечимович Т. (*Словения*), Израэль Ю. А. (*Россия*), Иноземцев В. Л. (*Россия*), Камуселла Т. (*Польша*), Киш Э. (*Венгрия*), Теймури В. (*Иран*), Коротаев А. В. (*Россия*), Кучуради И. (*Турция*), Лисеев И. К. (*Россия*), Мазур И. И. (*Россия*), Назаретян А. П. (*Россия*), Степин В. С. (*Россия*), Урсул А. Д. (*Россия*), Хасбулатов Р. И. (*Россия*), Чилингаров А. Н. (*Россия*), Юдин Б. Г. (*Россия*).

Адрес редакции:
119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.
Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:
400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К ИТОГАМ ВТОРОГО ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО ФОРУМА (18–19 мая 2013 г., Ханчжоу, Китай)

Принцесса Нидерландов Ирэн. Выступление на заключительном пленарном заседании Второго всемирного культурного форума 3

Ласло Э. Культура «единства в многообразии». Манифест, представленный на Втором всемирном культурном форуме 7

Тобиас М. Ч., Моррисон Дж. Г. Фактор ахимсы: Анализ экологического ненасилия в Китае и его последствия в условиях глобальных парадигматических сдвигов 11

ТЕОРИЯ

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации 23

Лю Фэн. Размышления о глобальном экологическом кризисе с точки зрения конфуцианства и экологии 38

Сулакшин С. С. О причинах мировых финансовых кризисов: модель управляемого кризиса 48

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Гринин Л. Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) 63

Самбалхундэв Х.-Э., Сандаг Э. В., Красиков В. И. Пролог глобализации: имперский вариант, XIII век 79

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Маслов В. И. Роль образования в современном мире 83

Дорошин И. А. Глобальное измерение религиозного протеста в обществе риска 93

Галичин В. А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития 101

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

Ильин А. Н. Влияние культуры потребления на экологию 113

Салин В. Н., Попова А. А., Шпаковская Е. П. Место статистики в процессах глобализации 131

Иоселиани А. Д. Антропология глобального мира: Человек в современной коммуникативно-информационной сфере 143

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Нация и этнос в едином мире 155

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Авилов В. И., Авилова С. Д. Энергобезопасность – приоритетная задача России 167

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ильин И. В., Розанов А. С. Глобальный мир: взгляд из России 180

Рычагов Г. И., Сафьянов Г. А. Новые достижения в исследованиях природной среды 186

С юбилеем! К 75-летию В. И. Данилова-Данильяна 188

Наши авторы 190

Contents 191

К ИТОГАМ ВТОРОГО ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО ФОРУМА (18–19 мая 2013 г., Ханчжоу, Китай)

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ВТОРОГО ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО ФОРУМА

Ирэн
принцесса Нидерландов

Какой смысл бежать быстро, если ты движешься в неправильном направлении?
Махатма Ганди

Я очень рада, что именно Китай стал местом проведения такого оживленного и важного мероприятия, как Всемирный культурный форум, который, несомненно, выдвинет экологию на первое место во всемирной повестке дня. Почему этот форум так важен? За экономическим, финансовым и климатическим кризисами, оказывающими влияние на большую часть мира, лежит глубокий морально-этический кризис. Его необходимо учитывать и изучать, как это было сделано на форуме, чтобы предвидеть будущее всего живого на Земле. «Знать, что нужно сделать, и не делать этого – худшая трусость». Это мудрое изречение Конфуция отражает причину, по которой мы собрались на этом форуме.

Впервые в истории мы являемся свидетелями глобального разрушения биологических основ планеты Земля. Мы, кажется, забыли о том, что сами являемся частью природы. Важно понять, что, нарушая биологические принципы планеты, мы в действительности уничтожаем самих себя.

В результате утраты нашей внутренней свободы и связи с окружающей природой наши приоритеты начали смещаться от глубокой гармонии со всем живым к обособленному образу жизни. Мы утратили понимание глубины человеческих взаимоотношений с природой и часть своего собственного внутреннего духовного мира.

Очень важно осознать, что благополучие планеты и наше собственное тесно взаимосвязаны. Иначе говоря, бережное отношение к природе оказывает влияние на нас самих, на наше психическое и физическое здоровье.

Активные меры и принятие политических решений всегда связаны с внутренним отношением к жизни, то есть мировоззрением. Мы думаем и действуем исходя из первостепенной значимости человека, вместо того чтобы думать о благополучии всего живого.

Век глобализации 2/2013 3–6

Говоря об устойчивом развитии, какое мировоззрение мы подразумеваем – то, где человечество отделено от природы, или мировоззрение, в котором понимается и чувствуется связь со всем живым?

В моем понимании это обширное сообщество, выходящее за рамки человеческого общества, – глобально взаимосвязанная общность всего живого с реками, горами, животными и растениями…

Следовательно, с моей точки зрения, устойчивое развитие – это устойчивое благополучие *всех* живых существ. Мы – часть природы.

Мудрый представитель южноафриканских зулусов профессор Кока однажды сказал: «Я – существую, потому что существует природа, а природа – это я». На самом деле этим все сказано. Я считаю, что осознанное гармоничное сосуществование с природой делает жизнь намного прекраснее, счастливее и реалистичнее.

Ослабление связи с окружающим миром способствовало сильному разделению, расколу между людьми и природой, а также между самими людьми. Стремление к экономическому росту победило прежние человеческие ценности: ценности взаимосвязи и взаимодействия друг с другом и окружающим миром. В китайском обществе подобная взаимосвязь все еще глубока.

Все, что нам нужно (и многие молодые люди полностью это осознают), – помнить о том, что когда человеческая культура соединяется с «фундаментальной сущностью вселенной» (что также характерно для мировоззрения даосистов), тогда мы на правильном пути. Нам необходимо понять, глубоко это прочувствовать и затем действовать соответствующим образом. Тогда мы будем чувствовать себя частью целого по отношению к огромной экосистеме Земли, будем жить в гармонии с природой, будем думать и действовать с точки зрения «мы», как элементы великой системы «Земля».

У слов «экология» и «экономика» одинаковый корень – от греческого «эко», что означает дом, как мы управляем домом. На практике это означает осознание того, что мы можем объединить экономику с экологией. В этом случае экономика больше не будет иметь узкого определения, обозначая только прибыль, а станет пониматься как основа благополучия всего живого.

Сейчас мы наблюдаем значительные сдвиги в сознании в направлении развития экологической цивилизации.

На самом деле мы переоцениваем нашу роль в контексте жизни. Мы осознаем, что именно человечество стало природной силой, возможно, более разрушительной, чем цунами и землетрясения, вместе взятые. Будущее всего живого теперь находится по большей части в руках человечества: мы можем либо сохранить, либо разрушить жизнь на Земле, в нашем общем доме.

Китайский философ Мэн-цзы 24 века назад говорил о начале уничтожения лесов, когда человечество потеряло свою изначальную природную сущность, а также о том, что горы раньше были местом исцеления, поддержания здоровья и увеличения жизнестойкости людей. Охрана природы, а значит, и охрана здоровья всего живого считалась первоочередной задачей.

Вот о чем знали и чему учили многие древние философы. Нам нужно защищать природу и сохранять уголки дикой природы. Необходимо понять, что все живое взаимосвязано и взаимозависимо – это важно осознать, чтобы прочувст-

вовать и в дальнейшем организовывать свою деятельность соответствующим образом.

Количество и интенсивность человеческих страданий на Земле настолько огромны, что этого достаточно для пробуждения каждого из нас. Необходимо работать, чтобы удовлетворить основные потребности всех людей, и мы можем осознанно делать это экологично, в гармонии с природой.

В этом смысле зеленая экономика, экономика с многократным использованием продукции (циркулярное хозяйство), социальное предпринимательство являются многообещающими направлениями.

Однако заниматься этим нужно всем вместе.

Для реализации этих целей необходимо *глобальное гражданство.*

И в то же время, с точки зрения нашего истинного «я», необходима самоорганизованность во всех наших личных и профессиональных сферах. Вклад каждого индивида всегда недооценивается, считается, что он не способен изменить ситуацию или повлиять на нее. Но давайте сделаем наоборот: не будем недооценивать тот факт, что личный выбор каждого из нас имеет значение и может повлиять на нашу собственную жизнь, жизнь соседей и общества.

Это как концентрические круги. Чем больше таких окружностей, тем больше это будет становиться общим течением и тем больше будут задумываться о том, как мы живем, действуем и что для нас важно. В этом случае «я» превратится в «мы». Ведь *жизнь – это отношения.*

Это совсем не означает, что легко поменять антропоцентрические взгляды на гармоничное сосуществование со всем живым. Это значительное изменение менталитета и отношения к жизни, переход от страха или жадности к любви. Мы должны стремиться к этому сообща. Для начала пусть каждый из нас примет какое-то свое, пусть небольшое, решение, но оно станет отправной точкой.

Каково *ваше* мировоззрение и какова *ваша отправная точка*? Каким примером мы хотим быть для наших детей и внуков? Исследования показали, что современные дети почти не проявляют интерес к природе просто потому, что *не знают ее.*

Мы живем в удивительное время, когда стоим перед сложной проблемой создания и открытия новых технических и духовных моделей образа жизни в гармонии с природой. Образ жизни, который мы действительно могли бы назвать экологической цивилизацией.

Китай отважился поставить экологию на первый план и, без сомнения, в этом вопросе станет одним из лидеров по предвидению и способности к быстрому восстановлению. Это поможет всему миру и экосистеме Земли.

Подводя итоги, можно сказать следующее.

Основа для устойчивого развития находится в нас самих.

Размышляя над нашим общим будущим, необходимо стремиться к тому, чтобы принятие решений исходя из благополучия всего живого, а также исходя из того, что мы являемся частью целого, стало естественным. В этом случае мы будем находиться в гармонии с первобытной сущностью, с самой жизнью.

Нам нужно делать это вместе, и мы должны выступать как единая глобальная человеческая цивилизация, несмотря на все наши культурные различия.

Итак, на что будет направлено устойчивое развитие? На сознательное взаимодействие со всем живым.

Я надеюсь, что мы как глобальное человеческое общество сознательно придем к единому решению, что мы взаимосвязаны и являемся частью огромной экосистемы Земли, и будем действовать в соответствии с этим.

Это решение вернет нас на правильный путь, на дорогу к экологической цивилизации. Народы, сообщества и каждый из нас могут стать лидером и примером на этом пути, сердцем и душой открытыми друг другу и всему живому.

Самое ценное природное богатство – это наше сознание, которое приведет нас к правильным, разумным решениям.

Как говорил Конфуций, «пусть равновесие и гармония достигнут степени совершенства, и счастье воцарится везде – на Земле и на небе, – и все будет развиваться и процветать».

Перевод с английского Е. С. Столяровой

КУЛЬТУРА «ЕДИНСТВА В МНОГООБРАЗИИ»

Манифест, представленный на Втором всемирном культурном форуме

Ласло Э.
профессор Университета глобальных изменений
им. Джордано Бруно.
E-mail: ervin@ervinlaszlo.it

Введение

Человечество подходит к критическому рубежу. Эта точка бифуркации эволюционного развития цивилизации не только представляет собой опасность, но и дает уникальную возможность создать устойчивую мирную экоцивилизацию. Это временно́е окно можно эффективно использовать для создания новой, более целесообразной культуры – планетарной культуры единства в многообразии.

В эволюции человеческой цивилизации наступает новая фаза, когда главной движущей силой становится, с одной стороны, перспектива роста кризисов и сопутствующих волнений и беспокойств, а с другой – открытость как следствие неустойчивости современного мира, усиливающее ощущение необходимости перемен. Современные мировые экономические, социальные и политические проблемы, настоящие и будущие кризисы приведут к тому, что, как говорил Эйнштейн, серьезные проблемы современности уже нельзя будет решить, если продолжать мыслить в том же ключе, что и в момент их возникновения. Это заставляет активизировать поиск новых способов мышления и действия.

Новые способы мышления и действия требуют формирования новой культуры. Культура в данном смысле – это не просто бесполезная надстройка цивилизации, это ее фундаментальная основа. Это то, как мы, люди, воспринимаем мир и себя в этом мире, это основа наших ценностей и желаний.

Культура единства в многообразии нужна, чтобы запустить новую фазу развития человеческой цивилизации. Эта культура должна предложить всеобъемлющий взгляд на личность, общество и систему жизни на планете, а также эффективную этическую систему для жизни в глобальном взаимодействующем мире, основанную на лучших достижениях науки и духовного развития.

Планетарная культура единства в многообразии может помочь сегодняшним поколениям преодолеть разобщенную и, по сути, неустойчивую доминирующую культуру современного мира. В настоящем Манифесте представлены основные положения этой новой, крайне необходимой культуры.

МАНИФЕСТ

Призыв к планетарной культуре ответственности[1]

Планетарная культура единства в многообразии построена на признании того, что мы являемся сознательными членами глобально взаимодействующей челове-

[1] Эта и следующая часть Манифеста частично основаны на «Манифесте о планетарном сознании», составленном мною в соавторстве с Далай-ламой и принятом Будапештским клубом в 1996 г.

ческой семьи и как сознательные ее члены имеем множество обязанностей. Мы несем ответственность:

– как индивидуумы;
– как граждане своей страны;
– как участники экономической деятельности;
– как члены всемирной сети человеческих сообществ;
– как субъекты, наделенные развитым мышлением и сознанием.

Как индивидуумы мы обязаны поддерживать свои интересы в гармонии с интересами и благополучием других. Мы обязаны осуждать и предотвращать любые формы убийства и жестокости; заводить столько детей, сколько нам действительно надо и сколько мы реально можем содержать; уважать права на жизнь, развитие, равный статус и достоинство всех детей, женщин и мужчин, живущих на Земле.

Как граждане своей страны мы должны потребовать от руководителей перековать мечи на орала и выстроить мирные взаимоотношения с другими народами в духе сотрудничества; признать законные притязания всех сообществ человеческой семьи; не злоупотреблять властью для манипуляции людьми и использования природных ресурсов в недальновидных и эгоистичных целях.

Как участники экономической деятельности мы должны заботиться, чтобы наши коммерческие цели заключались не только в прибыли и росте, чтобы товары и услуги соответствовали человеческим потребностям и запросам и при этом не наносили ущерб ни людям, ни природе; чтобы они не служили разрушительным и аморальным планам; чтобы уважались права всех предприятий и предпринимателей, которые честно конкурируют на мировом рынке.

Как члены всемирной сети человеческих сообществ мы обязаны развивать уважение и взаимопонимание между людьми и народами независимо от того, похожи они на нас или нет, а также добиваться того, чтобы все люди во всем мире имели возможности (материальные и духовные ресурсы) для борьбы с возникающими проблемами и поддержания высокого качества жизни.

И *как субъекты, наделенные развитым мышлением и сознанием*, мы должны способствовать постижению и осмыслению человеческого духа во всех его проявлениях и внушать благоговение и восхищение Вселенной, которая создала жизнь и разум и обеспечивает возможности его дальнейшей эволюции на пути к более высоким уровням проницательности, взаимопонимания, любви и сочувствия.

Призыв к планетарной культуре солидарности

Практически повсеместно внутренний потенциал людей угнетается и не развивается. Методы воспитания детей подавляют их таланты в области обучения и творчества; опыт молодых людей, вынужденных выживать в материальном мире, вызывает у них состояние фрустрации и негодования. У взрослых это приводит к компенсаторному, аддиктивному и маниакальному поведению. В результате мы получаем постоянное социальное и политическое подавление, экономические войны, культурную нетерпимость, криминал и игнорирование проблем окружающей среды.

Преодоление социально-экономических трудностей и кризисов требует серьезного социально-экономического развития, что невозможно без улучшения каче-

ства образования, информации и коммуникации. Однако этому препятствует отсутствие адекватного уровня социально-экономического развития. Возникает порочный круг: недоразвитость приводит к фрустрации, а фрустрация ведет к неправильному поведению и блокирует развитие. Этот круг можно разорвать в наиболее податливой точке – в сфере развития культуры, которая воздействует на умы и обусловливает линию поведения основной массы людей в обществе. Достижение этой цели не исключает необходимости социально-экономического развития со всеми его финансовыми и техническими ресурсами, но призывает одновременно решать задачи в области культуры. Если культура не приобретет общепланетарных масштабов, процессы, наносящие вред обществу и природе, усилятся и вызовут волну проблем, которые будут угрожать текущему переходу к устойчивому глобальному обществу. Это стало бы неудачей для всего человечества и угрозой для каждого в отдельности. Развитие планетарной культуры солидарности – крайне важная цель, которую должны разделять все члены человеческой семьи.

Призыв к планетарной культуре единства

Человеческий организм – это совокупность клеток, число которых превышает количество звезд в нашей галактике. Эти клетки очень разнообразны, но они образуют различные органы и системы органов в организме и подчиняются точному, хорошо отлаженному потоку энергии и информации, который поддерживает жизнь. В целом эта многомерная, невообразимо сложная система настроена на выполнение первостепенной задачи поддержания организма в невероятном (в физическом смысле) состоянии динамического баланса, при котором необратимые жизненные процессы могут протекать, не возвращаясь в инертное состояние теплового и химического равновесия.

Живая природа, в свою очередь, – это совокупность несметного числа видов и популяций, живущих в разнообразных природных условиях, где поддерживается всеобщий динамический баланс, обеспечивающий условия для существования и сохранения жизни в биосфере.

Человеческие сообщества зародились в лоне природы миллионы лет назад, а независимые друг от друга культуры с соответствующими линиями поведения сложились уже 20–50 тыс. лет назад. С наступлением неолита 10 тыс. лет назад все больше человеческих сообществ отделились от жизни с ее всеобщим балансом и начали создавать свои собственные системы и условия, изменяя природную равновесную систему под свои потребности и желания. В современном мире забота о поддержании системы, в которой мы живем, уступает заботе о субъективных потребностях и желаниях отдельных личностей и сообществ.

Такое смещение акцентов привело к образованию разрывов и разделений на разных уровнях. С одной стороны, оно способствовало бурному росту разнообразия, так как отдельные влиятельные личности и группы создавали сообщества, которые бы служили их интересам и желаниям. С другой стороны, им не удалось сохранить единство и слаженность глобального сообщества, которое распалось на современные и традиционные, богатые и бедные, развитые и развивающиеся группы. По сути, рост разнообразия культур без стремления к единству сделал сформировавшуюся глобальную систему неустойчивой.

Следующий этап развития планетарной культуры

На сегодняшний день существует необходимость дальнейшего развития человеческой культуры – развития, основанного на уважении разнообразия локальных культур с учетом их глобального единства и цельности. Отдельные культуры всегда некоторым образом объединяют население в некую форму единства, целостности. Сейчас население достигло глобального уровня, и эти культуры должны расширить свои границы, чтобы охватить всех людей и все сообщества. Своеобразие и уникальные преимущества локальных культур и сообществ должны быть сохранены, при этом необходимо соблюдать баланс с учетом динамичной интеграции системы жизни на планете.

Необходимо создать планетарную культуру единства в многообразии. Целенаправленная коэволюция силами ответственных людей и разных наций и сообществ будет способствовать созданию экоцивилизации, которая могла бы обеспечить процветание человечества и сохранение жизни на Земле.

Перевод с английского К. А. Уховой

ФАКТОР АХИМСЫ: АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НЕНАСИЛИЯ В КИТАЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Тобиас М. Ч.
президент Фонда “Dancing Star”.
E-mail: mctobias@aol.com

Моррисон Дж. Г.
сотрудник Фонда “Dancing Star”

В наше время мы наблюдаем шестое массовое вымирание видов за 4,2 млрд лет существования жизни на Земле. Каждый день мы теряем 40 000 отдельных популяций организмов. Исчезновение видов и естественной среды обитания превышает все аналогичные показатели за 65 млн лет. Человеческая популяция подойдет к критическому порогу, достигнув численности 9,5 млрд, а при самом худшем сценарии – 15 млрд человек с соответствующими объемами потребления. Крайне необходима новая глобальная парадигма, которая определит золотой стандарт уважительного отношения человека к окружающей среде, и Китай – на сегодняшний день крупнейшая страна в человеческой истории – имеет возможность запустить глобальные процессы, необходимые для создания нового золотого стандарта, который бы остановил насилие над окружающей средой. Разумеется, это будет задача не из простых.

В настоящей статье авторы исследуют некоторые аспекты стоящих перед Китаем 2013 г. проблем глобального биоразнообразия, международной торговли, экологической деградации, демографии и прав животных, и предлагает ряд решений.

Ключевые слова: *Китай, экологическое ненасилие, ахимса, джайнизм, биоразнообразие, права животных, вымирание, исчезающие виды, демографический взрыв, демографический сдвиг.*

The world is witnessing the Sixth Extinction Spasm in the annals of 4,2 billion years of life on Earth. We are losing some 40,000 discrete populations of organisms every day. Species and habitat loss exceeds anything comparable during the last 65 million years. The human population is poised to hit between 9,5 billion and – in the absolute worst case scenario, 15 billion – with all of its accompanying consumption. A new global paradigm that can set the gold standard for ecologically-humble human behavior is urgently required and the nation of China – the largest country in human history, by far – has the potential to set in motion the global processes that are a prerequisite to a new gold-standard for rectification of ecological violence. This will be no easy challenge, to be sure.

In this essay, authors examine some of the comprehensive biodiversity, global trade, ecological degradation, demographic and animal rights challenges facing the China of 2013 and suggests some solutions.

***Keywords**: China, ecological non-violence, Ahimsa, Jainism, biodiversity, animal rights, extinction, endangered species, population explosion, demographic transition*

Чем мы рискуем?

Сложная экологическая ситуация – один из самых серьезных и одновременно уязвимых пунктов для Китая. В этом отношении он не одинок. Человечество вроде бы проснулось от длительного сна и начало осознавать риски и перспективы сложившейся ситуации. Экологический психоз охватил как положительные аспекты, так и колоссальные провалы в человеческой деятельности. Все мы свободны выбирать свою судьбу. Эволюция не ограничивает нас, равно как и не освобождает. Мы сами должны быть инициаторами сознательных изменений.

В мае 2006 г. Европейское агентство по окружающей среде приняло проект, который уже давно ждали, – проект по «остановке процесса утраты [глобального] биоразнообразия к 2010 году»[1]. Его принятие повлекло за собой поток исследований и растущую тревогу в мировом научном сообществе, которое четко осознало, что мы наблюдаем шестое массовое вымирание за 4,2 млрд лет известной нам истории жизни на планете. Современное ускоренное вымирание видов примерно в 1000 раз превышает предполагаемую «естественную скорость» вымирания, которая составляет 1 вид на каждый миллион видов, или от 10 до 100 вымерших видов в год. Конечно, в разных регионах скорость исчезновения различна, но в некоторых ситуация выглядит так, будто буквально каждый день сотни тысяч видов исчезают навсегда[2].

По мере исчезновения видов ослабевает их связь с другими популяциями. Это вызывает исчезновение ареалов обитания, нарушение стабильной миграции и необходимого генетического здоровья взаимозависимых биотических сообществ, распад которых может происходить так же стремительно, как лесной пожар или обрушение шельфового ледника в Антарктике, когда основные причины лежат глубоко внутри структуры и часто остаются за пределами экрана радара. «Леса, водные системы, пастбища – что ни возьми, все находится в плачевном состоянии. Во имя планеты научное сообщество, изучающее биоразнообразие, должно найти способы организации и координации междисциплинарных исследований и предложить правительствам всеми одобряемые меры для остановки предполагаемого катастрофического процесса исчезновения видов, который уже начался»[3], –

[1] См.: http://epaedia.eea.europa.eu/pag.php?pid=584

[2] Подобное утверждение родилось на основе трех групп данных, полученных эмпирически. Во-первых, следует учитывать поразительные открытия Терри Л. Эрвина. Изучая территорию тропического Национального парка Ясуни в Эквадоре (1 гектар, или 2,4 акра), Эрвин и его коллеги разработали объективный индекс численности беспозвоночных и обнаружили 60 000 различных видов на гектар, многие из которых эндемичны для этого небольшого тропического леса [Erwin 1988: 123–129; см. также: *Idem* 1997: 27–40]. Добавим к открытиям Эрвина неизбежную биологическую взаимозависимость. В своем исследовании 12 200 растений и животных, находящихся под угрозой исчезновения, Навджот Содхи и Лиан Пин Ко (Национальный университет Сингапура) обнаружили, что на каждый исчезающий вид (часто это беспозвоночное животное) приходится два других известных вида, которые в равной степени подвергаются опасности [Extinct… 2004]. Если эти уязвимые звенья попадут под «бульдозер» развития, который является причиной потери 200 000 акров тропического леса по всему миру каждый день, потери для сегодняшнего поколения будет просто неисчислимыми [см.: Rainforest… n.d.; см. также: Keating 2000].

[3] См.: Earth… 2006. Профессор Уоррик пишет: «Большинство биологов убеждено, что массовое вымирание растений и животных уже началось, что это главная угроза человечеству в следующем веке. Однако, по данным опроса, многие американцы лишь смутно представляют себе суть проблемы» [Warrick 1998].

заявил доктор Уотсон, бывший председатель Межправительственной группы экспертов по изменениям климата (МГЭИК).

Неудивительно, что ежедневно на планете исчезает примерно 40 000 отдельных популяций организмов [Tobias 2013].

Экологическое возрождение

Как и Европейское агентство по окружающей среде, Китай уже давно занимается экологическими проблемами. Подъем экологической науки, защита биоразнообразия, исследования и разработки в области возобновляемой энергии, снижение уровня загрязнений, восстановление лесных массивов и другие направления защиты окружающей среды получили значительное развитие в Китайской Республике. Несмотря на огромное количество проблем, Китай все ближе к тому, чтобы стать лидером мирового движения за глобальную экологическую цивилизацию. Передовые технологии по восстановлению окружающей среды на протяжении многих лет широко обсуждались в научных и инженерных кругах Китая. Полтора года назад Исследовательский центр по экологии и наукам об окружающей среде Академии наук КНР (Пекин) опубликовал серьезное исследование экополисов на примере города Ханчжоу. В нем автор Русонг Вонг описал «десять широкомасштабных проектов по развитию экологической инфраструктуры и 1250 проектов в области экологической инженерии. Сюда входят организация системы бесплатного проката велосипедов, экологическое сельское хозяйство и промышленность, устойчивое потребление, создание экологического сообщества, восстановление заболоченных земель, очистка сточных вод в сельских районах, переработка отходов в городах, экологические захоронения, экологическое картографирование». «На сегодняшний день 30 % и 70 % населенных пунктов отвечают соответственно государственным стандартам экополисов и стандартам провинций, а 6 округов/районов получили статус экоокругов», – добавляет Вонг [Rethinking…].

Наиболее интересные результаты и заманчивые возможности концепции устойчивого экополиса обсуждаются на сайте Гарвардской школы бизнеса и Высшей школы дизайна [Sustainable...]. Так, одна из последних статей была посвящена особенностям вертикальной устойчивости и «передовым технологиям», использованным в ходе строительства третьего по высоте здания в мире – Шанхайской башни.

Среди многочисленных признаков экологического возрождения Китая следует упомянуть Национальную стратегию сохранения растений [China Launches… 2007], цель которой – сохранение для будущего около 5000 специально отобранных растений, находящихся под угрозой исчезновения, и расширение охраняемых территорий. Широкомасштабный проект по восстановлению лесных массивов Китая охватывает 97 % территории страны и является самой крупной инициативой подобного рода за всю мировую историю. На первом этапе была засажена территория, вдвое превышающая территорию штата Колорадо [Major…; Paulownia…; UTC…]. В 1998 г. прекращена коммерческая вырубка леса в одной из биологических «горячих точек» – в Сино-Тибетских горах на юго-западе Китая[4].

[4] Эта так называемая «горячая точка» – регион, где растут по крайней мере 1500 эндемичных сосудистых растений (вид-индикатор), на территории которого было вырублено 70 % лесов [см.: Tobias *et al.* n.d.].

Экологические проблемы

Рассмотрим наиболее обсуждаемые противоречия китайской традиции, в частности почитание природы в древней даосистской философии, прослеживаемое в эстетическом восприятии китайцами диалога, литературы и других видов искусства и философских форм, и, к сожалению, в отдельных случаях одновременную склонность к разрушению этой самой духовности [Hou Wenhui 1997: 482]. Так, на сегодняшний день многие продолжают игнорировать запрет правительства на вырубку леса. По некоторым данным, в Сино-Тибетских горах осталось всего 5 % леса [Mittermeier *et al.* 2004: 160].

Приведем еще один пример. Несмотря на огромную работу по восстановлению эндемиков и лекарственных растений, дикий китайский рис, судя по всему, исчезнет уже через десять лет[5]. Это всего лишь два примера. Такие экологические противоречия – обычное дело для любой страны, но для Китая, на территории которого еще много уголков дикой природы, потери могут быть более значимыми, а последствия (если он не справится с проблемами) станут весьма плачевными.

Остановить процесс сокращения биоразнообразия

Нельзя недооценивать степень деградации биоразноборазия: это самые серьезные потери, которые грозят нации, ведь вряд ли кому-то захочется повторить судьбу исчезнувшей культуры острова Пасхи. Как и в любой другой экономике, впечатляющий рост Китая всецело зависит от его природных богатств. При этом не имеет значения, какие объемы он или любая другая страна импортирует, пытаясь компенсировать нехватку истощающихся ресурсов, – синдром, который экологи называют «голландской болезнью» (соотношение между устойчивым развитием и ассимилирующей способностью окружающей среды) [см.: The Netherlands...].

Если бы Китай утратил свое природное наследие, он потерял бы не просто душу, он потерял бы самого себя.

История была не слишком благосклонна к двадцати двум великим цивилизациям прошлого, проигнорировавшим предупреждающие знаки окружающей среды, что очень точно описали известные историки Арнольд Тойнби и Джаред Даймонд [Toynbee 1976; Diamond 2005; см. также главу о Китае в: Tobias 1994]. В своей книге «Коллапс: как общества выбирают успех или неудачу» Даймонд обращает внимание на три гигантские стройки, являющиеся «крупнейшими мировыми проектами, которые, скорее всего, вызовут серьезные экологические проблемы». Это дамба «Три Ущелья» в провинции Хубей, проект переброски воды с юга на север и полномасштабное стремительное развитие большей части Западного Китая [Diamond 2005: 367].

Как уже отмечалось, Китайская Народная Республика может понести такие же потери в плане биоразнообразия, как и другие страны, если не больше. Рассмотрим основы «экологического метаболизма» страны: 18 % территории, то есть 175 млн га (420 млн акров, или примерно 700 000 квадратных миль), пока еще покрыты лесами. Под их обширным, но не сплошным покровом живет по мень-

[5] «Китайский дикий рис исчезнет через 15 лет», – заявил профессор Пекинского университета доктор Лу в своем очередном докладе, где подробно описал исчезающее природное наследие и привел некоторые примеры реально исчезающих видов [Yardley 2007].

шей мере 6347 видов позвоночных животных, в том числе 581 вид млекопитающих, 1244 вида птиц, 284 вида земноводных, 376 видов рептилий и не менее 20 000 видов морских животных [см.: China's Third… 2005: 7]. Кроме того, в Китае представлено примерно 8 % видового разнообразия растений планеты, то есть около 30 000 видов. Треть из них – эндемики (нигде больше не встречаются). Учитывая вершины Эвереста и Турфанскую впадину (154 м ниже уровня моря), перепад высот в Китае самый большой в мире. Это обеспечивает поразительное разнообразие видов, включающее флору и фауну многочисленных горных хребтов, пустынь, тропических, умеренных и морских широт.

Среди видов, являющихся символом Китая и находящихся на грани исчезновения, не только вымирающая большая панда, но и менее известные животные. Так, здесь живет «самое большое количество приматов, находящихся под угрозой исчезновения», в том числе такие виды, как рокселланов ринопитек и хайнаньский гиббон [Mittermeier *et al.* 1997: 263, 267]. Среди других удивительных «жителей» Китая – китайский речной дельфин, олень Давида, снежный леопард, китайский аллигатор, самое большое в мире число видов эндемичных фазанов, не говоря уже о четверти всех мировых видов рододендрона, а также самых разнообразных лишайников, папоротников и мхов.

Как и страны Европейского союза, КНР решила остановить процесс сокращения биоразнообразия, используя постоянные критерии. Члены международной организации по сохранению биоразнообразия Conservation International в своей критической работе «Еще раз о горячих точках» так оценивают ситуацию в Китае: «…время истекает... наряду с существующими факторами воздействия на отдельные естественные ареалы обитания – пастбищное животноводство, расчистка территорий, охота, добыча лесной продукции – возникают новые угрозы, такие как строительство дамб на реках в горячих точках, разработка месторождений, развитие стихийного массового туризма, сопровождающиеся расширением сети дорог, все это наносит ущерб дикой природе. Это означает, что исчезновение растений и животных с ограниченной областью распространения – реальная и близкая угроза»[6].

Китай противопоставил этим сигналам мощные коллективные усилия, свидетельствующие об осознанном решении противостоять биологической деградации, и выдвинул серьезные инициативы по устойчивому развитию, о которых уже говорилось выше. Китай, как и многие другие страны, понимает всю уязвимость местной флоры и фауны. Кроме того, он осознает мировое значение и важность подобного биоразнообразия. В отличие от, например, Национального парка Ясуни в Эквадоре, где за насекомыми и пауками пристально наблюдают уже почти 20 лет, в Китае велись только предварительные исследования позвоночных, и все говорит о том, что впереди еще масса удивительных открытий в мире флоры и фауны [Xu MuQi, Zhang Zhibin 2002].

Сегодняшнему поколению молодых китайских экологов есть на что надеяться. Но путь этот будет нелегким, что подтверждают различные отчеты. Так, в рейтинге устойчивости окружающей среды в 2005 г. Китай занимал 133 место из 146 (146 место занимала Северная Корея) [The 2005 Environmental… 2005]. В 2008 г. индекс экологической эффективности показал некоторые улучшения: Китай был

[6] См.: Mittermeier *et al.* 1997: 164.

105-м из 149 государств. Он оказался ниже Мьянмы и едва опережал Узбекистан [2008 Environmental…]. Но в 2012 г. он снова опустился на 116 место из 132 [Environmental…]. В основном это обусловлено проблемой загрязнения атмосферы и воды в Китае, но есть в этом и доля сокращения биоразнообразия.

Экологические затраты и выгоды

Издержки и выгоды, связанные с ущербом окружающей природе в такой большой стране, как Китай, приблизительно равны. Учитывая ежегодные общие потери, превышающие средний ежемесячный активный торговый баланс страны в 10 млрд долларов [см.: Lardy 2008; см. также: Imports… 2008], и смену демографического курса (увеличение предпочтительного числа детей в семье до двух вместо одного), потребление в Китае приобретает ужасающий размах, даже несмотря на национальные запасы наличных, превышающие миллиард долларов [Mukherjee 2007]. Быстрое появление городских статистических зон с электростанциями на низкосернистом угле и стремительное увеличение количества автомобилей опережают даже бурный рост населения. Все больше земель попадают в разряд зон вынужденного ущерба.

Конечно, развитие системы охраны окружающей среды Китая за счет растущей прибыли не менее важная задача, чем развитие национального пенсионного фонда. В своем заявлении для официального информационного агентства «Синьхуа» бывший вице-премьер-министр Жень Пейян сказал, что хотя «уголь, железо и нефть» – приоритетные товары, на которые идут все избыточные денежные средства [*Ibid.*], страна должна озаботиться еще двумя назревающими проблемами. Во-первых, ростом численности населения и доли пенсионеров (к 2050 г. численность китайцев достигнет 1,45 млрд человек, из которых большой процент будут составлять пожилые люди) и, во-вторых, быстро истощающимся природным капиталом[7]. Подобное сочетание проблем может стать фатальным для биоразнообразия.

Сельскохозяйственная дилемма

Если говорить об экологически благополучном будущем, наряду с экологическим дисбалансом и сокращением биоразнообразия беспокойство вызывает положение в одной из самых сложных сфер – сельском хозяйстве. В провокационной редакционной статье в газете «Вашингтон пост» от 11 марта 2011 г. Лестер Браун задал вопрос: «Смогут ли Соединенные Штаты прокормить Китай?» Эта статья вызвала удивление и массу разговоров о современной проблеме зернового импорта и экспорта, опустынивании и снижении грунтовых вод в районе Великой Китайской равнины. Браун пишет: «Так же, как Китай является банкиром для Америки, Америка может стать фермером для Китая». Подобный сценарий он подкрепляет следующим аргументом: «Китаю ежегодно требуется 80 млн тонн зерна, чтобы удовлетворить всего лишь одну пятую своих потребностей». Если, как полагает Браун, Китай «ворвется на американский зерновой рынок, американские потребители обнаружат, что им надо конкурировать с 1,4 млрд иностранных потребителей». Скачки цен на сельскохозяйственную продукцию, оказывающие дестабилизирующее влияние на политику, могли бы отрицательно сказаться на

[7] «Китай стареет быстрее, чем богатеет». См.: Zhou 2006.

дипломатических отношениях. Как говорит Браун, «если Китай подтолкнет рост цен на продовольствие в США, напряженность между двумя странами может усилиться» [Brown 2011].

Это одна сторона дилеммы. Другая касается экологического дисбаланса – насколько такое потребление, если реализуется сценарий об истощении почв и рек Китая, может усугубить фрагментацию естественной среды и сокращение биоразнообразия, учитывая данные Международного союза охраны природы в Китае, согласно которым «более 27 % видов находятся под угрозой исчезновения»[8]. Это еще один очень существенный фактор, влияющий на возникновение глобальной экологической цивилизации во главе с Китаем, учитывая его размер, население, богатства и биологическое разнообразие. Упомянем также права животных – это еще одна проблема. Несомненно, как говорили многие выдающиеся деятели (от китайцев Лао-цзы, Конфуция и Се Лин-Юня до Леонардо да Винчи, Махатмы Ганди и Эйнштейна), о человеческой цивилизации можно судить по ее отношению к животным. Права животных – самое точно отражение этических и духовных проблем нации. Что касается Китая, многие права животных и основные вопросы их защиты тонут в системе неэффективного законодательства, мониторинга и регулирующих законов, обещающих охватить всю страну. Даже несмотря на то, что на территории тридцати трех единиц провинциального уровня в составе Китая проживает по крайней мере 50 различных культур и языковых групп, уже одного отсутствия единой системы ценностей в Китае достаточно, чтобы препятствовать возможному возникновению какой-либо волны сопереживания животным в ближайшем будущем.

Это, возможно, самая серьезная проблема, с которой Китаю придется бороться, поскольку она усугубляет остальные экологические промахи; в результате этого кризиса страна может оказаться на пути, который привел некоторые древние цивилизации к вымиранию. Напомним, двадцать две таких цивилизации были описаны британским историком Арнольдом Тойнби. Подобные исследования провели Кларенс Глакен из Калифорнийского Университета в Беркли, Освальд Шпенглер, Джаред Даймонд, а также автор данной статьи в своей книге (и фильме) «Третья мировая война: Население и биосфера в конце тысячелетия» (Bear & Co., Санта-Фе, Нью-Мексико).

Проблема прав животных в Китае

В своем интервью журналу «Форбс» доцент Хьюстонского университета Питер Дж. Ли подробно описал ситуацию в Китае, которая не так уж уникальна. Как говорит доктор Ли, огромная численность сельскохозяйственных животных в Китае подразумевает, что большое количество сельскохозяйственных животных в мире выращивается в условиях рискованного фермерства в Китае. Доктор Ли высказался по поводу кризиса в китайском сельском хозяйстве: «шокирующие методы сельского хозяйства и практика жестокого забоя скота», «забой собак», «коллективный страх голода в умах китайских людей старше 50 лет» – все это является дополнительным негативным фактором в ситуации, которая по сути ха-

[8] http://www.iucn.org/about/union/secretariat/offices/asia/asia_where_work/china/iucnch_work/iucnch_biodiversity/. См.: Population Reference Bureau Data Comparisons. URL: http://ww.prb.org/Datafinder/Topic/Bar.aspx?sort=v&order=d&variable=92, and 93

рактеризуется абсолютным отступлением от традиционных китайских этических и эстетических ценностей. В целом ситуация в Китае такова, что, как говорит доктор Ли, страна «отстала от индустриальных наций в сфере законодательства по защите животных более чем на 180 лет». Доктор Ли пишет: «Никогда еще за всю свою 5000-летнюю историю Китай не выращивал и не содержал столько видов диких животных в неволе, сколько сейчас» [Tobias 2012].

Доктор Ли напоминает, что в 1990 г. Китай обогнал США и стал фактически крупнейшим производителем мяса. Он добавляет: «В то время как люди на Западе приветствуют друг друга словами: “Как поживаешь?”, китайцы при встрече традиционно спрашивают: “Ел ли ты сегодня?”» Доктор Ли вспоминает, что когда он в Китае встретил своих однокурсников спустя 30 лет после окончания университета, то весил на 40 фунтов меньше, чем они. Они интересовались, достаточно ли хорошо он питается в США. Говоря о питании, доктор Ли указывает на тот факт, что быстрая китайская индустриализация угрожает выживанию 398 видов позвоночных по всему Китаю. Он анализирует традиционную медицину с точки зрения эксплуатации биоразнообразия Китая и приводит в пример вино из костей тигра с его «сомнительным лечебным эффектом». Доктор Ли задается вопросом, неужели эти якобы спасительные лекарства от всех болезней, начиная с раздражения глаз и заканчивая раком, комой, тяжелым острым респираторным синдромом (ТОРС) и даже пересадкой почек, есть не что иное, как использование диких животных и растений с целью наживы на страхах пациентов.

И это касается не только китайской медицины, но и, например, страсти к вещам из слоновой кости. Это еще одно ужасное культурное пристрастие, которое является основной причиной уничтожения африканских и азиатских слонов – самых больших сухопутных млекопитающих на Земле, которым, как и нам, людям, свойственны глубокое самосознание, эмоциональные и когнитивные связи.

Доктор Ли заключает: «Страдания животных в Китае беспрецедентны по масштабу – и с точки зрения их количества... и с точки зрения их благополучия. По этому показателю я бы поставил Китай на самое последнее место в мировых рейтингах…»

Однако он не теряет надежды и оптимизма и замечает, что сегодня в Китае насчитывается 130 млн собак, многие из которых – домашние питомцы. Как результат расширяется китайское общество защиты животных. Некоторые китайские активисты подсчитали, что от 30 до 50 млн китайцев – это любители животных, что превышает все население Канады [*Ibid.*].

Широкие возможности Китая в области защиты окружающей среды

С другой стороны, несмотря на вышеупомянутые трудности, эти «отрицательные внешние эффекты», если их ликвидировать, могут действительно открыть перед Китаем самые широкие возможности для сохранения биологического наследия, с тем чтобы гарантировать удовлетворение базовых потребностей огромного населения в чистой воде, атмосфере, почвах, запасах зерна, выращенных фруктах и овощах, не говоря уже о наследии экологического ненасилия для будущих поколений. Вместе с тем открываются самые заманчивые и примечательные перспективы в мировой истории для экологически мыслящих предпринимателей.

Для этого необходимо, чтобы китайские защитники природы и бизнесмены работали рука об руку, пока правительство, будем надеяться, продолжит серьезно трудиться над продуманной национальной стратегией сохранения биологического разнообразия и редких видов. Кроме того, нужно определить приоритеты в разработке широкомасштабных программ защиты экосистемы, смягчающих последствия экономического прогресса, выделить существенные экологические ресурсы, распределить «экологические выгоды» от эффективного использования природы; ввести национальные протоколы на «плату за загрязнение окружающей среды» и превентивные меры, и более строго требовать наблюдения и соблюдения существующего законодательства в области охраны окружающей среды и прав животных.

Проблемы усугубляются ограниченными временными рамками. Позиция Китая в рейтинге стран – одна из главных неудач страны: среди стран с самым большим количеством растений и животных, находящихся под угрозой исчезновения, Китай занимает одно из последних мест – соответственно 14-е и 7-е снизу. И хотя страна прикладывает значительные усилия для развития экотуризма, всеобщего плана устойчивого развития не существует [Han Nianyong, Ren Zhuge 2001: 228–242].

Напротив, учитывая экономические успехи и широкие возможности уменьшения квот на выброс углекислого газа за счет уменьшения отрицательных последствий в Китае, экономика восстановления окружающей среды предполагает развитие отраслей промышленности, которые превзойдут все другие виды отрасли, обеспечив выгоду и для экономики, и для окружающей среды региона, сосредоточившего важный набор видов организмов на планете. В этом ключе Национальное агентство по охране окружающей среды Китая уже заявило, что «выживание человечества невозможно отделить от выживания других видов» [см.: China's Biodiversity 1998].

Несколько замечаний по теме

Поставив перед собой данную цель, Китай уже демонстрирует определенные успехи. С тех пор, как он признал свой уникальный статус страны с исчезающими видами в момент подписания Конвенции по биологическому разнообразию в 2004 г., Китай пытается разработать и ввести в действие революционный закон о защите дикой природы и одновременно создать национальную систему защитных механизмов [Biodirersity].

Десять лет назад Китайская академия наук начала борьбу за сохранение в стране разнообразия сосудистых растений на территории специальных садов, конечная площадь которых должна будет составить 458 км^2, – самой большой сети ботанических садов в мире.

Были созданы сотни станций для разведения диких животных и растений. Уже есть успехи в разведении таких редких видов, как панда, китайский аллигатор, олень-лира и тибетская антилопа [*Ibid.*]. Эти усилия можно рассматривать как признак перемен и взять за отправную точку для оценки улучшения окружающей среды. Поскольку все сферы экономики – это производные от материприроды, то, что хорошо для большой панды, хорошо для всего Китая.

Что хорошо для Китая, хорошо для всего мира

Когда в прошлом году Джереми Рифкин, выступая перед Европейской комиссией, пояснил, что он понимает под «третьей индустриальной революцией», он заявил, что Германия, «как ожидается, к 2020 году будет получать 35 % электрической энергии из возобновляемых источников»; что «Даймлер, компания, которая изобрела двигатель внутреннего сгорания, ознаменовавшего вторую производственную революцию, готовит почву для строительства водородных заправочных станций, чтобы подготовить начало массового производства автомобилей с водородным топливным элементом в 2015 г.». Он представил новую концепцию для Евросоюза, где «на первый план выходит Европейский союз как наиболее процветающий и самый крупный коммерческий рынок в мире».

Как говорит Рифкин, ключевым пунктом является создание режима бесперебойного распределения возобновляемой энергии, Интернета на экологической энергии, а также коммуникационной и транспортной сети, которые позволят миллиарду людей участвовать в устойчивой коммерческой деятельности и торговле на Европейском континенте и его периферии. Таким образом, заявляет Рифкин, Европейский союз вступит в эпоху зрелости [Beynod… 2012].

Теперь о будущем Китая. Мы мечтаем о стране, которая тоже смогла бы безболезненно реализовать планы, подобные плану Рифкина для ЕС. Мы мечтаем о Китае, открытом для решения экологических проблем, в том числе сохранения биологического разнообразия региона, и очень инициативном, когда дело касается обязательств и ответственности за общую окружающую среду, для которой как никогда характерна глобальная взаимозависимость.

Это было отчетливо выражено в декабре 2012 г. на круглом столе Международного союза охраны природы (МСОП) в Китае, посвященном так называемой «экологической цивилизации, основанной на уважении к природе». Председатель комиссии по образованию и коммуникациям при МСОП доктор Джулиан Цейдлер предложил концепцию «Любить, а не терять», согласно которой лучший способ «восстановить связь с природой» – это не столько сохранить в памяти уже исчезнувшие или исчезающие виды, сколько восстановить связь между нашей повседневной жизнью и природой – «то, в чем мы больше всего нуждаемся». Более того, новый президент МСОП Чжан Синьшэн, по его словам, давно является приверженцем «единодушного согласия между сторонниками экологически благополучного, устойчивого будущего». Учитывая, что он признает тяжелую ситуацию с бедностью в большей части мира и бесчисленные проблемы в области окружающей среды, оптимизм Чжан Синьшэна и его решимость создать лучший мир выражает цели не только МСОП, но и в целом Китая [Nature… 2012].

В завершение отметим: неизбежные глобальные процессы, которые должны сделать из Китая сторонника экологического ненасилия, влекут за собой формирование представления об одной из древнейших, мощных и богатых держав в мире как о стране, которая устанавливает самые высокие стандарты экологического благополучия, устойчивости, сострадания и толерантности; как о нации, у которой, желает она того или нет, есть все основания, чтобы стать экологическим «маяком» мировой цивилизации и гармонии.

Перевод с английского К. А. Уховой

Литература

Beyond Austerity, a Sustainable Third Industrial Revolution Economic Growth Plan For the European Union. An Executive Summary of Jeremy Rifkin's Keynote Speech for the Mission Growth Summit: Europe at the Lead of the New Industrial Revolution, hosted by The European Commission. May 29, 2012.

Biodirersity. N.d. [Электронный ресурс]. URL: www.china.org.cn/english/features/China2004/107041.htm

Brown L. R. Can the United States Feed China? // Washington Post. 2011. March 11 [Электронный ресурс]. URL: http://articles.washingtonpost.com/2011-03-11/opinions/35208618_1_corn-futures-soybean-futures-grain-harvest

China's Biodiversity: A Country Study. Beijing: National Environment Protection Agency of China, 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://bpsp-neca.brim.ac.cn/books/cntrysdy_cn/index.html

China Launches `Mammoth' Plan to Halt Biodiversity Crisis // Botanic Gardens Conservation International. 2007. July 4 [Электронный ресурс]. URL: www.bgci.org/china_en/news/0376/

China's Third National Report on Implementation of the Convention on Biological Diversity, State Environmental Protection Administration of China. 2005. September 15.

Diamond J. Collapse – How Societies Choose to Fail or Succeed. New York : Viking Press, 2005.

Earth Facing "Catastrophic" Loss of Species // China Daily. 2006. July 21 [Электронный ресурс]. URL: http://english.biodiv.gov.cn/zyxw/200609/t20060904_92241.htm

2008 Environmental Performance Index Summary for Policymakers. Yale Center for Environmental Law and Policy; Center for International Earth Science Information Network, Columbia University, In Collaboration with the World Economic Forum, Geneva, Switzerland, and Joint Research Centre of the European Commission, Ispra, Italy.

Environmental Performance Index. N.d. [Электронный ресурс]. URL: http://epi.yale.edu; http://epi.yale.edu/epi2012/rankings

Erwin T. L. The Tropical Forest Canopy: The Heart of Biotic Diversity // Biodiversity / Ed. by E. O. Wilson. Washington, D.C. : National Academy Press, 1988. Pp. 123–129.

Erwin T. L. Biodiversity at Its utmost: Tropical Forest Beetles // Biodiversity II / Ed. by M. L. Reaka-Kudla, D. E. Wilson, E. O. Wilson. Washington, D.C. : Joseph Henry Press, 1997. Pp. 27–40.

Extinct Species Take Others Along, Study Finds. September 13 2004 // Reuters News Service [Электронный ресурс]. URL: http://www.planetark.com/dailynewsstory.cfm/newsid/27082/story.htm

Han Nianyong, Ren Zhuge. Ecotourism in China's Nature Reserves: Opportunities and Challenges // Journal of Sustainable Tourism. 2001. No 9(3). Pp. 228–242.

Hou Wenhui. Reflections on Chinese Traditional Ideas of Nature // Environmental History. October. 1997. No 2(4). P. 482 [Электронный ресурс]. URL: http://connection.ebscohost.com/c/articles/8262229/reflections-chinese-traditional-ideas-nature

Imports Cut China's Trade Surplus // BBC News. 2008. April 11 [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/business/7341962.stm

Keating T. Rainforests and Mass Extinction // Satya Journal. 2000. Nov/Dec [Электронный ресурс]. URL: www.satyamag.com/novdec00/keating.html.

Lardy N. Parsing China's Trade Surplus // Business Week. 2008. January 13 [Электронный ресурс]. URL: www.businessweek.com/bwdaily/dnlash/jan2006/nf20060113_8659_db053.htm

Major Reforestation Project Announced. N.d. [Электронный ресурс]. URL: www.china.org.cn/english/2002/May/32599.htm

Mittermeier R. A., Robles G. P., Mittermeier G. C. Megadiversity: Earth's Biologically Wealthiest Nations. Agrupacion Sierra Madres, S.C., Mexico : Cemex, 1997.

Mittermeier R. A., Robles Gil P., Hoffmann M., Pilgrim J., Brooks Th., Goettsch Mittermeier C., Lamoreux J., Da Fonseca G. A. B. Hotspots Revisited – Earth's Biologically Richest And Most Endangered Terrestrial Ecoregions. Agrupacion Sierra Madres, S.C., Mexico : Cemex, 2004.

Mukherjee A. Spending China's cash hoard. 2007 // International Herald Tribune [Электронный ресурс]. URL: www.iht.com/articles/2007/01/09/bloomberg/sxmuk.php

Nature Based Ecological Civilization and Communications. 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://www.iucn.org/news_homepage/news_by_date/2012/?11707/6

Paulownia, the Tree of Choice in China. N.d. [Электронный ресурс]. URL: www.fadr.msu.ru/rodale/agsieve/txt/vo14/issue1/1.html

Rainforest Facts. N.d. [Электронный ресурс]. URL: www.rain-tree.com/facts.htm

Rethinking, Reform & Renovation: A Case Study of Ecological Civilizatijn Renaissance in Hangzhou city. N.d. [Электронный ресурс]. URL: eco.confex.com/eco/2011/reliminaryprogram/abstract_27375.htm

Sustainable Cities: Urbanization, Infrastructure, and Finance. N.d. [Электронный ресурс]. URL: http://sustainablecitiesfinance.wordpress.com/

The Netherlands Fallasy. N.d. [Электронный ресурс]. URL: www.pregnantpause.org/verpop/ethfall.htm

The 2005 Environmental Sustainability Index (ESI). 2005 [Электронный ресурс]. URL: www.infoplease.com/ipa/A0930889.html

Tobias M. World War III – Population and the Biosphere at the End of the Millennium. Santa Fe, NM : Bear & Co., 1994.

Tobias M. Animal Rights in China. Forbes. 2012. November 2 [Электронный ресурс]. URL: www.forbes.com/sites/michaeltobias/2012/11/02/animal-rights-in-china/

Tobias M. The Ehrlich Factor: A Brief History of the Fate of Humanity, with Dr. Paul R. Ehrlich // Forbes. 2013. January 16 [Электронный ресурс]. URL: http://www.forbes.com/sites/michaeltobias/2013/01/16/the-ehrlich-factor-a-brief-history-of-the-fate-of-humanity-with-dr-paul-r-ehrlich/

Tobias M. Ch., Morrison J. G., Mittermeier R. et al. “Hotspots”, the Feature Film Documentary, A Dancing Star Foundation/PBS Feature. N.d. [Электронный ресурс]. URL: www.hotspots-thefilm.org

Toynbee A. Mankind and Mother Earth. New York : Oxford University Press, 1976.

UTC and CI Partner to Support Reforestation in China. N.d. [Электронный ресурс]. URL: www.eurekalert.org/pub_releases/2006-09/ci-uac091406.php

Warrick J. Mass Extinction Underway, Majority of Biologists Say // Washington Post. 1998. April 21.

Xu MuQi, Zhang Zhibin. An Overview of Invertebrate Ecology in China. 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://www.actazool.org/paperdetail.asp?id=495

Yardley J. China's Turtles, Emblems of a Crisis // The New York Times. 2007. December 5 [Электронный ресурс]. URL: www.nytimes.com/2007/12/05/world/asia/05turtle.html

Zhou S. China's Reverse Population Bomb. Asia Times. 2006. November 1 [Электронный ресурс]. URL: www.atimes.com/atimes/china/HK01Ad01.html

ТЕОРИЯ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Чумаков А. Н.
д. ф. н., проф., зав. кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, первый вице-президент Российского философского общества.
E-mail: chumakov@iph.ras.ru

Статья посвящена анализу теоретических и методологических оснований современной глобализации как составной части общих глобальных процессов. Выделяются основные принципы глобальных исследований, которые должны непременно приниматься во внимание при решении теоретических и практических задач в современном мире, в особенности когда дело касается планетарного масштаба. Особое внимание уделено принципу целостности мира, системному характеру экономических и социокультурных отношений различных стран и народов, взаимообусловленности локальных, региональных и глобальных процессов общественного развития.

Ключевые слова: *глобализация, глобальные исследования, методология, целостность, система, человечество, глобальные проблемы, общественное развитие, управление.*

The article analyzes theoretical and methodological bases of modern globalization as a part of general global processes. The author points out fundamental principals of global studies to be considered when solving theoretical and practical tasks in the modern world, especially when the planet is concerned. He focuses on the principle of the world's integrity; systemic character of economic and sociocultural relations between countries and peoples; interdependence of local, regional and global processes of social development.

Keywords: *globalization, Global Studies, methodology, integrity, system, humanity, global problems, social development, governance.*

Научные и философские исследования глобальных процессов и порождаемых ими всевозможных последствий в последние годы все больше сталкиваются с трудностями, проистекающими из недостаточной разработанности теоретико-методологической базы таких исследований. Сложность же решения данной проблемы заключается в том, что глобалистика, в рамках которой только и может

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ 2013 г.

быть решена такая задача, является интегративной областью научного знания, чем она принципиально отличается от конкретных наук, являющихся, как правило, итогом дифференциации науки в широком смысле этого слова. Имея своим предметом различные сферы и области реального мира, конкретные науки оказываются бессильными, когда дело касается сложных систем, более масштабных, чем те, с которыми они имеют дело в рамках своего предмета. Глобалистика же, предметом которой является планета в целом как совокупное единство неживой, живой и социальной природы, а также глобальные процессы этой целостности и порождаемые ими последствия, анализирует и аккумулирует представления о глобальном мире, опираясь на результаты не только научных, но и философских, культурологических, прикладных исследований. Вопросы методологии, разрабатываемые с позиции философии, как раз и оказываются в данном случае наиболее востребованными, поскольку касаются всего предмета глобалистики и в то же время вполне применимы в рамках отдельных научных дисциплин.

Принцип целостности мира

Практически на наших глазах в режиме реального времени мировое сообщество все больше оформляется в качестве целостной системы, порождая глобальную взаимозависимость различных подсистем этой целостности, а также принципиально новые, никогда прежде не существовавшие трудности и проблемы. В то же время в различных регионах мира периодически возникают всевозможные конфликты, обусловленные непрекращающейся конфронтацией отдельных сообществ, культур, традиций. Все это нередко приводит к военным действиям, которые по своим масштабам и частоте того, как они случаются, ставят на повестку дня по существу гамлетовский вопрос – быть или не быть человечеству? И было бы большим заблуждением полагать, что с распадом социалистической системы и относительным ослаблением ядерного противостояния крупнейших мировых держав угроза самоуничтожения человечества миновала, поскольку теперь уже к накопленному ядерному, химическому, бактериологическому и иному оружию массового поражения добавились неограниченные возможности техногенной цивилизации. Именно эти новые возможности под влиянием процессов глобализации сделали международным, планетарным явлением проблемы и опасности, которые до этого оставались региональными, а то и вовсе локальными. Это касается, в частности, энергетических, сырьевых, продовольственных и т. п. ресурсов или, например, терроризма, наркоторговли и иной преступности, выросшей до глобальных масштабов.

Таким образом, чтобы успешно бороться не только с негативными явлениями, но и с породившими их причинами, за новыми угрозами, в том числе и за беспрецедентными террористическими актами последних десятилетий, равно как и за ответной реакцией отдельных стран на эти вызовы, необходимо увидеть в первую очередь объективные основания и закономерности возникновения данных явлений. А они не всегда очевидны и по большей части не лежат на поверхности, что является причиной немалого числа заблуждений относительно как природы самой глобализации, так и вызываемых ею последствий. И в самом деле, казалось бы, современный мир под влиянием процессов глобализации кардинально изменился буквально за последние десятилетия. Но соответствует ли это действительности? И нет ли здесь заблуждения? Не имеем ли мы дело с кульминацией давно вызревавших, а то и более сложных процессов?

В этой связи важно обратиться к работам пионеров глобальных исследований, прозорливо, а в известной мере и интуитивно заложившим основы современной глобалистики, среди которых, несомненно, следует выделить А. Тойнби, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, К. Ясперса, Б. Рассела, А. Эйнштейна и др. [Глобалистика 2012]. Это они еще в первой половине XX столетия сделали предметом особого внимания человечество как целостность и стали рассматривать его как составную и неотъемлемую часть естественной природы. Для них переход от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых общественных отношений к их единству, целостности и глобальной взаимозависимости был уже вполне осознаваемым фактом. Вместе с тем для широкого общественного сознания данные изменения стали очевидными лишь в последние десятилетия XX в. И произошло это во многом благодаря наступлению информационно-технологической революции, которая возникла и развивается столь быстро и стремительно, что мировое сообщество не успевает не только адекватно реагировать на происходящие изменения, но даже в достаточной степени теоретически осмысливать суть происходящего.

Причин такого положения дел множество. Но главная заключается в том, что новый, быстро изменяющийся мир пытаются объяснить с точки зрения уже сформировавшихся взглядов, описывая его с помощью сложившихся, привычных понятий и категорий, таких, например, как *культура, цивилизация, демократия, суверенитет, национальные ценности* и т. п.

При этом, как правило, остается без внимания то обстоятельство, что каждый из этих терминов, как и сложившаяся к настоящему времени совокупность приоритетов и ценностей, а также система этических, правовых норм, сформировались и наполнились определенным содержанием в условиях, принципиально отличных от тех, что имеют место в мире глобальных отношений. Также и основные положения и принципы демократии, получающие наиболее значительный импульс в эпоху буржуазных преобразований и положенные в основу современных демократических институтов, находят свое выражение и устойчивую поддержку пока только в отдельных странах и нуждаются в новом осмыслении, если говорить о применимости и распространении их в масштабе всей планеты.

Данное обстоятельство важно иметь в виду, поскольку из того, что мировое сообщество стало единым, обретя и «общий дом», и «общую судьбу», и общую ответственность за происходящее в мире, вовсе не следует, что демократические ценности и цивилизационные принципы организации общественной жизни, по которым живет пока еще меньшая часть человечества, автоматически будут восприняты остальным мировым сообществом. Скорее наоборот, реальное положение дел в современном мире дает серьезные основания сомневаться в скором и повсеместном распространении норм и принципов демократии. При этом излишний напор и повышенная активность, с которыми демократические ценности нередко пытаются внедрить в другие, неприспособленные для этого культуры или реформировать общественные системы, где нет к тому соответствующих предпосылок, нередко вызывают недовольство, недоумение, а то и вовсе обратную реакцию, если не отторжение не только правящих элит, но и местного населения в целом.

В то же время объективный ход событий все больше ведет к тому, что в различных концах планеты растет осознание формирующейся целостности мира

и вытекающей отсюда всеобщей взаимозависимости стран и народов. Все это, а также то, что никто не может уклониться от участия в преодолении общих проблем, еще больше обостряет споры о формах такого участия и мере ответственности каждой из сторон за ухудшение ситуации. Более того, по мере нарастания глобализации разногласия только усиливаются и становятся еще острее, поскольку мировое сообщество, поделенное на отдельные «национальные квартиры», все больше втягивается в отношения конфронтации и движется, по существу, к ситуации войны всех против всех. Одновременно с этим разрыв в уровне и темпах социально-экономического развития различных народов также увеличивается, что становится серьезным препятствием на пути демократических преобразований и укрепления гражданского общества как в отдельных странах, так и на глобальном уровне. А именно глобальное гражданское общество, по мнению ряда авторитетных ученых, и могло бы способствовать преодолению фрагментарности при формировании целостного мира. Идея эта не нова. Так, например, еще И. Кант выступал с идеей «всемирного гражданского состояния». Затем активными сторонниками такого подхода проявили себя И. Валлерстайн, Дж. Розенау, А. Печчеи, Я. Тинберген, Дж. Сорос, Г. Мартин, Я. Питерсе и др. [Глобалистика 2012]. Впервые термин «глобальное гражданское общество» ввел в научный оборот американский политолог Х. Булл, по мнению которого такое общество является «глобальным не только потому, что оно соткано из связей, пересекающих национальные границы и проходящих через глобальное, внетерриториальное пространство, но и потому, что среди членов глобального гражданского общества набирает силу глобальное мышление» [Глобалистика 2003: 233].

Как следует из вышесказанного, а также из общей логики общественного развития, альтернативы единому человечеству, по всей вероятности, нет. Таким образом, в интересах устойчивого развития всего человечества на планете должны установиться не только общие для всех принципы и правила совместной жизни, но и общая ответственность за судьбу каждого человека. Это важно подчеркнуть, поскольку в глобальном тесно взаимосвязанном мире серьезную опасность представляют даже отдельные индивиды, не говоря уже о не вписавшихся в глобальный контекст государствах.

В этой связи вопрос о том, насколько такое положение дел может стать реальностью, становится ключевым, ибо вовсе не очевидно, что мировое сообщество от осознания своего единства сможет перейти к реальному единению. Нет серьезных оснований рассчитывать и на то, что, упорно отстаивая принцип национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела национальных государств, отдельные страны, а тем более все мировое сообщество, смогут стать действительно обществом открытого типа или хотя бы уверенно вступить на путь не только декларируемых, но и реальных демократических преобразований. Не добавляет оптимизма и то обстоятельство, что на практически полностью «освоенной» человеком планете отдельные государства по традиции все еще не столько сотрудничают, сколько противоборствуют, конкурируют, соперничают и враждуют, предпринимая титанические усилия, чтобы отстоять свою автономию и независимость. При этом они, как и прежде, проводят эгоистическую внешнюю политику, ориентируясь в первую очередь на свои национальные и сугубо личные интересы. Противоречия и противоборство такого рода хорошо просматриваются, например, как в противостоянии «богатого Севера» и «бедного Юга», так и в не-

совпадении культур, ценностей, традиций Востока и Запада. Анализируя современное состояние мировых дел, философ из Германии Б. Саал в своем выступлении на XXIII Всемирном философском конгрессе (2013 г., Афины), в частности, сказала: «Современность не принадлежит только “Западу” или индустриализированному “Востоку”, “Юг” также играет конституирующую роль в развитии современности» [Saal 2013: 621].

И все-таки, как нетрудно заметить, тон в мировых делах сегодня в основном задают развитые страны Запада, которые действуют по большей части согласованно, как одно целое. Однако если отвлечься от частных интересов и деталей стратегического партнерства этих государств, то следует признать, что согласованность действий и взаимопонимание, которых они достигают, базируются прежде всего на общих демократических основаниях и принципах, выработанных и внедряемых в общественное сознание еще со времен эпохи Просвещения. И хотя для каждой из этих стран эпоха Просвещения была своеобразной, в ней отражались и специфика соответствующего народа, и особенности его культуры, тем не менее в целом отдельные страны, переживая эпоху Просвещения, решали сходные задачи, преследовали, по сути, одни и те же цели – провозглашение прав человека и развитие гражданского общества, формирование демократических институтов и построение правового государства.

В силу известных причин ни Восток, ни Россия, в частности, таких трансформаций не переживали. Так, например, в России появление эпохи Просвещения несколько раз назревало, но, по существу, она так и не состоялась. В этом, пожалуй, одна из важнейших причин того, что и в России, и на Востоке, равно как и в Африке или Латинской Америке, плохо понимают не то что базовые ценности и принципы современной западной демократии, но даже не воспринимают терминологию западной цивилизации. Запад поступает не лучшим образом, когда с упорством, достойным лучшего применения, стремится навязать свои нормы и принципы общественных отношений остальному миру без учета характера и уровня культурно-цивилизационного развития в отдельных регионах. При этом на Западе не могут или не хотят понять иное, незападное мировоззрение, а также те проблемы и противоречия, которые возникают в результате столкновения такого мировоззрения с культурой, ценностями и технологиями западной цивилизации.

Оценивая современные отношения различных культурно-цивилизационных систем и определяя подходы к преодолению современных противоречий, важно иметь в виду несколько принципиальных обстоятельств. В первую очередь это касается западной культурно-цивилизационной системы и сформировавшихся в ее недрах соответствующих ценностей, которые, и это надо признать, не являются надежным средством решения глобальных проблем и острейших общественных противоречий, вставших в последние десятилетия как перед отдельными странами и регионами, так и перед человечеством в целом. Теперь это уже все больше становится очевидным и для самого Запада, что ставит перед ним задачу критического переосмысления своего общественного устройства и поиска путей его совершенствования.

То же самое относится к Востоку, который в последние десятилетия активно наращивает темпы своего развития и начинает играть все более заметную роль в мировых делах. Однако перспективы развития здесь упираются в объективные

пределы, такие, например, как экологические и демографические барьеры, ограниченность сырьевых и энергетических ресурсов и т. п. К тому же незападные страны не только не хотят, но и не могут (тем более в кратчайшие сроки) изменить свою природу. Не могут они также принять правила игры и систему ценностей Запада в том виде, в каком они этим странам навязываются. Сказанное в полной мере относится и к России, которая и в культурном, и в социально-экономическом отношении значительно ближе к Западу, чем ее восточные соседи, но, будучи тесно связанной своими историческими корнями с Востоком, она не может от него слишком отдалиться и потому с необходимостью будет занимать срединное положение.

Таким образом, независимо от своего желания различные страны мира просто обязаны искать компромиссы на пути построения современной мировой цивилизации. И в первую очередь ответственность за это ложится на развитые страны Запада, которые в качестве важнейшего и предварительного шага должны признать отличие их социально-политической и экономической реальности от стран Востока и России в частности, чьи идеалы и принципы также имеют право на существование. Равно также и незападные страны при самом разном их отношении к данной проблеме должны согласиться, что общечеловеческие ценности, права и свобода личности, которые обеспечиваются в первую очередь институтом частной собственности, – это вовсе не пропагандистские приемы Запада, а сущностные и неотъемлемые характеристики его образа жизни и его образа действий.

Принимая во внимание сказанное, не следует тем не менее забывать, что современный мир по своей сложности не имеет аналогов в истории. Он более противоречив, нежели в прошлые времена, уже потому, что экономические и политические интересы всегда были и впредь будут лежать в основе разногласий. А отсутствие общих подходов и принципов, ценностных установок и общего языка коммуникации только усугубляют ситуацию, выступая важнейшим препятствием на пути единения и взаимопонимания народов в глобализирующемся мире. Все это означает только одно: от решения такой задачи никому нельзя уклониться, выполнить ее сможет лишь объединившееся мировое сообщество, проявляя выдержку и терпение, а также уважение к культурному наследию различных стран и народов.

Системный характер экономических и социокультурных отношений стран и народов

Вступив в эпоху многоаспектной глобализации, современный мир оказался перед лицом принципиально новых проблем, особенность которых заключается в их масштабности, динамичности и предельно сложной иерархии. Отсюда вытекает комплекс важнейших теоретических и научно-практических задач, решение которых может обеспечить лишь системный подход, позволяющий исследовать сложнейшие динамичные объекты, границы и структура которых, как правило, далеко не всегда очевидны и в каждом конкретном случае требуют специальных уточнений и заново выверенных определений. В первую очередь это относится к социальной практике, которая по причине возрастающего интереса к процессам глобализации все больше оказывается в центре внимания ученых и исследователей, пытающихся найти ответы на сложные вопросы современного социального развития в масштабе всей планеты. Известные специалисты в данной сфере тео-

ретического знания отмечают: «В социальном управлении вместо превалировавших прежде локальных, отраслевых задач и принципов ведущую роль начинают играть крупные комплексные проблемы, требующие тесного взаимоувязывания экономических, социальных, экологических и иных аспектов общественной жизни (например, глобальные проблемы, комплексные проблемы социально-экономического развития стран и регионов, проблемы создания современных производств, комплексов, развития городов, мероприятия по охране природы и т. п.)» [Блауберг и др. 2001: 559].

Отмечая постоянную тенденцию к усложнению социальных структур, следует подчеркнуть, что культурные и цивилизационные изменения, трансформации, катаклизмы и т. п. с момента их возникновения всегда имели место в истории человечества и по мере его развития происходили по нарастающей. Иными словами, интенсивность таких процессов неизменно возрастала. Вместе с тем если до XX в. такие изменения интересовали людей только с точки зрения их конечных результатов, а сами перемены не попадали в поле зрения, то в последнее столетие ситуация принципиально изменилась. Сегодня уже невозможно не замечать все ускоряющейся динамики общественной жизни и нарастающих в этой связи качественно новых проблем, ибо теперь на протяжении жизни не только одного человека или даже одного поколения, но и в течение буквально нескольких лет фундаментально изменяются культурные и цивилизационные основы жизнедеятельности людей. Достаточно сослаться в этой связи на Интернет, электронную почту или мобильный телефон, которые в кратчайшие сроки, буквально на глазах одного поколения, принципиально изменяют многие стороны жизни людей, основательно трансформируя условия их труда и характер межличностных отношений.

Обращая внимание на эти фундаментальные перемены, вызванные в первую очередь успехами научно-технического прогресса, важно подчеркнуть, что если до середины XX в. люди практически не обращали серьезного внимания на *динамику изменений* в масштабах, выходящих за пределы их собственной жизни, и реагировали на социально-экономические и политические трансформации прежде всего локального масштаба (например, на социальные потрясения, в том числе и социальные революции), то с конца прошлого столетия их внимание привлекает *динамика* происходящих вокруг событий. Теперь уже не только сами явления культуры и цивилизации, отражающие состояния и важнейшие характеристики общественного уклада и социальной жизни, стали предметом теоретического и практического интереса людей, но и глобализация как отражение динамики социально-экономических и политических перемен в мировом масштабе все больше оказывается в центре внимания и острых дискуссий.

Отсюда системный подход к осмыслению общественных структур и всевозможных характеристик развития исторического процесса более чем через сто лет после того, как его, по существу, впервые и преимущественно к экономической структуре общества попытался применить в своих исследованиях К. Маркс, получил не только новый импульс к развитию, но и новые сферы своего применения. В частности, с середины 1970-х гг. стала активно развиваться предложенная И. Валлерстайном миросистемная теория [Wallerstein 1974; 1980; 1988], которая изначально принимает мир в качестве единого целого и исходит из необходимости учитывать глобальный контекст при оценке локальных изменений. Такой взгляд на мировое сообщество связывается с представлениями о конвергенции различных

пока еще в значительной степени автономных социально-политических структур, развивающихся в направлении к единственной системе международного финансового капитализма, который, по мнению сторонников данной теории, со временем непременно упорядочит все части земного шара в некую иерархическую систему.

В течение трех последних десятилетий миросистемный взгляд на макроисторию получил широкую известность и обрел своих активных сторонников [Chase-Dunn, Hall 1997; Abu-Lughod 1989; Collins 1992: 373–388; Wilkinson 1987: 31–59], которые значительно расширили первоначальный замысел этой идеи, полагая, что миросистемные отношения существовали и до периода современного капитализма. Так, например, Д. Уилкинсон, автор получившей широкую известность концепции «Центральная цивилизация», относит происхождение миросистем к глубокой древности – ко времени цивилизаций Месопотамии и Египта, к 3000 г. до н. э.

В таком же ключе рассуждает и Дж. Абу-Луход, по мнению которой на протяжении многих столетий существовала глобально интегрированная «миросистема», достигшая к концу XIII в. своей кульминационной стадии существования, к которой в конце концов присоединилась и Европа, включившись в уже достаточно развитую систему межконтинентальной торговли. Основными структурными элементами данной миросистемы она называет четыре основных «ядра»: *Средний Восток*, занимавший стратегическую позицию в международном обмене; *северная степь*, простирающаяся по всей Центральной Азии и после многолетних завоеваний объединенная с Китаем; *зона Индийского океана*, который связывал Китай со Средним Востоком через Малаккский пролив и Индию; и, наконец, «благодаря торговле и промышленности, – стимулами для которых были крестовые походы, в конце концов связавшие Европу с этой развертывающейся миросистемой, – города развивавшейся Западной Европы (особенно города Фландрии, Франции и Италии) начали формировать четвертый регион “ядра”» [Абу-Луход 2001: 451–452]. Характеризуя сущность данной миросистемы, Дж. Абу-Луход отмечает, что в ней ни одна культурная, экономическая или имперская система не осуществляла свою гегемонию, более того, сосуществовало значительное количество сотрудничавших культурных систем, причем большая часть из них была организована не так, как на Западе. А множество различных религий: христианство, буддизм, ислам, конфуцианство, зороастризм и др. – допускали торговлю, производство, обмен, стремление к риску и т. п., а то и вовсе способствовали этому. Теперь, полагает она, в мире складывается новая миросистема, существование которой обнаруживается в следующих тенденциях:

а) глобализация как минимум высших уровней обращения финансов, производства-планирования и торговли в пределах капиталистических стран;

б) потеря статуса «империи» атлантическими государствами и подъем целого ряда азиатских стран, которые до этого в течение столетий были маргинальными или изолированными по отношению к остальным;

в) новое оживление в Тихоокеанском регионе, который после Второй мировой войны значительно укрепился и приобрел равную, если не бóльшую, значимость по сравнению с регионом Атлантическим, составлявшим основу в прежней миросистеме.

По мнению еще одного известного сторонника миросистемного подхода к анализу и интерпретации динамики общественного развития – Р. Коллинза, миро-

системные отношения сопровождают человечество на протяжении всей его истории, и только охотники и собиратели, не имевшие постоянной территории, обходились без них. «Мой тезис, – говорит он, – состоит в том, что в любой период существования человечества не было общества такого типа, в котором миросистемные отношения не воздействовали на его структуру и динамику. Иначе говоря, экономические и военно-политические связи между организованными социальными единицами оказывают в качестве некоторой всеохватывающей структуры (pattern) влияние на эти единицы; все общества в важных аспектах структурированы извне внутрь» [Коллинз 2001: 462]. Однако это не означает, подчеркивает Р. Коллинз, что все общества «варятся в одном котле», в котором невозможно что-либо различить, и потому относительно современной ситуации он ставит себе цель – выявить аналитические связи между геополитической и рыночной динамикой, то есть он стремится установить способы, посредством которых результаты одного набора динамических процессов подпитывают другой набор.

Итак, современный мир, все больше «замыкающийся» в единое целое по ряду принципиальных позиций, таких как экономика, география, экология, информация и т. п., остается в то же время раздробленным на множество составных частей, в частности поделенным почти на две сотни национальных государств. Отсюда иначе как через призму системного (миросистемного) подхода он уже не может адекватно восприниматься, а тем более исследоваться. При этом «системный подход к международным отношениям в условиях развертывания глобализационных процессов необходимо соединить с эволюционным подходом, поскольку важно выявлять не только системные качества и характеристики, но и эволюционные перспективы возможных параметров трансформаций международных отношений в глобальные» [Ильин, Урсул 2012: 383]. В этой связи особое значение приобретают идеи и принципы системного подхода, сформулированные А. А. Богдановым еще в самом начале XX в. в его концепции *тектологии*, которые в известной мере приложимы и к историческому процессу, в особенности на этапе формирования его в качестве единой целостности.

Отсюда культура, цивилизация и глобализация, будучи различными выражениями сущности исторического процесса, уже не могут рассматриваться в качестве простой суммы его характеристик, так как относятся не к отдельным аспектам или фрагментам социальной реальности, а ко всему социуму, взятому в качестве единого целого. Их синергия порождает новое качество – культурно-цивилизационное единство, перерастающее в условиях реальной глобализации в глобальное сообщество взаимозависимых людей, что ведет к становлению по существу мирового государства (во всяком случае, вызывает в нем настоятельную потребность). О таком государстве немало говорилось уже в XX в., и проблема построения его, очевидно, станет одной из важнейших задач первого века третьего тысячелетия, основные события которого еще впереди. Однако уже теперь становится все более очевидным, что если теоретические изыскания в области культуры и цивилизации замыкаются на социум и практически не выходят за его пределы, то обсуждение проблем глобализации значительно расширяет спектр исследования, куда с необходимостью попадают теперь уже не только биосфера и всевозможные ее составляющие, но и обширная область неживой природы, где важнейшую роль играют окружающая человека географическая среда и как минимум ближайшее околоземное космическое пространство.

Совместную эволюцию всех этих сфер: неживого, живого и социального, а также характер и динамику развития экономических и социокультурных отношений различных стран и народов в принципе невозможно понять вне системного подхода, который становится теперь важнейшим методологическим принципом современной глобалистики.

Взаимообусловленность локальных и глобальных процессов общественного развития

Поскольку под влиянием процессов глобализации современный мир изменяется динамично и кардинально, важно выявить генезис и эволюцию этих изменений. С точки зрения масштабов происходящих событий вполне очевидно (если придерживаться эволюционной теории развития человечества), что за многие столетия и даже тысячелетия пройден сложный и долгий путь развития – от локально устроенного человечества через его регионализацию до глобального сообщества как единого целого. И теперь, когда современные мировые отношения, охватившие практически все сферы общественной жизни, зачастую вступают в противоречия с локальными и национальными особенностями, с давно сложившимися укладами и традициями, принципиально важно постоянно учитывать эту диалектику общественного развития в осмыслении не только феномена самой глобализации, но и тех последствий, которые она порождает. Иными словами, рассматривая глобальные состояния тех или иных явлений и процессов, мы должны понимать и учитывать их тесную связь с явлениями региональными, локальными, частными. В научной литературе такая сложная взаимозависимость, как уже отмечалось выше, описывается посредством миросистемных процессов и связей, которые «могут быть намного лучше поняты, если принимать во внимание свойства систем… Изменения и трансформации в отдельных частях мир-системы могут тем или иным образом отозваться на ситуации в других ее частях за счет того, что можно назвать *трансформацией импульсов.* Последняя способна проявляться в самых различных формах, порой вызывая самые неожиданные последствия» [Гринин 2012: 478]. Это еще один серьезный аргумент в пользу того, что следует внимательно относиться к новым явлениям и тенденциям, которые возникают в том числе и в процессе взаимодействия разномасштабных процессов. Всегда ли это обстоятельство должным образом осознается? К сожалению, далеко не всегда, а то и вовсе редко, к тому же не только на уровне массового общественного сознания, но даже в среде ученых, активно обсуждающих глобальную проблематику. Корни такого положения дел следует искать в поверхностном восприятии происходящего и в поспешных обобщениях, которые обусловлены некритическим отношением к кажущимся на первый взгляд хорошо понятным процессам глобализации и их толкованию. Об этом теперь так много разного говорят, пишут, рассуждают, что каждый в этом огромном потоке разноплановой информации легко найдет подтверждение любым своим идеям и размышлениям, как бы далеки они ни были от реальности.

В такой ситуации, как ни странно, следует видеть не только отрицательную, но и положительную сторону дела, хотя, конечно, отрицательная сторона здесь явно превалирует. Что касается позитивного в контексте сказанного, то оно сводится к тому, что в условиях широкой популяризации глобальной проблематики

нет необходимости специально убеждать кого-то в том, что мир стал глобальным, целостным и системным. Также убедительным выглядит и то, что глобальное, региональное и локальное в жизни мирового сообщества оказались столь тесно переплетенными, что провести границу между ними теперь достаточно трудно. Все это освобождает от обоснования актуальности глобальной проблематики и предоставляет дополнительные возможности для поиска конструктивных решений и осмысленных практических действий, адекватных сложившейся ситуации. Однако кажущаяся простота и очевидность современных глобальных процессов, равно как и их негативных последствий, имеет тот отрицательный эффект, что даже серьезные специалисты в области глобалистики начинают смотреть на происходящее привычным взглядом, рассматривая ситуацию как бы в одной плоскости, с позиции установившихся представлений. При этом основное внимание фокусируется, как правило, на том, что уже стало общепринятым, очевидным, тогда как иные опасности и препятствия общественного развития (а это могут быть и сопутствующие старым, и новые только нарождающиеся проблемы) оказываются вне поля зрения.

Так, например, прочно укоренившееся представление о том, что мировое сообщество за всю историю своего существования никогда не находилось в такой опасности, как в настоящее время, вполне соответствует реальности. Однако, как и прежде, оно соотносится с угрозой развязывания ядерной войны, демографическим взрывом, нехваткой ресурсов или экологическим кризисом. И это правильно, поскольку отмеченные опасности скорее обостряются, нежели ослабевают. Однако суть проблемы теперь, в начале XXI в., не сводится только к этому, ибо дело уже не только в наличии ядерного оружия и его распространении, что действительно представляет серьезную угрозу, равно как и все возрастающее антропогенное влияние на окружающую среду. Как отмечает А. П. Назаретян, «роковую роль в судьбе цивилизации может сыграть весьма неожиданное обстоятельство, состоящее в том, что *потенциальный диапазон управляемости масс-энергетического мира превосходит диапазон управляемости виртуального мира*» [Назаретян 2013: 32]. В последние годы появились и иные принципиально новые, еще не вполне осознаваемые угрозы планетарного масштаба. Так, к уже сложившемуся комплексу глобальных проблем современности добавилась совершенно новая опасность, все более угрожающая хрупкому равновесию мировой системы. Речь о дисбалансе в темпах формирования глобального человечества в качестве целостной системы, с одной стороны, и практическом отсутствии механизмов управления этой, по сути, уже сформировавшейся системой – с другой. Иначе говоря, мы вступаем в эпоху *кардинального и все ускоряющегося изменения структуры мировых связей и отношений, в то время как мировое сообщество адекватно на это не реагирует, поскольку пребывает в раздробленном состоянии, демонстрируя в итоге свою неспособность отвечать на вызовы времени.* В этой связи вполне очевидно, что локально и регионально управляемые общественные системы, представленные прежде всего национальными государствами (а в известной степени и транснациональными структурами), становятся серьезным препятствием на пути выхода из сложившейся ситуации.

При этом важно подчеркнуть, что национальные государства, которых теперь уже около двухсот, перестали быть единственными и безусловными субъектами международных отношений. В таком же качестве сегодня выступают и появив-

шиеся во множестве экономические, политические, торговые и другие корпорации, в том числе и криминальные, связанные с международным терроризмом, наркоторговлей и т. п. И вот весь этот мир со множеством тесно взаимосвязанных и в то же время активно противоборствующих субъектов, как и прежде, только лишь саморегулируется, да и то в основном стихийно, но абсолютно лишен какого бы то ни было управления, в чем он теперь так сильно нуждается. Дело оказывается еще более сложным, если иметь в виду сложную и неоднозначную природу самого человека, который всегда был и остается существом биосоциальным, где неизменно сочетается добро и зло, не только хорошее, но и плохое. Агрессия и миролюбие, любовь и ненависть – это все также заключено в каждом человеке. Разумеется, культура, воспитание, образование и просвещение, направленные на то, чтобы сделать человека гуманным, терпимым и толерантным (то есть цивилизованным), добиваются определенных, иногда даже значительных, результатов. Но окончательного и безусловно положительного результата ожидать не приходится, поскольку в каждом человеке неизменно сохраняется и то, что предопределено его естественной природой, то есть биологией: борьба за выживание, агрессивность, стремление к доминированию и решение проблем с позиции силы, когда заканчиваются аргументы. Все это в полной мере проявляется не только в поведении отдельных людей, но и в различных сообществах, будь то национальные государства, общественные объединения или творческие коллективы. С учетом данного обстоятельства, а также все возрастающей численности населения Земли, превысившей уже семимиллиардную отметку, нетрудно предположить, что в условиях, когда ресурсы планеты ограничены, да еще и распределены весьма неравномерно, явная и скрытая борьба за доступ к ним, которая никогда не прекращалась, будет только нарастать. Есть все основания также полагать, что и в обозримом будущем при отсутствии *соответствующей системы управления мировым сообществом* конфликты интересов в глобальном мире будут только усиливаться, а противоборство различных субъектов международных отношений проявляться, в том числе и в новых, возможно, непредсказуемых формах. В этом, пожалуй, и заключается *главное противоречие современной эпохи* [Вебер 2009; Чумаков 2010].

Такое положение дел, когда еще не только не сформировалась глобальная этика и отсутствует глобальное право[**], но даже нет согласия в части признания всеми общечеловеческих ценностей, не сулит глобально взаимозависимому человечеству ничего, кроме усиления конфронтации, что ставит мировое сообщество, по существу, в ситуацию *войны всех против всех*. Подобное в истории человечества уже было. Так, до появления государства люди именно в таком состоянии и находились, но тогда за выживание на отдельных территориях воевали между собой отдельные индивиды. Теперь же за лучшие условия жизни, доступ к ресурсам или более выгодные позиции на мировой арене отчаянно враждуют национальные государства, а также множество иных субъектов международных отношений, и происходит это уже не на локальном, как раньше, а на глобальном уровне. Отсюда разногласия и противоречия, теперь уже в мировом масштабе, реша-

[**] Здесь важно проводить принципиальное различие между *глобальным* (которого еще нет) и *международным правом*, которое представлено множеством правовых соглашений и документов между различными (но не всеми) субъектами международных отношений.

ются, по большей части, как и прежде, с позиции силы, которая не обязательно проявляется в грубой и неприкрытой форме. Нередко, особенно в экономике, навязывание своих интересов, а то и принуждение осуществляется посредством косвенного воздействия, именуемого «мягкой силой». Но все это в конечном счете не меняет сути дела, поскольку «правда» в любом случае оказывается на стороне сильного. В выигрыше остается обычно тот, кто, имея соответствующие преимущества и преследуя собственные интересы, действует эгоистично, коварно и, как правило, безнаказанно.

Уповать в решении подобных споров и конфликтов на ООН или иные международные структуры было бы большим заблуждением. Они в таких ситуациях оказываются практически бессильными, поскольку не имеют соответствующих механизмов для эффективного воздействия на подавляющее большинство мировых процессов. Даже наиболее авторитетная из таких структур – ООН – принципиально ничего не может изменить, ибо создавалась в другое время и для решения иных задач – прежде всего для предотвращения новой мировой войны и выполнения регулятивных функций в мировом масштабе, но вовсе не для управления глобальным миром. Не изменит ничего в этом отношении и реформа ООН сама по себе, какой бы она ни была, поскольку данная организация никоим образом не сможет выполнить управленческие функции в полном объеме, без чего об управляемости мировым сообществом не может быть и речи. Сказанное в полной мере можно отнести и к другим наднациональным структурам типа «Большой восьмерки» или «Двадцатки», Всемирного банка, ВТО, Европейского союза и т. п., поскольку они также уже по своей природе не решают и в принципе не могут решить основное противоречие современной эпохи как оно было сформулировано выше. Это следует хотя бы уже из того, что, с одной стороны, все они представляют в лучшем случае лишь отдельные сферы общественной жизни, какие-то регионы, часть человечества, но никоим образом не мир в целом (во всех его основных проявлениях), без чего любое управление было бы как минимум недостаточным. С другой стороны, такие организации способны в лучшем случае выполнить некоторые функции регулирования в планетарном масштабе, но вовсе не предназначены и потому непригодны для управления мировой системой как единым целым.

Это является основной причиной того, что практически все масштабные проекты последнего времени, среди которых наибольшую известность получили «Политика мирного сосуществования», «Идея ноосферы», «Концепция устойчивого развития», «Политика мультикультурализма» и т. п., не дали ожидаемых результатов, а то и вовсе оказались несостоятельными [Lisz Yirn 2013: 284; Fokina 2013: 211; Глобальные тенденции… 2013]. И это потому, что для успешного осуществления подобных проектов попросту недостает соответствующих механизмов, не говоря уже о необходимости решать конкретные управленческие задачи. В этой связи вновь возникает проблема осмысления целостности глобального мира и поиска путей его управляемости. Другой важный вывод, вытекающий из сказанного, заключается в том, что глобализация, ставшая отличительной чертой мирового сообщества в XX в., требует наряду с серьезными структурными изменениями перестройки международных отношений. Это касается прежде всего пристального и первостепенного внимания к региональной политике, особенно там, где сходятся интересы многих государств с принципиально различными со-

циально-политическими и экономическими укладами, культурой и религиозной ориентацией. Отсюда укоренение в общественном сознании определенных ценностных норм, мировоззренческих позиций, которые бы адекватно отражали целостность мира и единую судьбу человечества, с необходимостью должно опираться на региональную и локальную специфику, традиции и менталитет проживающих в этих регионах людей. Другими словами, если формирование глобально ориентированного мировоззрения является велением времени и необходимым условием выживания мировой цивилизации, то успешным оно может быть как минимум при условии учета национальных особенностей и культурного разнообразия живущих вместе или рядом народов.

Литература

Абу-Луход Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 451–452.

Блауберг И. В., Юдин Э. Г., Садовский В. Н. Системный подход // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3.

Вебер А. Б. Системный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1(3). С. 3–15.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Альфа-М, 2012.

Глобалистика: Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003.

Глобальные тенденции развития мира. Материалы Всероссийской научной конференции, 14 июня 2012 г. М. : Научный эксперт, 2013.

Гринин Л. Е. Истоки глобализации // Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества). Хрестоматия, ежегодное издание / под ред. Л. Е. Гринина, И. В. Ильина, А. В. Коротаева. Волгоград : Учитель, 2012. С. 473–485.

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М. : МГУ, 2012.

Коллинз Р. Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и аграрно-принудительных обществ // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 462–475.

Назаретян А. П. Мировоззренческая перспектива планетарной цивилизации // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М. : Изд-во МБА, 2013. С. 26–49.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 3–15.

Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World System A. D. 1250–1350. N. Y. : Oxford University Press, 1989.

Chase-Dunn Ch., Hall T. D. Rise and Demise: Comparing World-Sestem. Djulder, Colorado : Westview Press, 1997.

Collins R. The Geopolitical and Economic World-System of Kinship-Based and Agrarian-Coercive Society // Review. 1992. Vol. XV. No 3 (Summer). P. 373–388.

Fokina V. The Policy of Multiculturalism in the Process of Regional Consolidation // Abstracts of the 23rd World Congress of Philosophy. Athens : University of Athens, 2013. P. 211.

Lisz Yirn. Global Humanism – Possibilities and Risks of a New Humanistic Model // Abstracts of the 23rd World Congress of Philosophy. Athens : University of Athens, 2013. P. 284.

Saal B. Directions and Modernity: "East", "West", "North" – Who Meets the "South"? // Abstracts of the 23rd World Congress of Philosophy. Athens : University of Athens, 2013.

Wallerstein I. The Modern World-System. 3 vols. N. Y. : Academic Press, 1974; 1980; 1988.

Wilkinson D. Central Civilization // Comparative Civilizations Review. 1987. Vol. 17. P. 31–59.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГЛОБАЛЬНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНФУЦИАНСТВА И ЭКОЛОГИИ

Лю Фэн
доктор философии, профессор, декан факультета философии Университета Цинхуа, президент Китайской Ассоциации экологической философии (Пекин, Китай).
E-mail: fenglu1956@gmail.com

Глобальный экологический кризис является приметой времени. Вся современная цивилизация по сути своей антиэкологична, а глобальный экологический кризис вызван глобальным расширением современной цивилизации. С точки зрения экологии мы можем определенно говорить, что современная цивилизация с массовым производством, массовым потреблением и массовыми отходами неустойчива. Древняя китайская цивилизация была сельскохозяйственной, то есть своего рода экоцивилизацией, и потому она сохранялась долгое время. Конфуцианство внесло в нее особый вклад. Конечно, мы не можем вернуться к древней экоцивилизации, но можем многому научиться у наших предков, если хотим в будущем построить новую экоцивилизацию. Исправляя ошибки современности, мы можем воспользоваться ценными предложениями конфуцианства. Новой экоцивилизации также необходимо унаследовать некоторые положительные элементы современной западной цивилизации.

Ключевые слова: *современность, конфуцианство, экоцивилизация.*

The global environmental crisis is one of the symptoms of modernity. The whole modern civilization is anti-ecological, and the global ecological crisis is caused by the global expanding of modern civilization. From a point of view of ecology, we can definitely judge that modern civilization with "mass production, mass consumption, and mass wastes" is unsustainable. Because ancient Chinese civilization remained as agricultural civilization, a kind of eco-civilization, it was sustained for a long time. Confucianism made a special contribution to ancient Chinese civilization. We cannot, of course, go back to ancient eco-civilization, but we can learn a lot from our ancestors when we try to construct a new eco-civilization in the future. We can benefit from valuable suggestions from Confucianism while correcting the mistakes of modernity. A new eco-civilization will also need to inherit good elements from modern western civilization.

Keywords: *modernity, Confucianism, eco-civilization.*

Глобальный кризис окружающей среды, или экологический кризис, является приметой современности. Другими словами, это кризис, вызванный современной

западной цивилизацией. Современность и современная западная цивилизация не могут быть отделены от единой западной культурной традиции и ее цивилизации.

Слова *культура* и *цивилизация используются мною* как приблизительные синонимы. Мне бы хотелось воспользоваться определением культуры, которое дают Джон Моуэн и Майкл Майнор: «…культура – это образ жизни. Она включает в себя материальные объекты общества, такие как оружие, футбольные мячи, автомобили, религиозные тексты, вилки и палочки для еды. Также она состоит из идей и ценностей, например, большинство американцев придерживаются того, что люди имеют право выбирать среди различных марок товаров. Культура состоит из учреждений, которые включают правовые, политические, религиозные и даже бизнес-организации» [Mowen, Minor 2001: 264]. Соглашаясь с этими двумя авторами, я считаю, что культура или цивилизация в основном имеет 3 аспекта: 1) материальные объекты; 2) институты; 3) идеи и ценности.

Таблица 1

Современная западная цивилизация	Материальные объекты	Промышленные товары, произведенные машинным способом, с использованием минерального топлива
	Институты	Капитализм и демократия
	Идеи и ценности	Физикализм, сциентизм, либерализм, утилитаризм или экономизм, материализм

При использовании метода анализа культуры (культурного анализа) мы можем понять, почему современная западная цивилизация вызвала глобальный экологический кризис. Современную западную цивилизацию можно описать следующим образом.

Непосредственную причину глобального экологического кризиса можно узнать, если рассмотреть материальные объекты. Поскольку в производстве и потреблении во всем мире все чаще используется минеральное топливо (уголь, нефть, газ и т. д.), окружающая среда загрязнена, биосфера Земли разрушается, на планете становится все теплее. Массовое производство и массовое потребление возможны только при условии быстрого развития современной промышленности. Из-за массового производства и массового потребления люди не только загрязнили естественную окружающую среду, но и все больше стали захватывать дикую среду обитания. По сравнению с традиционными сельскохозяйственными продуктами, которые получены преимущественно в результате фотосинтеза растений с помощью человека и домашних животных, практически все современные промышленные товары являются антиэкологическими. Автомобили – типичная современная промышленная продукция, производство и потребление которой представляет собой процесс загрязнения. Невозможно избежать загрязнения окружающей среды и экологического ущерба при массовом производстве и массовом потреблении, которые чрезмерно используют минеральное топливо.

Рассмотрим второй аспект современной западной цивилизации – институты. Мы можем понимать их как институты капитализма и демократии. Если посмотреть на прошлое с исторической точки зрения, то можно утверждать, что все об-

щественные институты в традиционных обществах сдерживали народную жадность, и особенно жадность правящего класса, так как те, кто принадлежит к правящим кругам, всегда являются жадными. Но институты капитализма беспрецедентно поддерживают всех людей (как власть имущих, так и простых людей) в жадности на законных основаниях. Многие экономисты пытаются показать, что институт капитализма является своего рода нейтральной структурой общества, но на самом деле это не так. Он предполагает, что чем жаднее, тем лучше, если ты всегда зарабатываешь деньги или материальные ценности законным способом. Институт капитализма – это институциональное условие «массового производства и массового потребления». Со времени окончания холодной войны институт капитализма копируется повсеместно. Производство и жизнь в модели «массового производства, массового потребления и массовых отходов» также глобально повторяется. Глобальное «массовое производство, массовое потребление и массовые отходы» загрязняют Землю все с большей скоростью и в больших масштабах, и все больше толкают человечество к глобальному экологическому кризису. Таким образом, мы можем утверждать, что институт капитализма также является причиной глобального экологического кризиса*.

Институт демократии неплох сам по себе, но до настоящего времени он также поддерживает «массовое производство, массовое потребление и массовые отходы». Возможно, самый важный вопрос для будущей политической философии – сможем ли мы сделать так, чтобы демократия больше не поддерживала «массовое производство, массовое потребление и массовые отходы».

И, наконец, рассмотрим третий аспект: идеи и ценности современной западной цивилизации. Мы можем объединить их под одним названием – «модернизм». Часто подъем модернизма связывают с эпохой Просвещения в Европе в XVIII в., а также с эпохой Возрождения в XIV в. Но с незападной точки зрения мы можем обнаружить, что модернизм глубоко уходит корнями в западную традицию культуры и мышления, включая древнюю эллинскую культуру и христианскую культуру Средних веков.

Мы не можем считать модернизм логической последовательной системой, но это – идеология, решительно поддерживающая «массовое производство, массовое потребление и массовые отходы», а также институт капитализма. Люди по всему миру, включая современных китайцев, считают эту точку зрения правильной.

В соответствии с современными науками, особенно физикой, весь мир состоит из физических частиц, таких как атомы, электроны, протоны, нейтроны, или в общем из основных частиц, а человек в конечном счете является совокупностью генов, которые состоят из основных частиц.

Сциентизм предполагает, что все знания должны быть объединены в одну научную систему, основанную на прочном фундаменте современной физики, и в рамках этой единой науки существует внутренняя логика или математическая структура. С прогрессом науки, в соответствии с ее внутренней логикой, человеческие знания все больше и больше будут раскрывать все секреты или становиться все ближе и ближе к тайнам сотворения мира Богом. Говоря словами Стивена Вайнберга, физика создаст последнюю окончательную теорию об окончательных

* Это не означает, что я верю в социализм. Я считаю, что существует много альтернатив капитализму и социализму.

законах природы. Когда мы узнаем о них, мы познаем законы управления звездами, камнями и всем, что существует в мире [Weinberg 2003: 194].

Сторонники физикализма и сциентизма предполагают, что нет ничего мистического в природе, что она покорится человеку гораздо легче с помощью машин (механизации), а человечество с развитием науки и технологии способно легко покорить природу. Сегодня люди, поддерживающие физикализм и сциентизм, говорят, что человек может быть успешным и способен преодолеть любые трудности только с помощью духа Прометея. Все трудности и кризисы – временны. Не беспокойтесь о загрязнении, экологическом ущербе, нехватке ресурсов, вымирании видов, глобальном потеплении; мы сможем решить все эти проблемы благодаря научно-технологическим инновациям. Не пытайтесь остановить «массовое производство, массовое потребление и массовые отходы», иначе человеческая цивилизация утратит свой самый сильный стимул к развитию. Некоторые считают, что цифровые технологии помогут нам в создании гораздо более совершенного искусственного мира (созданного человеком), в котором все дикое будет уничтожено [Slouka 1999: 95].

Либерализм – идеология, прямо поддерживающая институт капитализма. Согласно ему свобода граждан является самым важным социальным условием для развития знаний, мудрости и нравственности, или в целом – прогресса цивилизации. Дайте людям возможность свободно конкурировать друг с другом, и общество естественным образом станет мирным и процветающим. Каждый человек эгоистичен по натуре и делает все зависящее от него, чтобы получить максимум выгоды или прибыли, но рыночная система изменит безнравственные поступки людей на хорошие на благо всего общества. Либералы пытаются доказать, что образ жизни, побуждаемый жадностью, намного лучше, чем умеренный, в том числе христианский [Doti, Lee 2000: 12]. Они утверждают, что такой образ жизни с «массовым производством, массовым потреблением и массовыми отходами» идеально подходит для человеческой натуры. Они считают, что все люди должны мирно сотрудничать в овладении природой, для того чтобы улучшить условия человеческой жизни, и только таким способом можно избежать войн между людьми. Это означает, что люди должны покорять природу, а не друг друга, и если человеческое стремление к завоеваниям должно иметь выход, то природа является подходящим для этого объектом. Либерализм выдвигает на передний план права людей, но мало внимания уделяет обязанностям граждан.

Утилитаризм и экономизм предполагают, что человеческие предпочтения или ценности могут быть измерены единообразно, и все ценности можно измерить деньгами или свести к деньгам. Многие современные экономисты считают, что мы можем эффективно защитить окружающую среду только осознав, что вопрос окружающей среды является экономической проблемой. Назовите цену загрязнению, и мы будем эффективно контролировать эту проблему. Вот он, рецепт излечения от симптомов глобального экологического кризиса, данный экономистами. Они не считают, что любой биологический вид, даже вся биосфера в целом, имеет бесконечную предельную стоимость [*Ibid.*: 175]. Как правило, они считают, что деньги могут подтолкнуть ученых и инженеров к решению всех проблем, включая экологические.

Материализм, подтвержденный физикализмом, сциентизмом и экономизмом, основан на понимании значения или ценностей человеческой жизни. Согласно

ему, конечная цель человеческой жизни заключается в овладевании все большим количеством денег и материальных ценностей, в улучшении материальных условий. В настоящее время материализм представлен направлением консьюмеризма, абсурдным и вульгарным. Но это направление оказывает сильнейшее влияние на современный мир. В этом состоит уникальный парадокс современной цивилизации. Кто-то может возразить мне, что сейчас очень много верующих людей, а все религии кажутся антиматериалистичными. Но я бы хотел сказать, что практически все религии разрушены под напором капитала. Для многих людей религия – всего лишь средство для получения психологического успокоения после долгой, тяжелой работы или жестокой конкуренции.

Когда большинство в обществе верит в материализм в разной степени, институты, естественно, будут поощрять «массовое производство, массовое потребление и массовые отходы».

Вообще говоря, вся современная цивилизация является антиэкологической, а глобальный экологический кризис – результат глобального распространения современной цивилизации. Сегодня развитые страны, такие как Соединенные Штаты, успешно защищают свою окружающую среду, но они всего лишь перевели свое производство, а значит, и загрязнение, в развивающиеся страны, например в Китай. С точки зрения экологии мы определенно можем сказать, что современная цивилизация с «массовым производством, массовым потреблением и массовыми отходами» неустойчива.

Сравнивая современную цивилизацию с древней китайской цивилизацией, мы можем ясно понять, почему первая является неустойчивой. Для многих либералов, включая современных китайских, древний Китай отставал в своем развитии и был малообразованной (неграмотной) страной, а китайцы, включая так называемых мудрецов, все были глупцами. Но с экологической точки зрения древняя китайская цивилизация была довольно устойчива, она просуществовала больше 5 тыс. лет с населением около 400 млн человек, имея богатую культуру ко времени последней династии. В чем причина такой устойчивости? Если сравнить ее с современной цивилизацией, можно легко обнаружить, что каждый аспект древней китайской цивилизации гораздо больше способствовал защите окружающей среды и экологических систем.

Таблица 2

Древняя китайская цивилизация	Материальные объекты	В основном местные сельскохозяйственные продукты, произведенные растениями путем фотосинтеза с помощью человека и животных, без использования химических удобрений и пестицидов
	Институты	Иерархия с императором у власти, ученые, составлявшие в основном правящий класс. Основополагающим принципом развития сельского хозяйства и ограничения коммерческой деятельности являлось руководство по созданию и реформированию общественных институтов
	Идеи и ценности	Главным образом конфуцианство, а также даосизм и буддизм

Ученые – приверженцы современных взглядов наверняка будут смеяться надо мной, говоря, что люди не могут жить счастливо исключительно на продуктах сельского хозяйства, а это возможно только в рамках модели «массового производства, массового потребления и массовых отходов». Люди, пользующиеся автомобилями, гораздо счастливее тех, кто ходит пешком. Но я никогда не соглашусь с этим. Здесь хотелось бы отметить, что сельскохозяйственная технология, способствующая фотосинтезу растений без использования механизации, химических удобрений и пестицидов, является экологической и гуманистической. А продукты, произведенные с помощью этой технологии, – именно такие, которые природа позволяет употреблять человеку. Поскольку древняя китайская цивилизация оставалась сельскохозяйственной, она являлась устойчивой в течение долгого времени.

Причина, по которой китайская цивилизации смогла оставаться в течение длительного времени аграрной цивилизацией, в том, что ее институты постоянно поддерживали сельское хозяйство и ограничивали коммерцию. Правители всех династий считали сельское хозяйство основой, а также самой важной политической и экономической проблемой, тогда как коммерция была второстепенной. Подобный тип социальной организации никогда не способствует повсеместной человеческой жадности.

В соответствии с конфуцианством человек всегда связан с природой. Природа – это далеко не просто совокупность физических частиц (организмов), потому что природа живая – в ней многое рождается и умирает каждую секунду (天地之大德曰生). Самое важное знание – это знание о смысле человеческой жизни, как поступать правильно и как приносить пользу семье и обществу. Наука в современном смысле не являлась самой важной темой в древней китайской цивилизации. Лучшие древнекитайские мыслители никогда не считали, что человеческое знание может раскрыть все секреты природы, а человек сможет покорить природу. Свобода человека может воплотиться только в самосознании правильной жизни и следовании каждого индивида этому пути. Правильный образ жизни (道) основывается на единении как естественных (天道), так и моральных законов (人道). Последователи конфуцианства никогда не считали, что люди могут стать более независимыми или более свободными при бесконечном наращивании силы для покорения природы. Несмотря на то, что конфуцианцы не имели четкого представления о многообразии ценностей и плюрализме, они не считали, что человеческие ценности могут быть измерены количественно, и определенно отрицали, что все ценности можно измерить деньгами. Основная цель конфуцианца – стать мудрецом через неустанное учение и практику развития своих добродетелей и повышение собственного духовного уровня. Мудрец всегда учится у природы, цзюнь цзы (благородный муж, gentleman) – у мудрецов, а философы – у цзюнь цзы (圣希天，贤希圣，士希贤). С такими воззрениями, направляющими создание и перестройку общественных институтов, материализм едва ли может стать самым популярным представлением о значении человеческой жизни.

С точки зрения экологии древняя китайская цивилизация является прогрессивной, а современная цивилизация движется в противоположном направлении, поскольку является антиэкологичной и неустойчивой.

Но со времен поражения в опиумной войне между Китаем и Великобританией (1840–1842 и 1856–1860 гг.) китайцы в целом и китайские мыслители в частности потеряли веру в свою цивилизацию и традиции. Наиболее выдающиеся мыслители, такие как Чэнь Дусю, Ху Ши, Лу Синь и т. д., считали, что Китаю нужно прилежно учиться у Запада и необходимо изменить все аспекты старой цивилизации, для того чтобы выжить. С тех пор модернизм постепенно становился все более популярной идеологией в Китае.

Коммунистическая партия Китая признает основные цели современности, несмотря на то, что основным ее принципом является марксизм, а не либерализм, при этом марксизм является альтернативой модернизму. Модернизация же теперь – основная модель изменения Китая, и Коммунистическая партия Китая без колебаний и сомнений приняла эту модель.

Начиная с 1978 г. модернизация, а также в какой-то мере и вестернизация быстро развивались вместе с ростом рыночной экономики. В настоящее время в Китае все больше и больше автомобилей, поездов, самолетов и заводов. Практически в каждой городской семье есть телевизор, холодильник, стиральная машина, кондиционер и т. д. Разрастаются города, появляется все больше новых городов. Но при этом окружающая среда очень сильно загрязняется и ухудшается состояние экосистем. Это называется развитием, и оно идет по пути вестернизации. Но такой вид развития является определенно неустойчивым.

К счастью, некоторые жители Китая поняли, что общество не может больше развиваться в этом направлении, и с 2007 г. лидеры Коммунистической партии Китая стали призывать людей к созданию экоцивилизации. Сейчас все больше философов понимают, что древняя китайская цивилизация не так уж и плоха, как в начале XX в. считали Чэнь Дусю, Ху Ши и Лу Синь. В действительности древняя китайская цивилизация – нечто вроде экоцивилизации. Конечно, мы не можем вернуться к древней экоцивилизации, но мы можем многому научиться у наших предков в процессе создания новой экоцивилизации в будущем. Новая экоцивилизация также заимствует положительные элементы у современной западной цивилизации.

Благодаря новым наукам, таким как экология, современная физика, и современным философским учениям мы можем критиковать как модернизм, так и древнее конфуцианство, и попытаться прояснить некоторые идеи, которые могут помочь при создании экоцивилизации.

Физикализм как взгляд на природу абсолютно неверен, хотя он и может быть полезным для некоторых ученых, позволяя достичь определенных результатов в конкретном исследовательском направлении. Природа – это не совокупность физических частиц, как говорит Илья Пригожин, «…природа на самом деле связана с появлением непредсказуемой новизны, где возможное ценнее, чем реальное» (Prigogine 1997: 72). Я считаю, что взгляд на природу в конфуцианстве более правильный, чем физикалистский, хотя у конфуцианского подхода есть свои недостатки. Так, например, в философии конфуцианства нет определения природы в духе Пригожина. Сторонники конфуцианства используют три категории, которые вмещают все предметы мира: Тянь (небеса) (天), Ди (земля) (地) и Жэнь (человек) (人). В некотором контексте значение слова «Тянь» очень близко по значе-

нию к слову «природа» как окончательная реальность. Но в другом контексте преувеличивается человеческое участие и преуменьшается трансцендентность (превосходство) Тянь. Конфуцианству необходимо учиться у новых наук, а взгляд на природу сторонников конфуцианства должен выражаться как трансцендентальный натурализм.

Сторонники сциентизма абсолютно неправы, утверждая, что наука приближается к разгадке всех секретов природы и является постоянной системой со своей внутренней логикой. Лучше последуем за Пригожиным, чтобы узнать, что такое наука. Он утверждает: «Я всегда считал науку диалогом с природой. Как и в настоящем диалоге, ответы часто непредсказуемы и иногда удивительны» (Prigogine 1997: 57). Если природа и в самом деле связана с появлением непредсказуемой новизны, а науки являются диалогом между природой и человеком, то какой бы прогресс ни делала наука, природа всегда будет скрывать свои бесконечные секреты от людей. Следовательно, мы должны почитать природу.

Либерализм имеет смысл в политической философии и может помочь исправить некоторые ошибки конфуцианства. Но права и свободы человека, как определяют их либералы, должны быть пересмотрены. Либералы считают, что пределом свободы одного человека является свобода другого человека и он может неограниченно расширять свою свободу, меняя естественную окружающую среду или покоряя природу. Именно эта идея приводит людей к жизни с «массовым производством, массовым потреблением и массовыми отходами». В связи с мощным влиянием либерализма в сегодняшнем мире люди считают, что высшей целью этики и политики является расширение свободы человека как индивида и человечества как вида. Но, на мой взгляд, нам следует запомнить слова Альдо Леопольда: «Этика в экологическом смысле – это ограничение свободы действий в борьбе за существование» [Leopold 1987: 202]. Мне кажется, в конфуцианстве более разумное понимание человеческой свободы, чем у либералов. У людей нет права претендовать на божественную власть, и они не могут получать все больше свободы в природе. И я считаю, что сторонники конфуцианства правы, когда утверждают, что человеческая свобода может быть выражена только как самосознание правильного пути в жизни (道) и независимое следование ему.

Утилитаризм как этическое направление внес свой особый вклад в модернизм. Его роковая ошибка заключается в монизме ценностей, предполагающем, что существует только одно истинное благо, а все остальные ценности могут быть лишь сведены к нему. Классический утилитаризм утверждает, что удовольствие или счастье является единственной ценностью, а современный утилитаризм предполагает, что польза – это подходящее определение для обозначения общей ценности, к которой могут быть сведены все конкретные блага. Этот подход решительно поддерживает экономизм, сторонники которого утверждают, что все человеческие действия в конце концов являются экономическими и могут быть точно просчитаны путем экономического подсчета, а все ценности могут быть неизбежно сведены к деньгам или измерены ими. Следовательно, утилитаризм и экономизм прямо поддерживают материализм. Из трансцендентальной философии и религии можно легко понять, что материализм – это неверное и заурядное понимание человеческой жизни. Но он оказывает влияние практически на каждого

в современном мире и оправдывается утилитаризмом, экономизмом и современной экономикой, которые считаются науками. Я считаю, что этика конфуцианства дает гораздо больше представлений о благе. Конфуцианцы никогда не утверждают что-либо как абсолютное благо и никогда не считали, что чем что-то больше, тем лучше. В соответствии с конфуцианством приемлемость действия (中) есть одна из главных добродетелей человека. Благородные мужи всегда должны выполнять работу соответствующим образом, не больше и не меньше. По конфуцианству, совсем не значит, что чем выше экономический рост, тем лучше для людей, людям необходим средний уровень материального достатка, чтобы жить мирно и счастливо. В этом вопросе конфуцианство вполне согласуется с экологией. С точки зрения экологии человеческие экономические системы являются подсистемами экосистем, и человеческие экономические действия должны быть ограничены пределами границ несущей способности экосистем.

Я считаю, что экоцивилизация – единственный выбор для человечества в будущем. Будущая экоцивилизация может быть построена следующим образом.

Невозможно объединить все веры воедино, так как никто не сможет доказать, что существует только одна правда, а остальные вероисповедания, конфликтующие с ней, являются неверными. Но мы можем доказать, что физикализм, сциентизм и материализм нелепы. Только когда люди отвергнут эти подходы, они смогут понять, что современная промышленная цивилизация с «массовым производством, массовым потреблением и массовыми отходами» является неустойчивой, а экоцивилизация – единственный путь, по которому необходимо следовать в будущем. На мой взгляд, христиане, буддисты, конфуцианцы и люди других вероисповеданий, которые отрицают физикализм, сциентизм и материализм, могут договориться и выбрать экоцивилизацию.

Таблица 3

Аспекты будущей экоцивилизации

Экоцивилизация	Материальные объекты (материальные носители информации)	Продукты, произведенные с помощью экологического сельского хозяйства, ручного труда и зеленой промышленности
	Институты	Рыночная экономика, управляемая экологией, правовыми нормами и демократией
	Идеи и ценности	Взгляд на природу: трансцендентальный натурализм. Понимание человеческой жизни: множество философских систем и религия, далекая от материализма

Перевод с английского Е. С. Столяровой

Литература

Doti J. L., Lee D. R. The Market Economy: A Reader. Chinese translation by Lin Jihong. Jiangsu : People's Press, 2000.

Leopold A. A Sand County Almanac. Oxford : Oxford University Press, 1987.

Mowen J. C., Minor M. S. Consumer Behavior: A Framework. New Jersey : Pearson Education Inc., 2001.

Prigogine I. The End of Certainty: Time, Chaos, and the New Laws of Nature. New York : The Free Press, 1997.

Slouka M. War of Worlds: Cyberspace and the High-Tech Assault on Reality. Chinese translation by Hunag Beijian. Nanchang : Jiangxi Education Press, 1999.

Weinberg S. Dreams of a Final Theory. Chinese translation by Li Yong. Hunan : Science & Technology Press, 2003.

О ПРИЧИНАХ МИРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ КРИЗИСОВ: МОДЕЛЬ УПРАВЛЯЕМОГО КРИЗИСА

Сулакшин С. С.
д. ф.-м. н., д. полит. н., профессор.
E-mail: editor@rusrand.ru, frpc@cea.ru

Статья посвящена анализу актуальной на сегодняшний день проблематики механизма возникновения мировых финансовых кризисов. На обширном статистическом материале автор выявляет пробелы в существующих теориях, объясняющих генезис кризисных явлений в мировой экономике, и предлагает свою модель управляемого кризиса. Согласно авторской точке зрения, финансовые кризисы в мировом масштабе на протяжении последних двух веков являются результатом целенаправленной деятельности. Исследование основано на междисциплинарном подходе.

Ключевые слова: *финансовые кризисы, кондратьевские циклы, ФРС, эмиссия доллара.*

The article analyzes the urgent problem of the mechanism of the world financial crises emergence. On the basis of vast statistical data the author reveals deficiencies of existing theories which explain the genesis of crisis phenomena in the world economy and suggests his own model of a controllable crisis. According to the author, the world financial crises of the last two centuries are the result of purposeful activities. This research is based on the interdisciplinary approach.

Keywords: *financial crises, Kondratieff waves, Federal Reserve System, dollar emission.*

Выяснение основных причин возникновения экономических кризисов было и остается одной из самых актуальных научных задач. При этом множество гипотез о происхождении кризисов можно свести к четырем основным теориям (моделям): стохастической, циклической, теории кризиса перепроизводства и теории управляемости. В основе этих моделей лежат следующие фундаментальные процессы: случайность, ее противоположность – закономерность (цикличность) и волевая причинность.

Целью данного исследования является обоснование тезиса об управляемости кризисов и выдвижение на его основе эмпирически выверенной модели кризисов.

Широкое распространение в экономической науке имеет циклическая теория, а именно – гипотеза о существовании экономических циклов, регулярных колебаний уровня деловой активности (от экономического бума до спада). В настоящее время различают четыре цикла разного периода: краткосрочные циклы Китчина – колебания со средним периодом 3–4 года; среднесрочные циклы Жюгляра

(7–11 лет); циклы Кузнеца (15–20 лет); циклы Кондратьева – длинные волны с периодом в 40–60 лет.

Суть гипотезы о циклической природе кризиса состоит в том, что его может провоцировать наложение (интерференция) экономических циклов разной частоты. Математическая проверка данной гипотезы сильно затруднена в силу того, что четких циклов с неизменным периодом ученым выделить до сих пор не удалось. Однако в исторической хронологии экономических процессов накоплены достаточно четкие привязки к временной оси, что позволяет верифицировать гипотезу сфазированности. Исследование ставило целью на материалах исторических конъюнктурных рядов установить примерные фазы четырех экономических циклов – Кондратьева, Кузнеца, Жюгляра и Китчина, проанализировать примерные амплитуды волн и получить результат наложения их друг на друга с целью увидеть возможность возникновения кризисов вследствие этого резонансного наложения. Это можно сделать, имея данные о среднем периоде каждого из циклов и его условной амплитуде [Коротаев, Цирель 2009; Maddison 1991; Juglar 1862] (рис. 1).

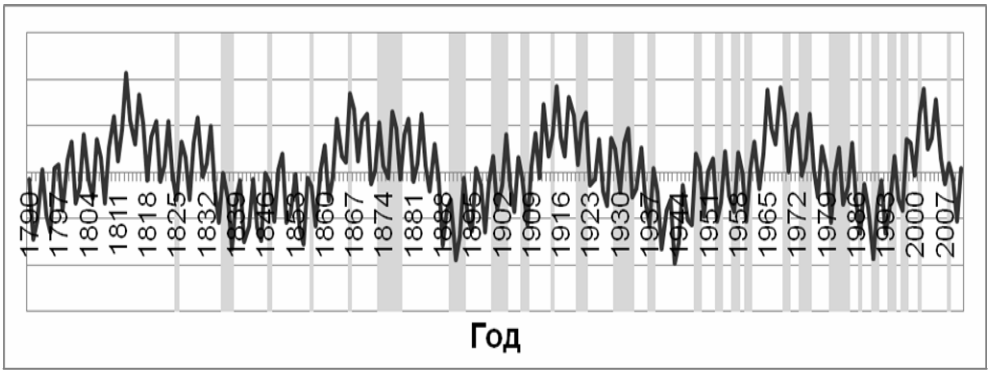

Рис. 1. Сопоставление сфазированных четырех волн с периодами кризисов

Как видно из рис. 1, определенного и закономерного синхронизма между результирующей волной и наступлением экономических кризисов не наблюдается. Введя понятие универсального суммарного цикла на основании самого длинного из циклов, авторы также пришли к выводу, что все мировые кризисы должны приходиться на какую-то универсальную фазу. При этом если бы причиной кризисов являлось резонансное превышение некоего порога устойчивости, то статистически кризисы должны были бы сгруппироваться в какой-то определенной фазе универсального цикла. Однако анализ исторических рядов экономических показателей выявил, что кризисы не группируются, а распределены примерно равномерно (рис. 2).

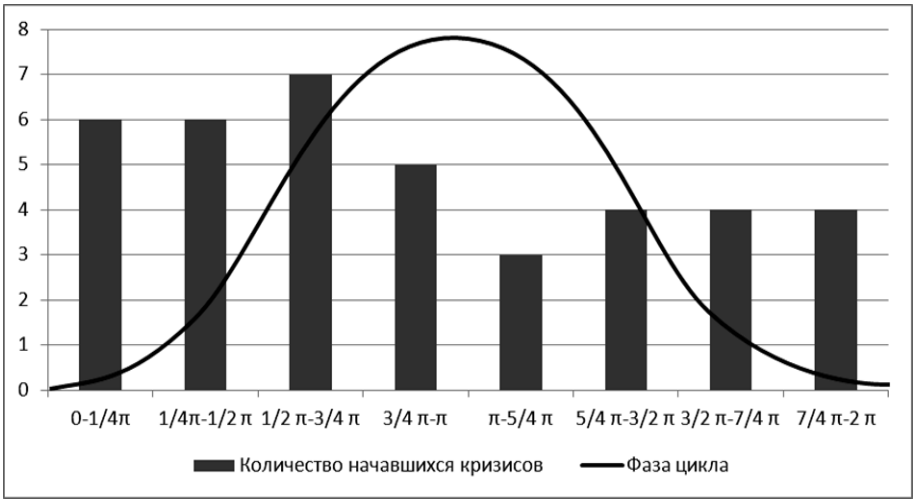

Рис. 2. Универсальный суммированный цикл конъюнктуры и привязанное по фазе местоположение кризисов (количество наблюдаемых в истории кризисов)

Таким образом, циклическая теория кризисов не получила подтверждения при более внимательном анализе.

Аналогичным образом не подтверждается и стохастическая гипотеза кризиса (Ф. Кюдланда и Э. Прескотта) [Kydland, Prescott 1982: 134–137], в основе которой лежит тезис о неопределенности, непредсказуемости мировой экономической конъюнктуры, что обосновывается различной природой и уникальностью кризисов, имевших место в истории, большим числом субъектов экономической деятельности. В реальности имеются факторы, отвергающие основной постулат данной теории – постулат об отсутствии закономерностей. Этими факторами являются наличие совершенно четкой тенденции к сокращению сроков межкризисных интервалов и учащение кризисов, а также наличие синхронизма в изменении целого ряда показателей экономического состояния в предкризисные периоды (рис. 3).

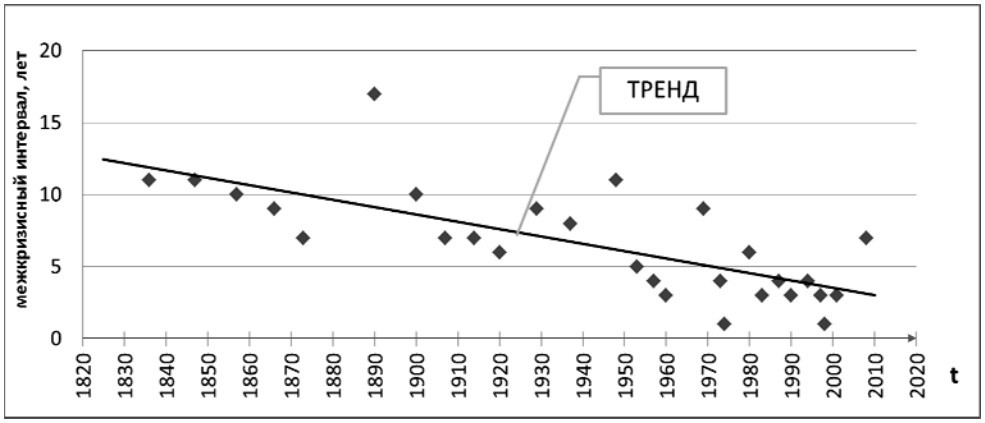

Рис. 3. Межкризисные интервалы по всей истории кризисов

Теория кризиса перепроизводства, самая распространенная в классической экономической теории объяснительная модель, строится на понимании причины экономических кризисов как превышения предложения над спросом товаров, вызванного отсутствием планирования совокупного производства в условиях свободного рынка. Чаще всего кризис перепроизводства рассматривается в качестве одной из фаз среднесрочного экономического цикла Жюгляра, то есть отчасти данная гипотеза может быть опровергнута вышеизложенными аргументами. Кроме того, рассмотрение кризисов двух последних столетий [Гринин, Коротаев 2010: 300–311] показывает, что в большинстве случаев детонирующий сбой происходит прежде всего в наиболее связанных с финансовым капиталом отраслях торговой и финансовой деятельности. Начавшись, кризис далее переходит на сферы реального производства, но его глубина программируется именно в финансовых отраслях. Таким образом, стоит говорить не о кризисе перепроизводства, а прежде всего о кризисах в финансовой сфере.

* * *

Поскольку ни одна из рассмотренных выше гипотез не объясняет убедительным образом природу финансовых кризисов, логичен вывод о существовании качественно иных причин их наступления. Авторская гипотеза управляемого кризиса базируется на понимании субъектной причинности кризисов, их искусственности, инспирированности и инструментарном характере.

Для того чтобы доказать непротиворечивость этой гипотезы, нужно найти, во-первых, бенефициаров, или субъектов, которые обладают набором инструментов для запуска кризиса и которым выгодно его наступление. Во-вторых, необходимо указать цель и интерес, преследуемые ими, методы их достижения и реализации.

Ключ к ответу на поставленные вопросы лежит в вопросе макросоотношения материального и соответствующего финансового оборота, иначе говоря, в соотношении реальной и виртуальной экономики. В настоящее время на мировом уровне денежная эмиссия превышает материальное производство в 10 раз, в то время как приемлемое соотношение – 1:2 [Якунин и др. 2012: 374]. Причиной такого дисбаланса является отсутствие механизма ответственности за поддержание этого баланса у страны-эмитента основной резервной валюты перед мировым сообществом.

Поскольку со времен Второй мировой войны доллар является основной валютой, а его эмиссией занимается ФРС, можно утверждать, что именно ФРС и стоящая за ней группа лиц есть клуб бенефициаров, а мировые институты и даже целые национальные государства, не исключая и самих США, являются его заложниками [Якунин и др. 2012].

Механизм кризиса срабатывает следующим образом: мировая резервная валюта – доллар – является товаром, которого «вдруг» становится настолько много, что он «дешевеет». В таких условиях происходит разбалансировка предложения и спроса и мировой продавец долларов вынужден предпринимать определенные действия для удержания собственной прибыли на прежнем уровне.

Таким образом, цель, преследуемая бенефициарами, – увеличение доходности своей деятельности. Собственно, выгодоприобретающим субъектом является

ФРС и стоящая за ней группа лиц. Методы, используемые ими: бесконтрольная эмиссия ничем не обеспеченной валюты, производные финансовые инструменты, а также изъятие денежной массы из свободного обращения.

Волевая субъектная причинность возникновения кризиса проистекает из «**вечного» конфликта труда и присвоения**. Человек, для того чтобы жить, должен потреблять блага, источником появления которых является труд (если пренебречь «дарами» природы). Другим источником получения блага может быть его присвоение: разбой, военный отъем, рента (торговая спекуляция, процентный доход от ссудного финансового капитала, добавочная стоимость).

В современных условиях продажа очень специфичного товара, а именно денег, есть одна из форм присвоения. Эта продажа является сверхвыгодным предприятием, поскольку если себестоимость 100-долларовой купюры составляет 4 цента, то прибыль от ее продажи будет составлять 250 000 %. На протяжении истории конфликт между трудом и присвоением только нарастал, а в последние десятилетия, после отмены конвертации доллара в золото в 1971 г., появления «цифровых денег», фьючерсных контрактов, кредитных деривативов, он достиг своего апогея.

Сегодня глобализация во многих регионах мира рассматривается как «новая форма империализма». На тесную связь одной доминирующей мировой валюты и единого стандарта демократии указывали многие политики, ученые и общественные деятели, такие как Ж. Аттали и Х. Арендт. Примером тому могут служить те обстоятельства, что в ходе переговоров с Японией, Кореей и своими европейскими союзниками США настояли на отмене субсидий и отказе от протекционизма в критически важных отраслях, проповедуя идею «торговли вместо помощи». При этом в 2001 г. Белый дом ввел пошлины на ввоз стали в США, мотивируя это тем, что «критически важная отрасль» страдает от наплыва импорта. Вопреки правилам свободной торговли США добились исключительных льгот для своего сельского хозяйства и текстильной промышленности. Принятие закона о фермерских хозяйствах, увеличившее субсидии американским производителям ряда сельскохозяйственных продуктов, вытеснило с американского рынка 75 % бразильского экспорта.

Таким образом, можно аргументированно утверждать, что ведение экономической политики по двойным стандартам стало визитной карточкой США. Результат данной политики налицо – в конце 1990-х гг. на население США (4,5 % населения планеты) приходилось более 21 % мирового ВВП, а доля США в мировом ВВП увеличилась с 20 % в начале 1990-х гг. до 30,4 % в 2000 г.* Высокий уровень потребления в Америке поддерживается в режиме *присвоения*, поскольку значимую часть национального богатства США составляют ценные бумаги, весьма условно связанные с реальным сектором экономики, а значительная часть мировой экономики так или иначе работает на Соединенные Штаты.

Глобальное *присвоение* достигается США с помощью целой системы экономических, финансовых и политических инструментов, в ряду которых:

---

* В зависимости от применяемой методики расчета ВВП США (абсолютная величина или с учетом паритета покупательной способности) достигает трети или четверти всего производимого в мире валового продукта.

• создание, искусственное поддержание и увеличение спроса на доллар в мире, что дает возможность осуществлять «экспорт» долларов из США в обмен на товары других стран;

• политически и экономически обусловленные кредиты развивающимся странам, обрекающие их на разрушение экономики;

• махинации на фондовых и валютных биржах (наглядный пример – обрушение фондовых и валютных рынков Юго-Восточной Азии в 1997–1998 гг.);

• информационные манипуляции;

• манипуляции ценами на мировом рынке (обрушение цен на нефть в 1986 и 2008 гг.).

Угроза падения курса доллара является весьма эффективным средством принуждения других государств финансировать американскую военную экономику и американский экономический рост, поскольку многие страны мира являются крупными держателями казначейских ценных бумаг США. Это стало очевидным в 1970-х гг., когда американскому доллару как международной валюте альтернатив не оказалось.

Однако проповедуемое США «евангелие экономической глобализации» [Престовиц 2005: 9] не выдержало проверки финансовым кризисом 1997–1998 гг. В течение 1990-х гг. «экономическое чудо», возникшее в 1960-е гг. в Японии, охватило Корею, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзию и Таиланд. Кризису предшествовал приток инвестиций из США, Японии и Европы в экономику Юго-Восточной Азии. На этом фоне лидеры стран Азиатско-Тихоокеанского региона на встрече в Индонезии в 1994 г. поддержали глобализацию, объявив о создании организации Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества и взяв обязательство к 2020 г. обеспечить полную свободу торговли. Но механизм кризиса уже был запущен. В самый неподходящий момент иностранные банки, как по команде, потребовали возвращения краткосрочных займов, а хедж-фонды начали играть на понижение тайского бата. Свидетельством «рукотворного» характера данного кризиса явился отказ Б. Клинтона оказать помощь Таиланду, несмотря на давление со стороны мирового сообщества. Падение малазийской и индонезийской валют, гонконгского доллара и корейской воны началось сразу за обвалом бата. Обращает на себя внимание, что меры премьер-министра Малайзии Махатхира по спасению ринггита путем запрета продажи малазийских ценных бумаг без покрытия и введения ограниченного контроля движения денег в стране встретили жесткую критику со стороны международной финансовой элиты и американского правительства, вследствие чего Малайзия была отрезана от внешних финансовых источников. Остальные страны вынуждены были реструктуризировать свою экономику по рецептам МВФ, находящегося под сильным влиянием ФРС. Показательно, что Минфин США пресек все попытки Японии самостоятельно оказать помощь странам Юго-Восточной Азии. Белый дом не мог позволить себе потерять единоличный контроль над регионом Юго-Восточной Азии [Там же: 51, 87–95].

Тот факт, что проводимая под руководством МВФ либерализация ускорила переход активов от отечественных владельцев к иностранным, позволяет сделать вывод, что финансовые кризисы *всегда* вызывали переход собственности и власти к тем, кто сохранял свои активы и имел возможность предоставлять кредиты. Для

предотвращения перерастания контролируемых региональных кризисов в глобальный приходится организовывать «помощь» в виде кредитов, которые, в свою очередь, еще больше способствуют закреплению финансовой гегемонии США и их союзников, по сути дела, входящих в клуб бенефициаров, связанный с ФРС. Таким образом, система международного кредита представляет собой один из скрытых каналов финансового паразитизма.

Итак, финансовые кризисы организуются рукотворным образом и в этом смысле являются управляемыми. В свою очередь, современное манипулирование правом эмиссии мировой резервной валюты представляет собой классический пример паразитирования и присвоения благ. Вечный конфликт труда и присвоения, праведного и неправедного начал в потреблении благ приобрел сегодня своеобразную форму, которая вполне реконструируется на научном языке теории и моделирования.

Выдвигаемая авторами **модель управляемого кризиса** базируется на ряде гипотез, которые верифицируются на основе статистических данных:

а) исторически доминирует один и тот же механизм управляемого циклического кризиса;

б) понимание механизма управления кризисом (мотивов его бенефициаров и их действий) позволяет прогнозировать новые кризисы;

в) возможна разработка рекомендаций мировому сообществу по преодолению кризисов.

Методология научного доказательства включает в себя следующее.

1. Введение понятия стандартного цикла финансового кризиса и его статистическое «портретирование».

2. Вскрытие причинно-следственных связей взаимозависимых параметров развития через устойчивость задержек во времени.

3. Выявление устойчивых мотивов и интересов лиц, управляющих кризисами.

Итак, основная гипотеза модели управляемого кризиса строится на предположении об устойчивом архетипе поведения мирового эмитента (негосударственной независимой Федеральной резервной системы США). Он состоит в стремлении максимизировать доходность. Торговля долларом является сверхдоходным бизнесом (250 000 %), что заставляет производителя этого товара организовывать свой бизнес по авантюрному, кризисному сценарию. Доходность эмитента в общем виде представляет собой: доходность ≈ (номинальная) × (физическая) × (финансовая активность):

$$\textbf{Д} \sim \textbf{C} \times (\textbf{M} + \Delta\textbf{M}) \times \textbf{Ф} \times \textbf{К}.$$

Номинальная доходность (Д) определяется ставкой рефинансирования (С) и объемом денежной массы (М + ΔМ), где М – накопленная денежная масса, а ΔМ – текущий эмиссионный прирост. Физическая доходность (Ф) определяется возможностью обмена необеспеченных «банкнот» на реальные блага. Ее характеризует региональный валютный курс доллара в странах и регионах обменов (К). Показатель финансовой активности учитывает, что не вся эмитированная и внедренная в мировые обмены денежная масса «работает».

Для того чтобы создать финансовый кризис, то есть дефицит оборотного капитала, необходимо управлять мировой денежной массой (ее инструмент – пра-

во эмиссии доллара, принадлежащее ФРС). Но этот инструмент ограничен, поскольку он «работает» только на положительных приростах денежной массы и позволяет лишь уменьшать их до нуля. Однако для организации кризиса необходим значительный дефицит денежной массы. Крупные финансовые операторы, связанные с центром принятия решений (ФРС), являются дополнительными механизмами, которые помогают «заморозить» оборот уже эмитированной массы. Отследить существование этого механизма можно путем наблюдения за изменчивостью коэффициента финансовой активности (активность мировых инвестиций, которая является доступным статистическим показателем). Таким образом, становится возможной количественная оценка доходности эмитента с точностью до тенденции. Математически «тенденция» позволяет увидеть причинно-следственные связи, что уже достаточно для проверки гипотезы на достоверность.

Итак, латентный клуб бенефициаров (стоящий за спиной ФРС), может управлять как спросом на товар (доллар) путем эмиссии и ценой товара (ставка рефинансирования), так и «финансовой активностью», отдавая команды по цепочке соподчиненных институтов. На деле это срабатывает следующим образом. Хотя региональным курсом доллара управляют национальные правительства, однако в случае подчиненности авторитету, политическому или военному диктату США, десуверенизированные правительства определяют курс доллара в рамках стратегии, навязываемой США в своих интересах.

При построении модели кризиса и его «портретировании» важно учитывать, что те параметры, которые управляются ФРС непосредственно, откликаются на «команды» сразу же (цена товара). Те же показатели, которые управляются ею косвенно, откликаются на принятие решений с некоторой задержкой. Все это находит подтверждение в анализе экономических показателей разных стран мира, а значит, очерченная схема функционирования финансовой системы является верной.

Итак, перейдем к рассмотрению **механизма возникновения мировых циклических финансовых кризисов**. Если рассматривать доллар как товар, то поставщик этого товара – Федеральная резервная система США, – как и любой продавец, преследует три цели:

1. Продать как можно большее количество товара.
2. Продать товар как можно дороже.
3. Сделать доллар как можно более дорогим с точки зрения товарного наполнения.

По сути дела, мировые финансовые кризисы представляют собой экстренные меры в условиях, когда не удается достичь максимальных показателей по поставленным целям.

Авторам представляется, что кризисы развиваются **по трехфазной циклической модели** (рис. 4).

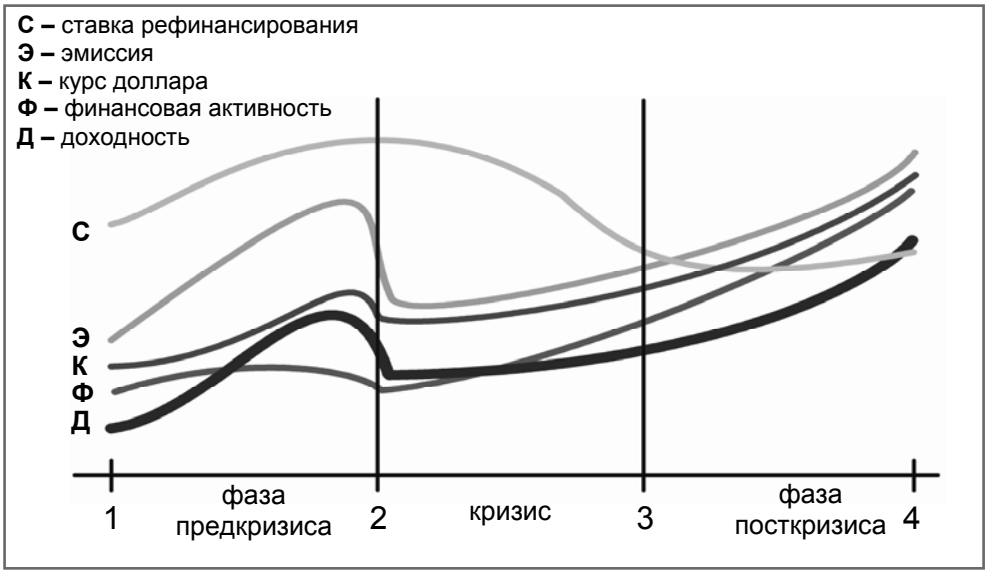

Рис. 4. Модель стандартного трехфазного циклического кризиса

Первая фаза – предкризисная. Вторая – сам кризис, третья фаза – посткризисная. В первой фазе эмитент стремится максимизировать свою доходность. Он наращивает ставку рефинансирования, объемы эмиссии и в общем стремится увеличить все доступные его влиянию сомножители доходности, что приводит вследствие перенасыщения рынка к падению курса доллара и снижению финансовой активности и, как следствие, – к падению доходности в целом.

У эмитента и его закулисных бенефициаров возникает задача: повысить спрос, курс доллара и активность, для чего на ниспадающей ветви доходности «организуется» кризис в виде: 1) резкого снижения объемов эмиссии (создается дефицит денежной массы); 2) снижения «по указке» финансовой активности (усиливается дефицит денежного оборота, то есть снижается эффективная накопленная денежная масса М и соответственно Ф); 3) снижения ставки рефинансирования для восстановления спроса на товар-доллар. Собственно, все эти меры и приводят к ситуации кризиса.

Во второй фазе (собственно, фаза кризиса) предпринятые меры дают результат, а именно – начинается рост курса доллара и финансовой активности. Останавливается падение доходности. В третьей, посткризисной, фазе она окончательно восстанавливается, и стандартный кризисный цикл замыкается. Более того, статистика показывает, что доходность в итоге оказывается на уровне, превышающим докризисный показатель.

Проведение статистического анализа 13 кризисов (рис. 2) показало, что все кризисы проистекали по изложенной выше модели. Такая закономерность может наблюдаться только тогда, когда действует одна и та же причина кризиса – управляемость. Кроме того, несовпадение конечных точек соответствующих кривых с начальными (рост доходности, о котором мы говорили выше) позволяет утверждать, что клуб бенефициаров и страна-эмитент в итоге получают прибыль от кризисов, то есть достигают своей интегральной цели.

Помимо данного факта ответственность ФРС и латентного клуба бенефициаров за организацию мировых кризисов может быть также подтверждена тем, что, как показывает статистика, США испытывали ущерб всего в 9 % случаев кризиса за период 1960–2010 гг. В случае с Россией этот показатель достигает 67 % (1990–2000 гг.). Также весьма показательна статистика мировых кризисов в сопоставлении с собственно американскими рецессиями. При построении исторической зависимости величины межкризисного периода она получается принципиально разной для внеамериканских мировых кризисов и собственно американских. Кризисы в США происходят все реже, а в мире – все чаще.

И, наконец, последнее, но не менее важное. Денежной массой в мире, как выше уже говорилось, могут управлять финансовые мировые организации, объединенные в кланово сплоченную интернациональную сеть. При этом коэффициент клановости (показатель, который отображает долю лиц в руководстве, объединенных существенно значимым для их деятельности признаком – орденское членство, родственность, землячество, национальность) топ-состава ФРС, подсчитанный по данным публичных официальных досье, составляет 47 %. Для сравнения: для политического истеблишмента России этот коэффициент исторически достигал своих максимумов, но никогда не превышал 35 %.

Итак, статистическая феноменология подтверждает гипотезу и объяснительную модель управляемости финансовых кризисов.

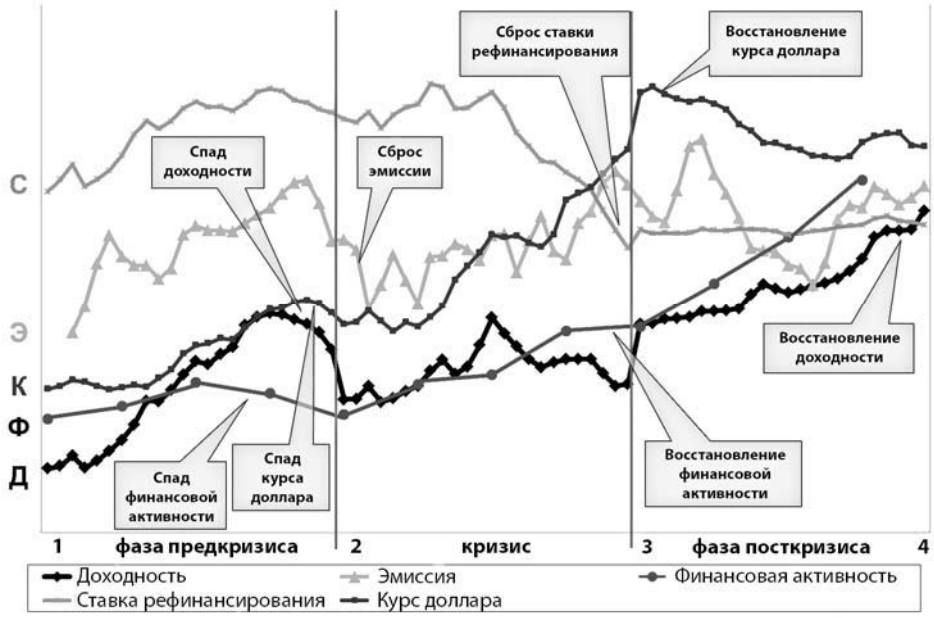

Рис. 5. Статистический трехфазный портрет мирового циклического кризиса (построено по статистическим данным ФРС и Мирового банка)

Наконец, стоит отдельно остановиться на том, что вышеописанные тренды, а именно рост уровня доходности и учащение и углубление кризисов, связаны напрямую, и эта связь имеет огромное значение в прогностическом плане. Рост

доходности приводит к постепенному сближению исходного (предкризисного) уровня и порога устойчивости системы. В какой-то момент трендового роста исходной предкризисной доходности она достигнет порога устойчивости. Этот момент станет моментом **возникновения суперкризиса**, преодолеть и контролировать который в рамках существующей системы связей будет просто невозможно, и, очевидно, этот кризис покончит с текущей финансовой системой. По авторским подсчетам, этот срыв может произойти в районе 2022 г., а это означает, что мир вступает в период нестабильности, войн, терактов, экономических потрясений.

Остановимся более подробно на **механизме управления мировой ликвидностью**, поскольку, как мы показали выше, именно он является критически значимым для контроля над финансовой системой.

Рубежным событием в функционировании международной финансовой системы стал 1971 г. – год отмены золотого долларового стандарта. Начиная с этого момента доллар оказался не обеспеченным никакими реальными активами, он обеспечивался товарами и услугами, объем которых оценивался все теми же деньгами, и вскоре оказался несопоставим с денежной массой.

В итоге финансовая система приобрела все признаки типичной финансовой пирамиды, управляемой ФРС США. Стоимость доллара определяется постоянно генерируемым искусственным спросом на него как на главную мировую резервную валюту. Фактически доллар является «ценной бумагой», опирающейся только на доверие к нему плательщиков, обеспеченное сложной системой политических, психологических, военных, финансовых и организационных мер. Устройство международной финансовой системы обязывает все страны пользоваться долларом в качестве главной резервной валюты, основного платежного средства, обеспечивающего международную торговлю, и, что еще более значимо, брать долларовые кредиты, для выплаты процентов по которым, как правило, приходится прибегать к еще большим займам в тех же долларах. Все это в сумме дает ФРС право и возможность неограниченной эмиссии, что создает мировую финансовую пирамиду [Лисовский 2011].

При этом лишняя денежная масса систематически «сбрасывается» на международный товарный рынок в обмен на сырье или переливается в высокоприбыльные сектора финансового рынка. По этой причине начинают надуваться разные «пузыри». Например, в 1995–2000 гг. деньги шли прежде всего в сектор высоких технологий, что отражает индекс NASDAQ. До 2000 г. этот индекс рос почти по экспоненте, а общий объем капитализации составил порядка 10 трлн долларов. Цена акции многих компаний в сфере информационных технологий увеличивалась ежегодно в десятки раз. Потом вверх пошли ценные бумаги, связанные с ростом цен на недвижимость. Таким образом, сфера приложения спекулятивного капитала может меняться, поскольку стимулирование постоянного роста потребления на внутреннем и внешнем рынке является необходимым условием функционирования мировой финансовой системы.

Другим инструментом поддержания относительной стабильности финансовой пирамиды являются международные кредиты, дающие мощный «сток» ничем не обеспеченной валюты взамен на поставки реальных ценностей – сырья и товаров. При этом ФРС перекладывает большую часть последствий эмиссии долларов на мировую финансовую систему.

Если в математической модели мирового взаимодействия валют рассматривать деньги как инструмент борьбы за доминирование, то мы увидим, что стремление внедрить свою валюту на мировой рынок присутствует всегда и оно способствует созданию ситуации неустойчивости и суперкризиса как кульминации этой неустойчивости.

Прогнозирование очередного кризиса, равно как и прогнозирование в целом, может быть состоятельно тогда, когда оно основано на выявлении определенной закономерности развития прогнозируемого явления. Закономерность можно выразить в математическом виде и использовать ее уже математическую модель для прогноза развития тех или иных параметров. Если в модели правильно отражена исходная закономерность, то, мониторируя соответствующие параметры, можно прогнозировать развитие и, в частности, финансовые кризисы.

При этом сложность прогнозирования масштабных социальных систем связана с множественностью одновременно идущих процессов, которые маскируют и «зашумляют» мониторируемый результат, однако эта сложность может быть преодолена методами статистического сглаживания, фильтрации, выделения доминант из шумов. Аналогичным образом может быть учтена и субъективность или воля «суперправителей» (или группы лиц), которая может повлиять на изменения макроэкономических показателей. В частности, для тех, кто имеет возможность вызывать на мировых рынках спекулятивные настроения или иным способом (например, управляя эмиссией мировой резервной валюты) влиять на глобальные экономические показатели, наиболее вероятным архетипом является извлечение дохода.

Даже при всей своей вероятностности и условности ценность прогноза заключается в том, чтобы сгладить ущерб, который может быть нанесен кризисом. Принципиально достижимым в рамках прогнозирования является указание вероятностно закономерных сроков возникновения кризиса.

Итак, современная система мировых финансов несправедлива, паразитарна, поскольку она базируется на присвоении блага, кризисогенна и неустойчива. Миру так или иначе придется находить способы ее модификации. Эти способы могут быть декоративными, что происходит сегодня в условиях доминирования США и западного альянса, но в принципе решение задачи существует, и оно возможно только при правильном понимании природы мировых обменов и финансов, их теневых сторон.

Потребность и важность мировых материальных обменов обусловливает необходимость единой обменной валюты. Корень проблем заключается в том, что страны, вступающие в международные товарно-денежные отношения, как и в индивидуальных обменах между людьми, объективно нуждаются в эквиваленте стоимости. Золото и иные ценные материалы в конце концов уступили место валюте в силу недостатков общего объема, физических неудобств оборота и по политическим и экономическим причинам.

Самым опасным обстоятельством в устройстве современной финансовой системы является тот факт, что национальная валюта одного государства, США, превратилась в мировую резервную валюту, эквивалент стоимости в международных обменах. В итоге США превратились в банкира-кредитора, получая за торговлю своей валютой в мире банковскую маржу невероятных размеров. Переставая различать собственную национальную валюту и миро-

вую, страна-эмитент ввиду отсутствия международного контроля может попросту печатать валюту в неограниченных количествах и приобретать на нее реальные блага. Если страна сильна в военно-политическом, экономическом отношении, если она при этом, например, предлагает половине мира свои политические функции ядерного зонтика или политического патрона различных клановых, в частности, интересов, если она настолько искусна, что правящие режимы в ущерб своим странам служат интересам страны-эмитента, то в таком случае формируется мировая паразитическая система, в которой главным бенефициаром выступает страна-эмитент.

Мировые финансово-экономические кризисы при этом являются результатом волевых усилий страны-эмитента, нацеленных на восстановление падающей доходности своей системы.

Встает принципиальный вопрос: возможно ли создать иные системы мировой резервной валюты? В перспективе, вероятно, да. Но это произойдет в итоге череды силовых попыток, глобальных «воспитательных» кризисов, вероятно, военных конфликтов, глобальных терактов и дестабилизирующих политических событий. Мир входит в эту полосу.

Существующая паразитарная схема основана на нескольких главных ноу-хау, или технологических решениях.

1. Эмиссия доллара осуществляется бесконтрольно со стороны мирового сообщества.

2. Мировая резервная валюта совпадает с национальной валютой.

3. Мировые «регуляторы» (МВФ и Всемирный банк) являются не мировыми, а сателлитными к национальному эмитирующему центру, а именно ФРС и США.

4. ФРС является практически частной клановой структурой, стоящей даже над самим государством США.

5. Мировая финансовая система в своей части мировой валюты, ее эмиссии и распространения фактически является клановой частной, обслуживающей достаточно узкую группировку так называемых бенефициаров.

6. Мировая финансовая система, основанная на долларе, является паразитарной, обслуживает эксплуатацию узкой группой бенефициаров практически всего остального мира.

Соответственно перечисленные начальные условия являются постановкой задачи по переустройству мировых финансов. Все инициативы, которые сегодня наблюдаются в мировом сообществе, так или иначе должны быть связаны с решением поставленной задачи или ее составных частей.

Именно поэтому выдвигаемые на этапе современного кризиса лидерами G-7 или G-20 предложения относительно более эффективного контроля эмиссии мировых финансов, производных финансовых инструментов, создания новых мировых финансовых регуляторов, выработки критериев оценки функционирования мировой финансовой системы, то есть предложения относительно второстепенных вопросов, не способны разрешить проблем, с которыми столкнулось человечество. По сути дела, для действующего клуба бенефициаров подобного рода саммиты и заседания являются лишь способом оттянуть время.

История конфликта эксплуататора и эксплуатируемого на национальном уровне дает человечеству урок: бескровно такие конфликты не разрешаются. Со-

лидаризация, консолидация и действие-противодействие эксплуатируемого мира являются обязательным условием и исторической неизбежностью. Мир должен начать консолидацию в отличном от западного альянса ареале. Когда-то это были СССР, арабский мир, Китай, социалистический лагерь и так называемый третий мир. Сегодня это в первую очередь Китай, Индия, Латинская Америка, попрежнему арабский мир (несмотря на разгром арабской солидарности в ходе инспирированных «революций»), Россия (при условии освобождения от добровольного американоцентризма и неолиберализма). И хотя в настоящий момент признаки такой консолидации могут быть охарактеризованы как не очень явные и решительные, однако предстоящее десятилетие (2010–2020 гг.) будет проходить под знаком указанной консолидации.

Какова могла бы быть конструктивная программа этого движения в части мировой финансовой системы? Отвечая на сформулированные выше вызовы, она могла бы включать в себя следующее.

1. Мир должен двигаться к обновленной моновалютной системе, но выведенной из-под паразитарной системы доллара, ФРС, США и западного альянса.

2. Поскольку указанный альянс будет этому всячески препятствовать, мир может временно перейти к бивалютной системе. Вторая валюта должна стать прообразом будущей единой мировой валюты.

3. Мир должен создавать параллельные институты: аналог ООН, точнее, мирового правительства, с функциями социализации, гуманизации мира, с Мировым банком и единой мировой валютой, не совпадающей ни с одной национальной валютой, что принципиально, с аналогом общественных фондов потребления для перераспределения в пользу бедных стран (а не кредиторов, как это происходит в системе МВФ).

Неважно, какое название будет у новой единой мировой валюты. Например, от слов “world” и “currency” ее можно назвать “wocur” или как-то иначе. Главное, чтобы она не совпадала с любой национальной валютой. Главное, чтобы эмитирующий центр не совпадал с любым национальным центром эмиссии. Этот мировой центр эмиссии, банк кредитования, должен быть симметричными по отношению к любой стране мира. Поэтому органы-регуляторы должны формироваться не на основе взноса-вклада страны, как, например, сейчас делается в МВФ, а на основе принципа «одна страна – один голос».

Поскольку такой центр эмиссии и соответствующий банкинг будут приносить доход, который сегодня потребляют клуб бенефициаров, стоящий за спиной ФРС, и отчасти США, то он должен быть направлен в специальный фонд (аналог МВФ) и также находиться под симметричным мировым контролем. Его средства могли бы играть роль общего протобюджета мира для его (мира) социализации, реализации цели перераспределения, помощи бедным странам и в случаях форс-мажорных обстоятельств покрытия ущерба, нанесенного тем или иным странам.

Очевидно, что практически все указанные функции сегодня отработаны на уровне национального государства. В развитии мира наступает этап, когда он входит в процессы гомогенизации – не универсализма как глобализации по западному плану (закрепления паразитирования), но реального сближения человечества.

Достаточно ясно, что США и Запад будут торпедировать такую реконструкцию мировых финансов. Поэтому более активную позицию могли бы занять Китай, Индия, арабский мир, Россия, СНГ, Латинская Америка.

Насколько реалистичен такой план? На данный момент он, конечно, производен от количества долларовых запасов и ценных бумаг США у государств, от соблазна самим построить аналог нынешней ФРС и монополии доллара или хотя бы региональной монополии собственной валюты. Поэтому путь к принципиально новой системе организации мировых финансов будет долгим и непростым. Ускорять и стимулировать этот процесс будут все новые кризисы, а теория управляемых мировых финансовых кризисов позволяет прогнозировать, что они неизбежны и будут происходить все чаще.

Если говорить о роли России на этом неизбежном пути, то ее сначала необходимо реабилитировать из того состояния, которое заставляет отнести современную Россию к сателлиту западного проамериканского альянса, включенного в систему мирового кланового управления. Не стоит подпадать под обаяние политической риторики некоторых современных российских политиков, которые вроде бы пытаются опровергнуть указанный тезис. Риторика очень часто расходится с практикой.

Россия вполне могла бы выйти в мир с предложением, основанным на вышеизложенных идеях. И это предложение было бы сообразно той роли, которую Россия традиционно играла в мире.

Литература

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. М., 2010.

Коротаев А. В., Цирель С. В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / под ред. Д. А. Халтуриной, А. В. Коротаева. М., 2009.

Лисовский Ю. А. Экономика безумия. М., 2011.

Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. СПб., 2005.

Якунин В. И., Сулакшин С. С. и др. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. М., 2012.

Juglar C. Des crises commerciales et leur retour periodique en France, en Angleterre et aux Etats Unis. Paris, 1862.

Kydland F., Prescott E. Time to Build and Aggregate Fluctuations // Econometrica. 1982. Vol. 50. No 6. Pp. 1345–1370.

Maddison A. Dynamic Forces in Capitalist Development. Oxford, 1991.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ТАСУЕТ МИРОВУЮ КОЛОДУ
(Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс)

Гринин Л. Е.
д. ф. н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, шеф-редактор журнала «Век глобализации».
E-mail: lgrinin@mail.ru

В статье даются прогнозы геополитического развития мира в ближайшие десятилетия. Одно из основных обвинений в отношении глобализации заключается в том, что она усиливает разрыв между развитыми и развивающимися странами, обрекая последние на отсталость. Статья показывает, что на самом деле ситуация иная. Доказывается, что именно благодаря глобализации развивающиеся страны сегодня в целом развиваются гораздо более быстрыми темпами, чем развитые, центр Мир-Системы начинает ослабевать, а ее периферия – усиливаться. Объясняется, почему глобализация неизбежно должна была привести к бурному подъему многих развивающихся стран и ослаблению развитых. В ближайшие десятилетия тенденция на сближение уровней развития центра и периферии только усилится. Это сближение является также необходимым условием для начала нового технологического переворота.

Ключевые слова: *развитые страны, развивающиеся страны, центр, периферия, баланс сил, сближение уровней развития, дивергенция, конвергенция, мировой порядок, глобальный технологический рывок, ослабление США, смена лидера в мире, мировой средний класс.*

The author predicts geopolitical development of the world in the next decade. One of the main charges which globalization faces is that it widens the gap between developed and developing countries and thus dooms the latter to backwardness. The article shows that the real situation is opposite. The author argues that it is just globalization that makes developing countries develop faster than developed ones; the World System core is weakening, while its periphery is strengthening. He explains why globalization would have inevitably caused rapid upsurge of many developing countries and weakening of developed ones. In the coming decade the tendency to convergence of the core and the periphery' development levels is going to grow. This convergence is a necessary condition for a new technological revolution.

Keywords: *developed counties, developing countries, the core, the periphery, balance of power, convergence of development levels, divergence, convergence, the world order, global technological breakthrough, weakening of the USA, change of the world leader, the world middle class.*

Век глобализации 2/2013 63–78

I. Закат лидерства США и Запада

О неизбежном закате американского могущества стали говорить еще с 1970-х гг., когда страна столкнулась сразу с политическим, экономическим и валютным кризисом. В эти и последующие годы также нередко прогнозировалось, что Япония сменит США в роли экономического лидера [см., например: Kennedy 1987]. Но новый всплеск технологической волны в США в 1990-е гг., проходивший на фоне экономической стагнации Японии, показал ошибочность таких взглядов. Лидерство Соединенных Штатов оказалось не только достаточно прочным, но и поднялось на новый уровень в результате распада коммунистического блока и СССР.

Однако именно с 1990-х гг. количество прогнозов относительно неизбежного ослабления американской гегемонии и одновременно грядущего выхода Азии на лидирующие позиции стало увеличиваться [см., например: Франк 2002; Тодд 2004; Валлерстайн 2001; Wallerstein 2003; Капхен 2004]. Сначала такие прогнозы воспринимались скептически или трактовались просто как выражение левых взглядов или антиамериканских настроений. Однако по мере нарастания негативных явлений в Америке и успехов азиатских стран идея о закате Америки становилась все более обоснованной, вызывая в зависимости от предпочтений торжество или тревогу. Сегодня с учетом последствий мирового кризиса прогноз о снижении в ближайшие десятилетия роли США в мире разделяет большинство аналитиков. С неизбежностью потери своего абсолютного лидерства, похоже, начали примиряться и США, хотя еще многие надеются на некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь (это ярко проявляется, в частности, в выступлениях президента Б. Обамы).

Таким образом, нет сомнения, что гегемонии США, которая длилась более шестидесяти лет, приходит конец. Раньше или позже Соединенные Штаты Америки не смогут более быть лидером Мир-Системы в привычном для нас смысле, в результате чего геополитический ландшафт мира серьезно изменится [см.: Гринин 2009; 2012а; 2012б]. В то же время надежды некоторых политологов и экономистов на скорый и обвальный крах США беспочвенны: такое сокращение, скорее всего, будет происходить постепенно, по мере того как объективные обстоятельства, включая рост периферийных стран, будут этому способствовать. В ближайшие два-три десятилетия США, скорее всего, останутся «первыми среди равных» из-за их превосходства в отношении целого ряда аспектов лидерства и «узаконенности» их лидирующей роли [NIC 2012: XI]. Кроме того, надо учитывать, что мир в целом пока еще заинтересован в сохранении американского лидерства.

Некоторые причины ослабления Запада. Со времени окончания Второй мировой войны установилась в общем-то уникальная ситуация, когда одна страна – США – стала мировым лидером во многих отношениях: политическом, военном, валютно-финансовом, экономическом, технологическом, инновационном. Длительное время это лидерство укреплялось соперничеством с мировым коммунизмом, объединяя Запад и стимулируя мощную энергию в самих Штатах. С момента распада СССР США стали абсолютным гегемоном. Причем, как ни парадоксально, именно получение статуса абсолютного гегемона способствовало началу заката их могущества. С одной стороны, это ослабило готовность страны

и населения к жертвам (которые Америка несла ранее в рамках холодной войны), с другой – на фоне кажущегося всемогущества американские лидеры избрали в целом неверную стратегию, пытаясь «сделать внутренние американские установки целями внешней политики США» [Киссинджер 2002: 283]. В итоге в течение двух неполных десятилетий США допустили много ошибок. В различных акциях они растратили запас прочности, что пошатнуло их могущество, накопили непомерные долги, стали детонатором мирового кризиса, последствия которого до конца еще не ясны. А за эти неполные двадцать лет, с 1991 по 2008 г., на фоне ослабления Европы и продолжающейся стагнации Японии выросли экономические гиганты в Азии (Китай и Индия), а также появилась целая когорта быстро развивающихся стран (от Мексики до Малайзии), которые займут лидирующие позиции в мире в не столь отдаленном будущем.

Как же все-таки это произошло? И главное, почему? Тому имеется множество причин и объяснений. «Закат Запада» можно трактовать, например, в духе О. Шпенглера или П. Бьюкенена, то есть с позиций теории цивилизаций и отказа от нравственных императивов[1]. Но это, разумеется, не объясняет в достаточной для научного анализа мере причины «падения нравов». Ослабление США можно также рассматривать как подтверждение различных теорий циклов политической гегемонии (в духе Дж. Арриги [2006] или Дж. Модельски [2005]), согласно которым период гегемонии длится примерно 100–200 лет, а затем на смену одному гегемону приходит новый. Действительно, никто не может быть в лидерах бесконечно. Однако проблема, как мы увидим ниже, в том, что обычной смены лидера в мире не будет, на место США не придет столь же абсолютный фаворит. А если единоличного лидера уже не может быть, то мир станет структурироваться по иным основаниям, чем раньше [см.: Гринин 2009]. Следовательно, с закатом США закончатся и циклы политической гегемонии, если о них вообще было корректно говорить применительно к предшествующим столетиям.

Вполне естественно рассматривать смену геополитического ландшафта как результат ошибок и высокомерия, которое в определенный момент охватывает могущественные державы. «В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение», – писал по этому поводу Дж. Неру [1977: 90]. Действительно, ошибок сделано немало, многие из них видны, как говорится, невооруженным глазом. Причем кажется, западные демократии утрачивают и свое сильное качество – делать правильные выводы из собственных ошибок. Свидетельство этому – маниакальное стремление к свержению режимов на Ближнем Востоке безо всякой заботы о последствиях, без учета произошедшего хотя бы в Ираке, Палестине, Ливане. Западные демократии своими недальновидными действиями порождают противников в лице ортодоксально настроенных мусульманских движений.

Однако сами ошибки (равно как и изменение моделей поведения элит и населения) можно рассматривать как результат более глубоких процессов. Следова-

[1] «Дехристианизация Америки – рискованная игра, ставкой в которой выступает наша цивилизация. Америка швырнула за борт “этический компас”, по которому республика держала путь в течение двухсот лет, и теперь плывет наугад» [Бьюкенен 2003: 271].

тельно, важно увидеть эти процессы, которые изменяют мир вопреки воле тех, кто, казалось бы, стоял в центре событий.

Главная причина – глобализация? Сокращение могущества США и Запада, если рассматривать ситуацию в ретроспективе, было неизбежным. Кризис 2008–2013 гг. только обнажил то, что фактически уже имело место: ослабление главных центров западной экономики и неизбежность утраты Западом абсолютного лидерства. В этом заключается логика истории, которую, правда, еще до конца не поняли: *развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовместимым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии.* Таким образом, именно глобализация, которую американцы активно навязывали, которую клеймят антиглобалисты всех стран, в которой видят источник трудностей развивающихся государств, и сделала данную тенденцию ослабления богатых стран и усиления бедных неизбежной. Рассмотрим эту идею подробнее.

II. Как глобализация ослабила центр и усилила периферию

Закон сообщающихся сосудов мировой экономики и пробуждение масс. Начавшись в мире, где между развивающимися и развитыми странами лежала пропасть, глобализация затем стала способствовать некоторому сокращению разрыва в уровнях их развития. Из самой сути процесса глобализации, следовательно, вытекает, что развивающиеся страны должны обеспечить более быстрый экономический рост, чем развитые. Ведь она усиливает открытость экономических границ, а это приводит в действие своего рода закон сообщающихся сосудов. В итоге развитие периферии ускорилось, а центра – замедлилось. Без всякого сомнения, это один из самых важных результатов двух последних десятилетий. Разрыв между богатым Севером и бедным Югом планеты в объеме производства все еще очень велик, однако в течение последующих десятилетий он заметно сократится (в том числе и в отношении доходов на душу населения, но в меньшей степени)[2].

Многие экономисты 1950–1960-х гг. не питали чрезмерных надежд на выведение стран Востока из мрака отсталости в обозримом будущем. Главным тормозом они справедливо считали отсутствие у населения этих стран стремления к улучшению жизни. Бедность не угнетала людей, они не воспринимали ее как нетерпимое состояние (см., например, книгу нобелевского лауреата Г. Мюрдаля [Myrdal 1968]; похожее мнение встречается у Ф. Броделя [1987–1992]). Такая психология еще характерна для жителей отсталых районов, особенно в Африке.

Но во многих развивающихся странах ситуация изменилась, поэтому из сонного и апатичного третий мир превращается в динамичный. И одно из главных изменений можно увидеть именно в смене жизненных приоритетов у сотен миллионов людей, которые все активнее стремятся вырваться из бедности и неграмотности в иную жизнь.

Таким образом, самым трудным для рывка оказывается пробудить эту активность в населении бедных стран (здесь нужны большие усилия, направленные на развитие начальной модернизации и образования). Но когда потребность

[2] Разрыв в отношении доходов на душу населения сокращается медленнее по понятным причинам: прирост населения в развивающихся странах намного превышает этот показатель в развитых.

в улучшении условий жизни все же возникает, в нем начинает работать своего рода мотор. В итоге может быть достигнут качественный результат (несмотря на то, что такое броуновское движение всегда сопряжено с массой всякого рода беззакония, уродства, глупости, несправедливости и т. п.). Ибо начавшись однажды, движение за изменение собственной жизни к лучшему будет генерировать социальную энергию в течение многих десятилетий. А если соединяются усилия населения и государства, то в результате синергии успех может стать ошеломляющим. Именно так случилось в Китае, Индии и целом ряде других развивающихся стран.

В богатых обществах при всех их преимуществах в культуре, образовании и квалификации этот источник развития уже давно иссяк. Мотивация к более упорной работе не уменьшается только у некоторых групп иммигрантов, борющихся за свое положение (и, кстати сказать, в США именно это во многом поддерживает динамичность экономики).

А с учетом старения населения возможностей для быстрого развития становится еще меньше. Необходимо отметить, что *среди причин ослабления экономической мощи Запада, конечно, важнейшее место занимает сокращение прироста населения (или даже уменьшение численности населения) при одновременном его старении*. Это ведет к сокращению количества работоспособных людей и росту числа пенсионеров[3]. В то же время именно глобализация сделала востребованным (к сожалению, не полностью) основной ресурс бедных стран – рабочую силу. Причем ценность данного ресурса, по-видимому, в ближайшие десятилетия будет расти, хотя многим развивающимся странам, таким как Индия и особенно ряд африканских государств, будет очень нелегко найти применение десяткам миллионов молодых рабочих рук.

Открытость экономических границ создает ситуацию, когда фактически начинает действовать закон сообщающихся сосудов мировой экономики. А указанный расклад внутренних стимулов к росту и различия в демографических ресурсах во многом определяют работу системы сообщающихся сосудов. Капитал и производственные мощности развитых стран с целью удешевления производства и сокращения расходов перемещаются в развивающиеся страны, где есть сотни миллионов молодых людей, ищущих работу. Вместе с этим и мотор мирового экономического роста перемещается из центра на периферию. В итоге роль развивающихся стран в мировой экономике (особенно в создании ее прироста) увеличивается, и разница в уровнях развития уменьшается, хотя пока еще остается очень большой.

Таким образом, к настоящему моменту глобализация в целом оказалась полезна развивающимся странам, вопреки утверждениям о том, что она лишь увеличивает их отставание от развитых [см., например: Стиглиц 2003]. Несмотря на многие верные замечания критиков глобализации, тем не менее отметим, что правда оказалась на стороне Джагдиша Бхагвати [2005], вставшего на защиту глобализации. И пока не наблюдается причин, по которым тенденция к более быстрому росту периферийных стран должна ослабеть.

---

[3] Отметим, что США имеют в этом плане еще некоторые преимущества перед Европой и Японией за счет более высокой рождаемости и большой иммиграции, что в значительной мере определяет высокий динамизм американской экономики по сравнению с европейской.

А могло ли быть по-другому? Нередко бывает, что логика процесса длительное время непонятна, противоречива, внимание привлекают именно те стороны и черты, которые позже исчезают, а самые важные характеристики остаются некоторое время неочевидными. Только позже становится ясно, что процесс просто не мог бы происходить в иных условиях. Так случилось и с глобализацией. Рассмотрим, могло ли развитие глобализации привести в принципе к другому результату.

Углубление и расширение экономических связей в мире длительное время (особенно в период господства колониализма и неоколониализма, фактически до 1980-х гг.) происходило благодаря превращению многих экономик в сырьевые или аграрные придатки развитых государств[4]. Поэтому многие, подобно И. Валлерстайну, считали, что центр (Запад) может существовать, только постоянно эксплуатируя периферию и навязывая подчиненным странам экономическую специализацию, которая сохраняет лидерство развитых стран [Валлерстайн 2001]. Начавшуюся глобализацию также длительное время идеологически удобно было приравнивать к модернизированному неоколониализму, утверждая, что она или консервирует, или даже будет углублять неравенство в уровнях экономического развития мира. В какой-то степени для этого имелись основания. Однако в итоге логика процесса оказалась совершенно иной. Почему? Дело в том, что глобализация не просто увеличивает число экономических связей, она также колоссально расширяет экономическое пространство мира. А это означает постоянное изменение международного разделения труда. Реально это могло произойти только за счет того, что развитые страны, сосредоточившись на развитии новых отраслей, должны были передать технологии предыдущих поколений более отсталым странам. Здесь необходимо также учитывать исчерпание собственных трудовых ресурсов в развитых странах (где уже начали задействовать миллионы иммигрантов) и изобилия таких ресурсов в развивающихся странах. Следовательно, глобализация объективно вынуждала страны, развивающие постиндустриальную экономику, которым уже трудно поддерживать все сектора хозяйства, переносить индустриальное производство в слабо индустриализированные регионы[5]. В результате такой диффузии, колоссально облегченной открытием границ для капиталов, и произошла передача части мощи от центра к периферии. Разумеется, развивающимся государствам удалось немало сделать в плане индустриализации и за счет собственных усилий.

Причины изменения экономического баланса сил в мире. Суммируем причины, которые показывают, что по-другому процесс экономической глобализации вряд ли мог происходить.

1. *Для развития новейших технологий было необходимо удешевление технологий прежнего поколения.* Переход экономик Запада к новым технологиям, свя-

[4] Но даже и такое развитие было трудно переоценить с точки зрения возможностей прогресса бедных стран.

[5] Подобные процессы способствовали развитию и в предшествующее столетие, хотя прямой перенос предприятий не был широко распространен. По типу похожими были процессы сокращения сельскохозяйственного производства в странах Европы и бурного его роста в других государствах. В Европе в последней трети XIX – начале XX в. за счет роста урбанизации доля сельского хозяйства сократилась, но в то же время потребности в продовольствии возросли. Это привело к быстрому развитию товарного сельского хозяйства (и в целом экономики) на периферии (в Австралии, России, Индии, Аргентине, на западе США).

занным с появлением высококвалифицированных услуг, в условиях ограниченности и дороговизны их трудовых ресурсов (а также требований к экологии) обусловил перенос старых производств на периферию. Вместе с переносом производств начался и подъем стран Азии.

2. *Для функционирования перенесенной промышленности требовалось повысить уровень принимающих стран.* Развивающиеся страны становились площадками для производства (цехами по сборке, первичной переработке и т. п.). Но такие площадки могли функционировать только при наличии минимума инфраструктуры, финансового сектора, определенной квалификации работников (ликвидации неграмотности, росте высшего образования) и т. п. Развития всего этого от принимающих стран настойчиво требовали и добивались.

3. *Перенос производств запустил мощнейший источник роста.* Он задействовал в ряде бедных стран два их важнейших преимущества: огромные трудовые ресурсы и их дешевизну. В итоге эти государства не просто стали производить в большом объеме дешевые товары, в них начались индустриализация и модернизация. А эти процессы десятилетиями (за счет оттока сельского населения в города) генерируют экономический рост и подъем благосостояния.

4. *Именно незыблемые принципы глобализации привели Запад к деиндустриализации.* Принципы глобализации: свобода торговли и перемещения капитала с учетом преимуществ численности и дешевизны рабочей силы развивающихся стран – сделали процесс перевода производства в эти регионы неизбежным.

5. *Запад и Япония сами передали технологии модернизации развивающимся странам*. Для поддержания роли лидера западные страны активно учили развивающиеся, что нужно делать, требовали и настаивали, чтобы они модернизировались, разрабатывали стратегии такой модернизации, посредством международных центров оказывали в этом определенную помощь. В ряде случаев такие призывы совпали с желаниями и усилиями местной элиты и увенчались успехом. Многому способствовали и собственные усилия по развитию производства. Успех Японии, а затем и «азиатских тигров» создал эффективную модель догоняющего развития, основанную на быстром развитии экспортного сектора, которая стала распространяться.

6. *Дешевые товары победили промышленность Запада.* Расширение импорта дешевых товаров в страны Запада сделало процесс переноса производств в бедные страны неудержимым. Западные производители не могли конкурировать с низкими ценами и не готовы были платить больше для поддержки своей промышленности.

Кто попал в «западню глобализации»? Итак, подведем итоги. Перенос производств в развивающиеся страны создал условия, при которых они стали расти быстрее развитых. Это неудивительно, если учесть, что мощности и капиталы в течение десятилетий выводились из экономик развитых стран, а в развивающиеся – поступали. Этому также способствовала активная политика элиты развивающихся стран по привлечению инвестиций и технологий в собственные страны, преодолению препятствий на этом пути. Для примера можно сравнить экономический рост Мексики и США. Перенос производств из вторых в первую, начавшийся в 1980-х гг. и особенно усилившийся в результате образования

Североамериканской зоны свободной торговли НАФТА в 1994 г., привел к тому, что с 1986 по 2011 г. ВВП Мексики вырос почти в 9 раз (со 129,4 млрд долларов до 1153,3 млрд долларов), а ВВП США – только в 3,4 раза (соответственно с 4 425 млрд до 14 991 млрд). Между тем Мексика обладает далеко не самой быстро растущей экономикой (и в 1980–1990-х гг. ее экономика и финансы испытывали сильные потрясения). Малайзия за эти годы нарастила свой ВВП в 9,3 раза. Бразилия, также активно ввозившая капитал и мощности в страну, с 1986 по 2011 г. увеличила ВВП в 9,2 раза, а если учитывать показатели с 1983 г., – в 12 раз. Индонезия за период с 1986 по 2011 г. увеличила ВВП в 10,5 раз. Индия с 1991 г., то есть с момента открытия экономики для ввоза иностранного капитала, за 20 лет к 2011 г. увеличила свой ВВП почти в 7 раз (с 1983 г. – в 8,5 раз). Ну и наконец, лидирующий Китай, который с 1986 по 2011 г. увеличил ВВП почти в 25 (!) раз (с 297,8 до 7318 млрд долларов). Все эти цифры не могут не впечатлять. Для сравнения скажем, что ВВП Германии увеличился с 1986 по 2011 г. только в 3,5 раза (и это с учетом присоединения ГДР), Франции – в 3,6, Англии – в 4,3[6]. В годы же кризиса (2008–2012 гг.) рост ВВП развивающихся стран стал еще более наглядно опережать ВВП развитых (для которых теперь 2 % в год – успех).

Развитые страны могли сохранить разрыв только путем запрета на перемещение капиталов, производств и технологий, проводя политику высоких импортных барьеров, закрывая свой рынок для чужих промышленных товаров. Но после десятилетий убеждений в святости свободы предпринимательства и свободной торговли, образования ВТО закрываться пошлинами было уже невозможно. А главное – собственный потребитель отдавал предпочтение чужим, но более дешевым товарам (сначала японским, затем корейским и тайваньским, позже – китайским и мексиканским, теперь бангладешским, вьетнамским и т. п.). Невозможно было желать дешевого ширпотреба и не поддерживать чужих производителей.

Словом, имел место определенный парадокс развития. Долгое время США были активнейшим проводником идеологии свободной торговли, честной конкуренции и инициатором создания соответствующих международных организаций (они постоянно давили на таких своих партнеров, как Япония, которые пытались не допустить на собственные рынки те или иные импортные товары). Тогда это было выгодно США. Но именно жесткие правила, запрещающие ставить преграды на пути дешевого импорта, стали основой для рационализации технологического процесса и вывода производства из Европы и Америки в Мексику, Китай и другие страны. Поведение западных корпораций в этом отношении было логичным, но в результате периферии вместе с промышленностью была передана и часть мощи Запада.

В итоге деиндустриализации Запада развивающиеся страны в целом выиграли, а развитые попали в ловушку низких темпов роста. Процесс деиндустриализации и его последствия хорошо описали Г.-П. Мартин и Х. Шуманн [2001], увидевшие в нем глобальную «западню» для Европы и Америки. Но этих авторов главным образом волновал вопрос сокращения рабочих мест и распределения бо-

[6] Все расчеты сделаны по данным: World Bank 2013.

гатств, глобального же изменения баланса сил в мире они не заметили, поскольку считали, что глобализация негативно влияет на все страны мира.

Именно западные корпорации «оплодотворили» мексиканскую, китайскую и индийскую, а равно и целый ряд других экономик. Политика западных стран вкупе с изменением демографической ситуации (старение населения на Западе и молодежный демографический дивиденд на Востоке) еще более усилила эти процессы. Разумеется, если бы западные лидеры конца 1980-х и 1990-х гг. полностью осознавали последствия деиндустриализации, вероятно, они бы что-нибудь сделали для замедления этого процесса[7], но вряд ли смогли бы предотвратить его полностью, учитывая мощнейшее влияние как потребителей (электората), так и финансово-промышленной верхушки. Это было не только экономической, но и так называемой исторической необходимостью. Политика ряда развивающихся стран, напротив, оказалась удачной в смысле поддержки индустриализации и ускоренного развития этих стран. Но без благоприятного потока капитала и технологий из развитых экономик их успех был бы крайне ограничен. Реформы удаются (при прочих равных условиях), когда для них есть благоприятные обстоятельства.

Таким образом, решающую роль в ослаблении экономических позиций Запада и США в частности и одновременно в укреплении и подъеме стран Азии и Латинской Америки сыграла именно глобализация, шире – глубинная необходимость в выравнивании уровней экономического и культурного развития. Этот процесс продолжится еще более быстрыми темпами. Согласно многим прогнозам, на базе роста промышленности, урбанизации и государственных программ в развивающихся странах в ближайшие десятилетия будут сокращаться бедность и нищета (по некоторым расчетам, вдвое до 2030 г. [см.: NIC 2012: 8]), ликвидируются наиболее одиозные формы эксплуатации, уменьшится неграмотность и бесправие женщин[8]. В целом это несколько уменьшит разрыв в уровнях жизни наиболее богатых и многих бедных стран. В мире будет также увеличиваться группа среднеразвитых стран. Такой процесс может напоминать выравнивание уровня жизни между разными слоями в современных развитых странах в течение первых двух третей XX в. и активное формирование в них среднего класса.

III. Выравнивание уровней развития как условие нового технологического рывка

Среди ряда исследователей, которые изучают возможности технологического развития мира в ближайшие десятилетия, распространено мнение, что возможности технологического уклада, связанного с внедрением информационно-компьютерной технологий, уже в значительной мере себя исчерпали, а новый технологический рывок, который должен быть основан на развитии био- и нанотехнологий, запаздывает. Высказываются мнения о наступлении периода так называемой технологической паузы [см., например: Полтерович 2009]. С нашей

[7] Сегодня США даже пытаются что-то сделать в этом отношении, президент Обама открыто выражает радость, что часть производств снова вернулась в США.

[8] Хотя в абсолютных цифрах количество бедных и неграмотных все еще останется большим. Следует иметь в виду, что уменьшение бедности произойдет и по причине снижения рождаемости.

точки зрения, эта задержка не случайна. *Для нового технологического рывка необходимо сближение уровней развития.* По нашим предположениям, он может начаться только в 2030–2040-х гг., поскольку для этого требуются не только технологические, но особые социальные, политические и иные условия. В частности, по нашему мнению, новый крупный технологический рывок невозможен без дальнейшего сближения уровней развития стран в мире. Отметим, что речь идет именно о масштабном технологическом перевороте, фактически о производственной революции, которая в конечном счете изменит все сферы производства и социальную структуру общества [подробнее см.: Гринин 2013]. О революции, подобной той, что началась в 1950-х гг., и которая в 1980–1990-х гг. изменила с помощью ИКТ производство, финансовую систему и быт. Ограниченные технологические изменения, какими бы важными они ни были, не могут коренным образом изменить сложившуюся экономическую модель. В этой связи надежды, которые высказываются в связи с успехами в развитии технологии добычи сланцевого газа и нефти в США, равно как и «зеленой энергетики», явно преувеличены[9].

Выравнивание будет наблюдаться и в группе развивающихся стран. Можно смело утверждать, что глобализация начнет процесс выравнивания и среди развивающихся стран. Он будет заключаться в том, что время от времени вперед по темпам развития будут выходить новые государства, в том числе африканские, ныне бедные и отсталые. Таким образом, нас ждут еще несколько волн подъема периферийных стран, при этом темпы роста нынешних лидеров (Китая и Индии) будут замедляться[10]. Сегодня отмечают хорошие перспективы роста большой группы развивающихся стран, в числе которых Вьетнам, Бангладеш, Турция, Индонезия, Нигерия, Малайзия и др. (которые уже активно отбирают у Китая иностранные инвестиции и долю экспорта). Группа развивающихся стран, достигших 3–10 и более тыс. долларов на душу населения, будет постоянно расти.

Дивергенция и конвергенция в мире. Таким образом, в ближайшие два десятилетия процессы конвергенции в целом будут преобладать над процессами дивергенции (хотя в рамках отдельных групп стран дивергенция будет значительной). Однако затем ситуация может измениться. По нашим предположениям, новый этап производственной революции, который будет связан с открытиями в медицине и биотехнологиях, может начаться в 2030–2040-х гг., а широкое влияние на структуру экономики эти новые технологии окажут на полтора-два десятилетия позже [см.: Гринин 2013]. В связи с новой волной производственной революции процессы дивергенции, скорее всего, вновь усилятся именно на базе ускорения научно-технического прогресса. *То есть конвергенция нужна для того,*

[9] Это может дать некоторый импульс американской экономике, возможно, позволит сократить дефицит платежного баланса американской внешней торговли и несколько притормозить рост государственного долга. Но это не может радикально изменить ситуацию. Кроме того, чем шире будет развиваться такая добыча, тем серьезнее начнут сказываться связанные с ней экологические проблемы. То же касается и «зеленой энергетики». Хотя доля электроэнергии, произведенной с ее помощью, растет, а прирост в некоторых странах в иные годы может достигать и 50 % (так было в США в 2012 г.), в целом возможности подобного роста ограничены. Ее развитие очень важно, однако она не сможет в обозримом будущем заменить традиционную энергетику, не говоря уже о проблемах, связанных с ее ростом (усиление помех для радиосигналов, гибель птиц, отчуждение множества земельных участков и т. п.).

[10] У Китая, в частности, из-за демографических проблем.

чтобы возникли условия для технологического рывка, но в процессе рывка временно опять усилится дивергенция. Тогда у западных стран и США, если они к этому времени не потеряют технологическое лидерство, будет шанс вновь увеличить отрыв от стран периферии. Таким образом, то, что сегодня позиции Запада ослабевают и будут слабеть еще какое-то время, не означает, что Запад вовсе не может ничего сделать для удержания своего лидерства. В частности, помимо неустанного наращивания усилий по развитию технологий западные лидеры должны стремиться к консолидации своих действий. Например, объединение ЕС и США в новый единый рынок, о котором иногда говорят, было бы важным шагом в этом направлении.

IV. Мир без абсолютного лидера

Сможет ли кто-нибудь заменить США? Развитие указанных трендов, связанных с ослаблением США и других стран Запада, возрастающим значением многих развивающихся стран и постепенным сближением уровней развития центра и периферии, означает в планетарном масштабе не просто серьезные перемены, а коренное изменение всей структуры мирового экономического и политического порядка, в целом сложную реконфигурацию мира.

Но каким образом будет происходить реконфигурация? Прежде всего укажем, что хотя США ослабят свои позиции, в новом мире никто не сможет стать абсолютным лидером. Исходить из того, что место США займет другое государство (чаще всего называется Китай), означает глубоко заблуждаться. Сегодня Соединенные Штаты сосредоточивают в *себе сразу политическое, военное, финансовое, валютное, экономическое, технологическое, идеологическое и даже культурное лидерство*. Между тем в мире нет – и в обозримом будущем не предвидится их появления – ни одной страны и даже группы государств, которые смогли бы соединить в себе несколько аспектов лидерства. Кроме того, ни Китай, ни Индия, ни кто-либо еще не сможет взвалить на себя столь тяжелое бремя ни по экономическим возможностям, ни по политическим рискам (хотя бы из-за проблемы бедности населения и его возможного недовольства социальным неблагополучием), ни по причине отсутствия опыта и нужных союзов, а также идеологической слабости.

Какой мир нас ждет? *Можно выделить три характеристики мира, который ожидает нас в ближайшем будущем: изменчивость правил и подвижность структур мировой системы, активизация борьбы за союзников, сокращение суверенитета стран.* Отсутствие сильного абсолютного лидера приведет к росту подвижности мировой системы в поисках новых политических оснований. На страницах данного журнала мной по этому поводу было сказано следующее: «В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что я назвал *эпохой новых коалиций.* ...В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Но в конце концов постепенно

некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы» [Гринин 2009: 139; 2013].

Таким образом, в ближайшие десятилетия в мире возникнет целый ряд лидирующих в разных отношениях стран и образований, при этом могут выиграть те, кто будет проводить наиболее активную политику по блокированию и вхождению в новые союзы, кто сможет обзавестись максимальным количеством партнеров в разных сферах. Влияние страны будет увеличиваться, условно говоря, путем «зарабатывания» очков за счет участия в тех или иных союзах и блоках[11]. Для наиболее крупных игроков также будет характерно противоборство в попытках повлиять на переустройство международной системы (которая, по-видимому, временно станет более подвижной, чем сегодня).

Следовательно, мы будем жить в мире, где усилится поиск союзников и союзов, вероятно, в определенных отношениях и соперничество, но в то же время начнут зарождаться некоторые институциональные факторы нового мирового порядка, требующего большей стабильности. Естественно, предугадать различные комбинации будущих союзов практически невозможно. Но отдельные предположения высказать можно. Так, мы полагаем, что всякого рода идеи о господстве союза Индии и Китая – химеры. В то же время картина, где США и Запад лавируют между союзами с Индией, или Китаем, или иными крупными развивающимися державами и блоками, выглядит более реалистичной. Собственно, уже в течение некоторого времени мы наблюдаем активизацию внешней политики США, направленную на сдерживание влияния Китая (за счет попыток усилить контакты с Индией и другими азиатскими и тихоокеанскими державами).

Все вышеописанные процессы также приведут к определенной трансформации национального суверенитета, который в целом будет ослабевать за счет явного или неявного, вынужденного или добровольного делегирования части суверенных прерогатив различным межгосударственным, наднациональным и мировым образованиям и договоренностям [см. подробнее: Он же 2008].

Ослабление суверенности может сочетаться также с тем, что в некоторых развивающихся странах, где будут набирать обороты процессы индустриализации, вырастет и национальное самосознание, а вместе с ним и настроения национализма [Там же]. В ближайшие десятилетия глубина экономических связей серьезно увеличится, это окажет мощное влияние на те развивающиеся страны (особенно в Африке), большинство населения которых по-настоящему пока ее еще не чувствует. В результате может обостриться борьба традиционализма и глобализации. При этом временами в отдельных местах могут усиливаться конфликты или нестабильность, а целые регионы, возможно, столкнутся с крупными общественными потрясениями (как мы наблюдали это в случае «арабской весны»).

[11] В том числе и за счет образования все новых союзов. Появление БРИК и позже БРИКС в качестве реальных союзов из чистой экономической абстракции и комбинаторики – достаточно яркий пример таких химерических образований (то есть не имеющих реальных географических, исторических, культурных или цивилизационных оснований) из сиюминутных, пропагандистских или кажущихся выгод.

Новая геополитика и завершение эпохи устойчивых политических блоков. В течение многих десятилетий политические союзы в большинстве случаев определялись угрозой войны и соответственно выбором возможных союзников. Поэтому политические союзы очень часто были военно-политическими. В современном мире угроза крупномасштабной войны сократилась, зато значительно возросла экономическая зависимость стран друг от друга, которая будет только увеличиваться. Это позволяет заявить, что прежняя геополитика постепенно, порой незаметно, но вполне реально уступает место новой геополитике, связанной с необходимостью обеспечить наилучшие условия для экономического развития государства или союза. Черты этой новой геополитики, сегодня еще нечеткие, в ближайшие десятилетия станут более ясными. Укажем на некоторые из них.

Эпоха твердых альянсов и союзнической верности, приверженность которым явно ослабла, видимо, уходит (характерный пример – отказ Вашингтона в поддержке Пакистана и его союз с враждебной Пакистану Индией). Выбор союзников, партнеров и блоков будет все заметнее обусловливаться достаточно скоротечными обстоятельствами и быстро меняющимися интересами.

Государства будут искать не постоянных союзников, которым нужно быть верными вопреки всему, а временных «попутчиков» на самые разные случаи, в одно и то же время договариваясь по различному спектру проблем с массой партнеров (то есть восторжествует принцип бизнеса – иметь как можно больше контрагентов). Уже сегодня многих беспокоит будущее международной системы, если она будет базироваться не на правилах, а только на интересах [см.: NIC 2012].

Экономические интересы будут более ярко выражены во внешнеполитической линии. Следовательно, экономические интересы одних стран могут стать постоянными, а политические – значительно подстраиваться под них. Политические и геополитические принципы и интересы других государств (особенно крупных) никогда не растворятся в экономических аспектах. Но в этом случае разные векторы внешней политики могут оказаться как бы разведенными, то есть политические и экономические аспекты внешней политики будут существовать более обособленно друг от друга. И политика, следовательно, станет еще более прагматичной, чем сегодня[12].

Эпоха, при которой создание определенных блоков в экономике во многом определялось какой-либо близостью (цивилизационной, идеологической, военно-политической и т. п.), явно уходит. Сегодня мы видим усиление тенденции к тому, что тесные связи в экономике совсем не означают каких-либо партнерских отношений в политике или идеологии, хотя они могут сдерживать опасность нарастания конфликтов.

Рассмотрим это на примере Китая. Его политическое влияние возрастает. За счет чего это происходит? Китай вынужден вступать в различные союзы либо устанавливать с ними особые отношения (как в АСЕАН), стремясь играть там

[12] При этом еще быстрее, чем прежде, будут забываться как вражда, так и дружба (один из показательных примеров – Вьетнам и Америка, которые, забыв антагонизм, активно развивают свои отношения).

важную роль либо инициировать, активно поддерживать те или иные новые экономические соглашения (вроде свободной торговли между Кореей, Японией и Китаем). Китай также активизирует продвижение юаня (недавно подписаны договоры с Бразилией и Австралией), но для этого он должен активизировать свои соглашения с множеством стран, одновременно получая и предоставляя уступки (так, у Китая имеется крупный дефицит торгового баланса со странами АСЕАН). Но как бы активно он ни проводил свою экономическую политику, как бы ни увеличивал объем торговли с соседями, это нисколько не ослабило его политических (и территориальных) противоречий с Тайванем, Японией, Вьетнамом, Индией и т. д. Другой пример. «Заигрывания» США с Индией в области разрешения последней иметь ядерное оружие также не означают, что между двумя государствами обязательными становятся прочные союзнические отношения.

Словом, поведение в политике значительно приблизится к стратегиям бизнеса, где твердость принципов всегда очень зыбка.

Но именно на этой почве подвижности могут формироваться принципы нового мирового порядка.

Заключение

Мировое сетевое общество? Во времена, когда экономические связи между странами и регионами были не столь глубокими и неразрывными, для развития глобализации требовалась военная и политическая гегемония, в большей или меньшей степени опиравшаяся на технологическое превосходство определенных держав. В настоящий момент глубина экономических связей стала беспрецедентной, и, как уже сказано, это ослабляет потребность в политической и военной гегемонии в ее прежнем смысле, что приведет к большему прагматизму во внешней политике.

Эти же причины повлияют на процесс некоторого сдвига в сторону формирования мирового сетевого общества (от сегодняшней иерархической структуры), в котором, помимо государств и блоков, активное участие будут принимать также неправительственные организации и многие другие акторы. Этот процесс можно рассматривать и как один из аспектов выравнивания уровней (возможно, что это будет способствовать созданию новой базы отношений, при наличии которой в будущем могут появиться условия для формирования некоего координационного мирового центра).

Движению в сторону сетевого общества будет способствовать процесс увеличения мирового среднего класса, своего рода мирового гражданства [NIC 2012: 8–9], которое в ряде азиатских стран, по данным Азиатского банка развития, будет расти до 9 % в год. А в целом мировой средний класс даже по консервативным моделям до 2030 г. может увеличиться вдвое: с 1 до 2 млрд человек. Можно согласиться, что это крайне важный и, возможно, в ближайшие два десятилетия ключевой мегатренд [*Ibid.*: 4]. Мысль о том, что средний класс различных стран в итоге будет составлять прообраз некоего мирового гражданства (что дает надежду на появление некоей основы экономического и в некотором роде политического, а также культурного единства мира), представляется весьма интересной и продуктивной. Подобно тому как интеллигенция в отдельных странах в XIX в.

стала составлять определенное единство в Европе и позже во всем мире, тем самым прокладывая дорогу общечеловеческим идеям и ценностям (принятым теперь и на уровне деклараций ООН), мировой средний класс может создать новые возможности для глобализации. Возможно, за счет этого она обретет уже новые, более зрелые черты, двигаясь в направлении политической глобализации мира, очертания которой еще неясны.

Литература

Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Территория будущего, 2006.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М. : Прогресс, 1987–1992.

Бхагвати Д. В защиту глобализации. М. : Ладомир, 2005.

Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2003.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97.

Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

Гринин Л. Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. 2012а. № 2. С. 43–61.

Гринин Л. Е. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего) // История и современность. 2012б. № 2. С. 3–27.

Гринин Л. Е. Динамика кондратьевских волн в свете теории производственных революций // Кондратьевские волны: палитра взглядов / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград : Учитель, 2013.

Капхен Ч. Закат Америки. Уже скоро. М. : АСТ, Люкс, 2004.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М. : Ладомир, 2002.

Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. М. : Альпина, 2001.

Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. 2005. № 3–4. С. 62–82; 124–141.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. М. : Прогресс, 1977.

Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 4–23.

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.

Тодд Э. После империи. Pax Americana – Начало конца. М. : Международные отношения, 2004.

Франк А. Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» // Цивилизации. Вып. 5. Проблемы глобалистики и глобальной истории / под ред. А. О. Чубарьяна. М. : Наука, 2002. С. 192–203.

Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers 1500–2000. New York : Random House, 1987.

Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. New York : Twentieth Century Fund, 1968. (Русский сокращенный перевод: Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М. : Прогресс, 1972.)

NIC 2012 – National Intelligence Council. 2012. Global Trends 2030: Alternative Worlds [Электронный ресурс]. URL: www.dni.gov/nic/globaltrends

Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World. New York; London, 2003.

World Bank 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/countries

ПРОЛОГ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ИМПЕРСКИЙ ВАРИАНТ, XIII в.

Самбалхундэв Х.-Э.
к. соц. н., профессор научно-исследовательского института истории Университета обороны Монголии.

Сандаг Э. В.
к. ф. н., доцент кафедры философии Кемеровского государственного университета.

Красиков В. И.
д. ф. н., профессор кафедры философии Кемеровского государственного университета.
E-mail: krasikov@kemcity.ru

Статья посвящена раскрытию и аргументации тезиса о том, что империя Чингисхана стала одной из первых форм евразийской глобализации: были сломаны барьеры между странами и цивилизациями, открыт путь потокам товаров и идей в едином международном сухопутном комплексе. В результате его походов сложилась первая в истории глобальная средневековая Мир-система, объединившая пять независимых ядер (региональных мир-империй): Западную Европу, арабский мир, зону Индийского океана, Китай и Великую степь. В статье рассматриваются те новые идеи и социальные формы, которые способствовали успеху великого завоевателя, равно как и сопутствующие насильственной «глобализации» негативные издержки.

Ключевые слова: *имперская глобализация и ее основные проявления, Чингисхан, номады, особенности военной и государственной организации, личные качества.*

The article reveals and argues the hypothesis that the empire of Genghis Khan was one of the first forms of Eurasian globalization: barriers between countries and civilization were broken, doors for goods and ideas in the single international overland system were opened. His campaigns led to formation of the first global medieval world-system which integrated five independent cores (regional world-empires): Western Europe, the Arab world, the Indian Ocean zone, China and the Central Highlands. New ideas and social forms that favored the success of the great conqueror as well as side effects of violent "globalization" are considered in the article.

Keywords: *empirial globalization and its main manifestations, Genghis Khan, nomads, peculiarities of military and state organizations, personal characteristics.*

Чингисхан (Тэмуджин, Темучин) (ок. 1155–1227) – основатель и хан Монгольской империи (с 1206), «человек II тысячелетия», по версии газеты Washington Post (декабрь 1995).

Великий монгольский завоеватель, вольно или невольно, стал ключевой фигурой в истории глобализации на заре ее становления [см.: Крадин 2006; Мэн 2006]. Созданием Pax Mongolica были сломаны барьеры между странами и цивилизациями, открыт путь потокам товаров и идей в едином международном сухопутном комплексе. В итоге его походов сложилась первая в истории глобальная средневековая Мир-система, объединившая пять независимых ядер (региональных мир-империй): Западную Европу, арабский мир, зону Индийского океана, Китай и Великую степь. Произошло не только складывание безопасной торговли и культурных коммуникаций от Китая до Европы и Египта благодаря сетям караван-сараев и почтовых станций, но и был осуществлен межцивилизационный транзит высоких технологий: европейцы познакомились с порохом, компасом, книгопечатанием, перегонкой спирта. Благодаря своей религиозной толерантности Чингисхан способствовал распространению и взаимопроникновению различных религий. Сам поклонявшийся Вечному Голубому Небу, он не навязывал свою веру подданным, среди которых встречались и христиане-несториане, и буддисты, и мусульмане. Более того, служители любого культа освобождались от всех повинностей. Произошло визуальное расширение горизонтов Евразии и развитие картографии, усилилось межъязыковое взаимодействие, развитие переводческих практик и многоязычных словарей в условиях многонациональной Монгольской империи.

И, может быть, наиболее впечатляющий результат «первой глобализации», ставший известным буквально недавно, – это мощный генетический «посев» завоевателя. Одна и та же генетическая структура (некий «монгольский ген») с незначительными местными отклонениями отмечалась у шестнадцати групп населения, разбросанных по всему пространству от Прикаспия до Тихого океана. Она составляет 8 %, или примерно 16 млн человек, которые происходят от одного (нескольких) человека.

Позитивное в истории идет, однако, рука об руку с негативными последствиями. Монгольские завоевания привели к уничтожению многих народов и цивилизаций, и этому не может быть никаких оправданий. Но и само единство, устойчивое взаимодействие в рамках первой глобальной системы имели и первые глобальные следствия – молниеносное гибельное распространение в это время бубонной чумы, унесшей 1/4 населения Европы и 1/3 жителей Китая.

Монголы завоевали 1/5 суши планеты благодаря ряду как природных особенностей номадов, так и технологических и тактических новаций своей военной машины [см.: The Mongols…]. Известно, что кочевники – природные воины, которые отличаются выносливостью, неприхотливостью, зоркостью и прекрасно ориентируются на местности, с детства умеют управлять лошадью и стрелять из лука. Кочевой образ жизни позволял им осуществлять крупномасштабное маневрирование большими по численности подразделениями, у них были отличные гонцы, превосходная глубокая и фланговая разведка. Однако помимо этих общих для всех номадов черт монголы ввели и новшества, позволившие им достичь существенных преимуществ перед большинством своих противников, которые давали осечку только в совсем уж непривычных для монголов условиях. Это передовая военная техника: самый мощный в эпоху Средневековья монгольский сложносоставной лук, продвинутая китайская осадная машинерия (башни, катапульты, пороховые снаряды, сосуды с нефтью, плотины для затопления, дымовые

завесы и т. п.). Но еще более важным условием эффективности монгольской военной машины были организационные ноу-хау: десятеричная система организации войск и круговая порука, дистанционный бой и ложное отступление, тотальная война и масштабное запугивание противника с целью подавления его боевого духа, использование для осадных работ и заградотрядов местного населения. Природная милитаризация номадов (каждый мужчина с детства – пастух, охотник, воин-всадник) позволяла монголам достигать невиданной для оседло-земледельческих сообществ мобилизационных возможностей в рекрутировании (общая численность войск Чингисхана перед походами в 1206 г. составляла более 140 тыс. при населении примерно 700 тыс.) и передвижениях, завоеваниях-переселениях народов. Сам хан отличался военными дарованиями, всегда лично вникал во все детали военных операций, снабжения и передвижения войск, имел подробные сведения о силах врагов и состоянии их земель.

Империя Чингисхана, или надплеменная конфедерация, возникла, как и ее предшественники и последователи, вследствие необходимости адаптации кочевников к внешнему оседло-земледельческому миру. Степень их централизации прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации, по отношению к которой кочевники всегда составляли «полупериферию». Потому в большинстве случаев административно-организационные достижения ими просто копировались у более развитых соседей, так же как культура и технология. Это привело впоследствии к закономерной ассимиляции варваров. В нашем же случае дело сначала обстояло несколько иным образом.

Все предшествующие правители степи имели лично преданных им сторонников, но только Чингисхан поставил многоплеменную преданную ему дружину над своей собственной семьей. Постоянные предательства родственников, особенно после смерти отца и в течение всей пятидесятилетней борьбы за власть в степи, приучили его опираться только на личную, дружескую преданность нукеров. Лично преданные ему воины, охрана (kesik), элитное воинское подразделение из отчаянных, умелых и смекалистых представителей самых разных народов и племен стали военно-организационным ядром империи, выполняли широкий круг обязанностей по содержанию ставки правителя и управлению империей.

Великий завоеватель утверждал наднациональный принцип также и в практике строительства армии, государства. Из военной истории известно, что несколько добровольческих русских, осетинских, кыпчакских и сборных мусульманских полков воевали на Кавказе, в Китае, во Вьетнаме и на острове Ява. В начале XIV в. императорский дворец в Хан-Балгасуне (Даду, Пекин) охраняла десятитысячная русская гвардия. Хотя хан и был лишен всякого образования, он выказывал понимание и уважение к знаниям: внедрял уйгурскую, затем китайскую письменность в управление империей и воспитание дворянской молодежи. Вокруг него и его преемника Угэдэя сформировалась группа высококлассных «спецов», причем немонголов: киданин Елюй Чуцай («Длинная борода»), бухарец Махмуд Ялвач (наместник в Средней Азии), чжурчжэнь Няньхэ Чу-шань, уйгур Коркуз, киреит Чжэньхай и др. Стоически принял Чингисхан философскую мудрость даосов о неумолимости смертного удела для всех без исключения людей.

Вместе с тем он так и не смог выйти за рамки архаичных степных обычаев, что особенно сильно проявилось после смерти завоевателя и возвращения всего

на круги своя. Профессиональной бюрократии здесь так и не возникло, социальная организация империи пронизывалась на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями, строилась по трайбалистским принципам (левое и правое крыло, центр). Империя считалась собственностью всего ханского рода, и еще при жизни повелителя его сыновьям были назначены уделы. Прогрессирующее размножение Чингизидов (уже во времена Джувейни уруг Чингисхана достигал 20 тыс. человек, а на хурилтае 1311 г. присутствовало 1400 Чингизидов, имевших ханские титулы) стало в итоге одной из важных причин неминуемого распада империи. Вместе с тем единство все же сохранялось еще в течение 40 лет после смерти «завоевателя вселенной», а господство его потомков в государствах, образовавшихся после распада империи, продолжалось еще около ста лет.

Вопрос о личности «человека тысячелетия» имеет принципиальное значение, так как именно в данном историческом случае личные качества правителя являлись важным структурным фактором возникновения Ёке Монгол улус. Его жизнеобразующей основой была ницшеанская воля к власти – умная, жестокая и несгибаемая, что определило автократический стиль правления, только и способный «железом и кровью» объединить степную вольницу, направив ее энергию на внешние завоевания. Это был «трикстер» – нарушитель вековых правил и обычаев, создавший новый образ жизни, победоносный военный стиль, которому спустя почти 200 лет неукоснительно следовал другой великий завоеватель – Тамерлан. Он был, по его же выражению, «человеком длинной воли», смыслообразование которого основано на страсти к приоритету и умению побеждать: «подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет».

Тэмуджина описывают как мужчину высокого роста, крепкого телосложения, с широким, открытым, властным лицом, обладавшего большой личной обаятельностью, или, как бы мы сказали сегодня, харизмой. Он был, как и многие из нас, человеком многогранным и противоречивым. Беспощаден к врагам, особенно предателям, но и сентиментален в отношении верных друзей молодости. Довольно подозрителен, особенно по отношению к своим родственникам по мужской линии, но и беспечен, что зачастую ему дорого стоило. Возмездие, месть – одни из главных пружин его биографии, вплетенной в историю Монголии: отравление его отца татарами, откочевка от его семьи родственников после смерти отца, похищение его молодой жены меркитами, измены родни, уничтожение военачальником хорезмшаха его торгового каравана и т. п. Однако известны его легендарная щедрость и уважение, оказываемое сильным и честным врагам, многие из которых превращались затем в его преданных и выдающихся военачальников.

Литература

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М. : Вост. лит-ра, 2006.

Мэн Д. Чингисхан. М. : Эксмо, 2006.

The Mongols in World History [Электронный ресурс]. URL: http://afe.easia.columbia.edu/mongols/index.html

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Маслов В. И.
к. э. н., доцент факультета глобальных процессов МГУ
имени М. В. Ломоносова.
E-mail: profmaslov@gmail.com

Переход к обществу знаний требует наличия творческих сотрудников, создающих новое и иное, а не просто улучшающих качество существующих продуктов. Формирование таких сотрудников предполагает иную систему образования. В школе и университете преподаватели призваны развивать творческие способности, учить не знать, а прежде всего понимать.

Современная система образования как в России, так и за рубежом не отвечает этим требованиям. В работе рассмотрены основные факторы, определяющие новые требования к образованию в России и мире. В конце работы обоснованы главные условия формирования новой системы образования; важнейшим из них является преодоление культурной и духовной деградации общества.

Ключевые слова: *инновационная экономика, интеллектуальные сотрудники, развитие творческих способностей, инновации, бесплатное образование, духовное возрождение.*

The transition to a new, innovative economy causes changes in the aim of production: nowadays it is required not to produce more goods and services while reducing their costs, but to create new, different goods and services. In the new circumstances the formation of a new type of education is needed. In schools and universities, above all, creativity, ability to think rather than memorize facts and figures should be taught. A truly modern education consists of three elements: formation of a creative person, training and upbringing. To meet current demands, education should be available to anyone, especially to the most talented individuals, rather than to the rich only. Therefore, a qualified education is becoming a top priority for the state. In my opinion in order to be available for every young talented and gifted person education should be free of charge. Only an educated and spiritually healthy population of the country can make a nation competitive in the era of globalization.

Keywords: *innovation economy, intellectual employees, formation of creativity, innovations, free education, spiritually healthy population.*

Развитие глобализации ведет к обострению конкуренции между производителями товаров и услуг как на национальном, так и на международном уровне.

В этих условиях для сохранения конкурентоспособности требуется творческий труд новаторов, создающих новое и иное, а не просто улучшающих качество существующих продуктов. Для этого необходимы новые стимулы – стимулы творческой самореализации личности. Сегодня необходимы не слепые исполнители приказов руководителя, как это было многие сотни лет, а творческие сотрудники, которые хотят и могут создавать новое. Формирование таких сотрудников предполагает иную систему образования. В школе и университете преподаватели призваны развивать творческие способности, учить не знать, а прежде всего понимать.

I. Система образования в современном мире

Образование играло важнейшую стратегическую роль уже в прошлом, XX в. После запуска Советским Союзом первого в мире спутника, а затем и космонавта в космос в 1960-х гг., адмирал США Х. Риковер отметил, что СССР угрожает США не оружием, но системой образования. Тогда проблему попробовали решить путем совершенствования системы образования в США, даже перевели ряд советских школьных учебников, в частности по математике, физике, химии. Впрочем, в странах Запада не удалось преодолеть практику упрощения образования, сведения его к научению решения фиксированного набора стандартных задач в узкой профессиональной области, то есть учили и учат знать, а не понимать. Билл Гейтс уже в наши дни открыто заявил, что американская школа рухнула именно потому, что ушла от классической **фундаментальной** системы образования.

Кроме того, в США и в большинстве стран мира господствовало и господствует разделение системы высшего образования на общедоступное и элитарное. Но классовый подход к образованию, когда в лучших университетах могут учиться не самые умные, а самые богатые, становится неприемлемым как экономически, так и политически. Это начинают признавать многие политики и руководители компаний в странах Запада. В итоге обострение конкуренции в эпоху глобализации заставило власти почти всех развитых стран расширять доступность высшего образования, в том числе и в элитарных университетах. Делается это разными способами. В странах с социальной (пока еще) моделью экономики (Германия, Франция) 80–90 % студентов учатся за счет бюджета. В странах с либеральной экономической моделью (Великобритания, США) доля бюджетных студентов составляет от 30 до 40 %. Но там применяется развитая система образовательного кредитования.

В этом году даже не самая богатая Турция, которая, впрочем, все активнее старается стать полноправным членом европейского сообщества, пошла на радикальное увеличение доступности высшего образования, сделав его совершенно бесплатным. В России же 2/3 студентов платят за обучение в вузе. Причем система образовательного кредитования развита очень слабо (можно сказать, отсутствует).

В советский период, по данным ООН, наша молодежь входила в тройку самых образованных поколений своего времени. Сегодня, по тем же данным ООН, мы находимся на 41-м месте. О качестве российского среднего образования можно судить по тому, что средние оценки выпускников школ по русскому языку,

математике, истории не превышают твердой тройки. При этом, как отмечает директор Центра исследований постиндустриального общества, доктор экономических наук В. Л. Иноземцев, развитие системы образования в нашей стране в последние 20 лет является аномальным. **Во-первых**, резко возросло число студентов (с 2,6 млн человек в 1993/94 учебном году до 7,4 млн в 2010/2011 г.) при сокращении численности школьников (с 21,1 млн человек до 13,2 млн за тот же период). В результате число поступающих в вузы достигает 90 % от числа выпускников школ, желающих учиться в вузах. Это более чем в 2 раза превышает средний показатель по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). **Во-вторых**, снизился пороговый уровень, свидетельствующий об освоении школьной программы, до 20 баллов из 100 по иностранному языку, 21 балла по математике и 36 баллов по русскому языку, как это было сделано Рособрнадзором в 2011 году. **В-третьих**, рост числа студентов в 3 раза и вузов в 2,2 раза (с 514 до 1114) за 1992–2010 гг. не обеспечен соответствующим увеличением профессорско-преподавательского корпуса: число преподавателей выросло с 220 тыс. до 342 тыс. человек, то есть на 55,4 %. В результате отношение числа преподавателей к числу студентов в России в 2,7 раза ниже, чем, например, в США. **В-четвертых**, профиль высшего образования не соответствует потребностям экономики: 45 % выпускников специализируются на общественных науках, предпринимательстве и праве против 36,2 % в США и 22,5 % в Германии. В итоге у нас менее 50 % выпускников вузов начинают работу по специальности (в США – 76 %) [Иноземцев 2011].

При увеличении числа студентов наблюдается падение уровня образования в вузах России. В результате сегодня российских университетов (кроме МГУ) нет ни в одной версии списка 100 лучших вузов мира. Замечу, что 30 университетов КНР в числе 100 лучших университетов мира. Если в 1991 г. ЮНЕСКО ставила советское высшее образование на третье место в мире, то к 2010 г. Россия опустилась в том же рейтинге на 29-е место.

На рейтинг университетов влияют многие факторы, в частности количество иностранных ученых и студентов. В настоящее время в России на постоянной основе работают менее 400 иностранных преподавателей и исследователей, а число иностранных студентов в наших вузах сократилось с 92 300 человек в 1990/1991 учебном году до 17 100 человек в 2009/2010 г., то есть в 5,4 раза.

Количество различных рейтингов увеличивается, и в настоящее время наиболее известными являются рейтинги QS-THES, Шанхайский, Webometrics, Рейтор. Эти рейтинги различны. Соответственно различные места занимают и университеты России.

В сентябре 2012 г. был опубликован новый рейтинг ста лучших мировых университетов по версии QS World University Rankings [QS… 2012].

Первое место в данном списке занял британский Кембридж (в 2009 г. он находился на второй строчке). Второе и третье места поделили между собой американские вузы – Гарвардский и Йельский университеты соответственно.

В топ-10 также вошли: Университетский колледж Лондона (Великобритания), Массачусетский технологический институт (США), Оксфордский университет (Великобритания), Имперский колледж Лондона (Великобритания), Чикагский университет (США), Калифорнийский технологический институт (США), Принстонский университет (США).

МГУ имени Ломоносова расположился на 116-м месте (112-е в 2011 г.), а Санкт-Петербургский государственный университет – на 253-м месте (251-е в 2011 г.). Зато явно демонстрирует свои успехи МГТУ имени Баумана, который вырос на 27 позиций и занял 352-е место в мире. Новосибирский госуниверситет занял 371-е место (400-е место в 2011 г.), МГИМО находится на 367-м месте (389-е в прошлом году), РУДН – на 537-м месте (600-е в 2011 г.), а Высшая школа экономики – на 542-м месте (ранее 564-е).

При составлении рейтинга университетов мира QS оценивает вузы по шести критериям (в порядке убывания значимости):

1) репутация в академической среде (это основной критерий);
2) отношение к выпускникам университета работодателей;
3) цитируемость публикаций сотрудников вуза;
4) соотношение числа преподавателей и студентов;
5) относительная численность в университете иностранных преподавателей;
6) отношение иностранных студентов ко всем учащимся.

В ходе подготовки рейтинга было опрошено более 46 тыс. академических экспертов, 25 тыс. работодателей и аудировано более 2,5 тыс. университетов. Всего в рейтинг попали 729 вузов.

Наиболее низкими показателями главного российского университета – МГУ – по сравнению с ведущими вузами мира являются значения параметров 2, 5 и 6. Фактически они в два и более раз меньше, чем у лидеров. В то же время такие параметры, как индекс цитирования и мнение академического сообщества, для МГУ попадают в верхний диапазон оценок [QS… 2012].

В отличие от рейтинга лучших вузов, в котором они оцениваются по многим параметрам, в репутационном рейтинге *Times* играет роль лишь один критерий – мнение ученых, обладающих большим авторитетом и заслугами в научной работе. Составители признают, что рейтинг субъективен, но заявляют, что никто не сможет лучше оценить репутацию университетов, чем ученые. Лидерство в рейтинге уже третий год удерживает Гарвардский университет, которому уступают Массачусетский технологический институт и Кембриджский университет. При этом университеты азиатских стран и Австралии увеличили свое присутствие в рейтинге.

Единственный российский вуз – МГУ имени М. В. Ломоносова – в рейтинге 2013 г. делит 50-е место с американским Университетом Пердью, уступая австралийскому Университету Сиднея.

В целом система образования в России и мире уже не отвечает потребностям нарождающегося общества знаний. Даже лучшие университеты должны изменить философию образования. Вузы призваны не только обучать, сообщая знания, но прежде всего давать образование (то есть воспитывать личность, формировать образ врача, юриста). Потребность изменений в образовании вызвана объективными факторами.

II. Факторы, определяющие современные требования к образованию

На современном этапе развития глобализации ясно определился переход к новой экономике, основанной на знаниях (knowledge based economy). Принципиально новым в условиях новой экономики является потеря доминирующей роли финансового капитала в создании богатства. Решающую роль стал играть интеллектуальный и социальный капитал. Для повышения интеллектуального уров-

ня населения необходимо изменить требования к образованию, которое в основном и формирует человеческий капитал. В новых условиях требуется образование нового типа. В школе и вузе должны учить прежде всего творческому подходу. По-настоящему современное образование включает три элемента: формирование творческой личности, обучение и воспитание. Только в этом случае в государственном аппарате и экономике все большую роль будут играть сотрудники нового типа: *интеллектуальные сотрудники* (intellectual employees). Это те сотрудники умственного труда, которые *могут и хотят* создавать новое (новаторы). Они не просто исполнители, а творцы. Сегодня качественное образование становится важнейшим приоритетом государства. Чтобы быть доступным всем способным молодым людям, образование должно быть, по убеждению автора этой статьи, бесплатным.

Каковы важнейшие факторы, определяющие современные требования к образованию? Прежде всего – переход к новому, шестому технологическому укладу. Приоритетами современного пятого технологического уклада были телекоммуникации, Интернет и электроника. Новый технологический уклад предполагает переход к биотехнологии, нанотехнологии, искусственному интеллекту, а также особую роль вложений в человека. Этот уклад предполагает систему образования нового уровня. Речь идет о новой фазе развития цивилизации – фазе информационной цивилизации. Главным становится создание и развитие системы накопления и трансляции в будущее информации, то есть **система образования**.

Российские ученые говорят об очень скором переходе мира к шестому технологическому укладу – в 2015–2020 гг. Это качественный скачок в развитии, который будет иметь серьезные последствия. Эффективность производства и производительность труда резко возрастут, столь же резко упадут потребности в сырье, энергии и рабочей силе. Миллионы людей, работающие в старых отраслях промышленности, станут ненужными. Именно образование призвано в этих условиях дать людям новые компетенции, которые будут востребованы в условиях шестого технологического уклада.

Вторым фактором, определяющим новые требования к образованию, является развитие инновационной экономики. Это экономика нового типа, которая отличается от традиционной последних 300 лет. В частности, меняется представление об экономических ресурсах.

Классическая экономическая теория считает ресурсами труд, капитал, землю и предпринимательство. В случае с инновационной экономикой ситуация иная. Речь идет не просто о труде, но о труде высококвалифицированных работников. Уже сегодня решающую роль в обществе и экономике играют сотрудники нового типа – интеллектуальные сотрудники (intellectual employees). Даже в лучших компаниях они составляют меньшинство (12–15 %), однако именно от их труда зависит не только конкурентоспособность, но само существование компаний в условиях глобализации. Сегодня ресурс инновационной экономики – **идея**. Думаю, идея – это главный ресурс. Труд и капитал в условиях инновационной экономики появляются только **после** того, как возникла идея. Так, сначала появилась идея мобильной связи, затем были основаны производства, воплотившие эту идею в реальные мобильные телефоны.

Главным условием развития инновационной экономики являются интеллектуальные ресурсы – система образования и научная база. Развитие личности (а не просто обучение, переобучение, повышение квалификации) провозглашалось высшей целью общества многими философами прошлого. В наши дни об этом говорят уже практики. «Только воспитание и разностороннее обучение в сочетании с формированием всесторонне развитой личности создают подлинный капитал нашего общества», – пишет Э. фон Кюнхайм, бывший президент автомобильного концерна BMW (Германия). И подчеркивает: только реализация этой триединой задачи позволит Германии в будущем удерживать позиции в группе ведущих индустриальных стран мира [Welt… 1996: 56].

В Германии пока так и не услышали призыва Эберхарда фон Кюнхайма. В стране продолжают недооценивать важности триединства «воспитание – обучение – формирование личности». В итоге качество подготовки выпускников немецких вузов уже сегодня не отвечает потребностям формирования инновационной экономики. Уровень подготовки в вузах Германии очень низок: по итогам международного исследования Pisa-Studien они занимают 32-е место в мире. В итоге руководитель немецкого отделения McKinsey Юрген Клюге вынужден с тревогой писать: «Положение в системе немецкого образования критическое. Даже если мы по мановению волшебной палочки уже завтра имели бы наилучшую в мире систему образования, потребовалось бы 20 лет для того, чтобы она принесла свой эффект. За эти годы молодой человек окончил бы свое школьное образование и получил специальность в вузе. Именно поэтому мы должны действовать быстро, поскольку отсталость системы образования Германии ведет нас к серьезному экономическому кризису» [Die Welt 2003]. Более подробно проблемы образования и современной экономики Ю. Клюге рассматривает в своей последней книге «Покончить с нищетой образования. Концепция оздоровления», которая вышла в Германии [Kluge 2003].

То же самое можно сказать о качестве образования в большинстве стран мира. Так что менять модель образования надо было… вчера. Впрочем, мир уже многие годы живет в условиях кризиса. Полагаю, что прежде всего это кризис управления, обусловленный тем, что объект управления (экономика) кардинально изменился, а методы воздействия на него (управление) остались прежними. Но чтобы менеджеры изменили подход к управлению, их надо этому обучить.

В качестве примера успешного развития новой модели образования можно назвать Китай. Именно уровень образования позволил выдвинуть новую задачу перед экономикой страны. На сессии Всекитайского собрания народных представителей в 2010 г. была поставлена задача: перейти от «китайского сборочного производства» к «китайскому творчеству», то есть к созданию своих брендов, развитию собственных инноваций. Уже появились популярные марки автомобилей, китайская техника становится все более качественной. Китай разработал истребитель четвертого поколения «Цзянь-20», так называемый «самолет-невидимку». В КНР расходы на науку растут 10 лет подряд более чем на 20 % ежегодно. Благодаря высокому уровню образования в Китае есть кому работать в научной сфере, создавать новые продукты и услуги. Правительство КНР подчеркивает: «Основа экономики знаний – образование. В современном мире движущая сила экономики – конкуренция – все больше сводится к конкуренции знаний» [Решение Госсовета КНР. Цит. по: Аналитический… 2005: 267].

Руководство страны поставило цель: в 2020 г. китайские вузы должны войти в десятку лучших учебных заведений планеты. Повторю, уже сегодня в списке 100 ведущих университетов мира Китай занимает 30 позиций. Это очень много. Государство щедро финансирует вузы: бюджет среднего китайского института составляет 120 млн долларов (для сравнения, в России считается большим бюджет 40 млн долларов), бюджет крупных университетов КНР в 2–2,5 раза больше [Китайская… 2009].

Один из важных итогов развития образования в КНР – рост притягательности учебы в китайских университетах. Долгое время у китайцев считалось модным обучаться на Западе или в Японии. В 2007 г. наметился перелом: в моду стал входить китайский диплом. Он теперь ценится больше, чем диплом западных вузов, за исключением пятерки ведущих американских университетов.

Важнейшим фактором, определяющим современные требования к образованию, является необходимость не простого исполнительства в работе, а творчества. Уже сегодня в конкуренции побеждает тот, кто лучше других раскрывает творческий потенциал сотрудников. Конечно, этот потенциал школа может либо сформировать, либо загубить. Творческий подход к делу стал необходим из-за изменившихся условий производства. Сегодня знания мгновенно устаревают, а технологии легко копируются. Для того чтобы выжить, сотрудникам необходимы смелость, эмоции, самостоятельное мышление, вдохновение, творческий поиск и интуиция. Неслучайно корпоративные университеты таких компаний, как IBS, Unilever, а также ВТБ (Россия), Xerox, World Bank и других, обратились к **искусству** для решения бизнес-задач своих организаций. Сегодня успешное управление любой компанией все больше является искусством и наукой.

В то же время у современных людей мало креативности, творческого подхода. Это подтвердило исследование, проведенное в марте-апреле 2012 г. компаниями Adobe и eYeka[1].

Исследование должно было выяснить, что в мире думают о творческих способностях. По версии компании Adobe, был обнаружен “global creavity gap” («глобальный недостаток креативности»). Более половины опрошенных видят причину низкого уровня развития творческих способностей у людей в современных **системах образования**, которые подавляют творчество «на корню».

В целом современная система образования должна радикально измениться, чтобы выпускники школы (средней и высшей) могли «вписаться» в меняющийся мир.

III. Условия формирования новой системы образования

Создание новой системы образования предполагает прежде всего изменение культурных ценностей общества. Выдающийся ученый, профессор Ю. Галтунг заявил на международном конгрессе в Германии (сентябрь 2006 г.): «Какая страна умирает? – Та, где утрачивается *смысл жизни*. Сегодня такой страной являются США. Все в большей степени к ним приближается Германия». В этих странах у людей есть работа, но нет смысла. Они не задают вопроса «Как жить?», они за-

[1] Компании Adobe 25 лет. Является глобальным лидером в области решений цифрового маркетинга и медиаресурсов. Другая компания – eYeka – лидер на мировом рынке по привлечению потребителей к онлайн-сотворчеству.

дают вопрос: «Зачем жить?» Все менее привлекательным становится реальный сектор экономики, все более развивается сфера услуг.

Как было сказано на Международном конгрессе «Образование, наука, труд – перспективы в XXI веке», это экономика, которая сама себя убивает.

В большинстве стран сформировано общество потребления. Именно это общество переживает кризис, из которого не могут найти выход. Смыслом жизни человечества не может быть потребление материальных благ. «Мы едим, чтобы жить, но не живем, чтобы есть», – говорили еще в античности. По мнению Ю. Галтунга, две страны осознали необходимость изменения парадигмы развития и осуществляют на практике формирование нового общества и новой экономики – Китай и Индия. Они развивают не общество потребления, а Labor society (общество труда). Только в этом обществе, где смыслом жизни является труд, созидание, а не потребление, может быть создан культ знаний, культ образования, который был в Советском Союзе.

Снижение интеллектуального уровня населения происходит в разных странах уже давно и целенаправленно. Начиная с середины 1950-х гг., отмечает Л. Ларуш, в американское общество внедряется контркультура, утверждающая гедонистический иррационализм и радикальный экзистенциализм. Наиболее точно отражает смысл навязываемой контркультуры название журнала “Playboy” («Повеса»). Порнографическое нарколобби использовало журнал для насаждения в обществе противоестественных способов поведения в сексуальной сфере, для восхваления диких оргий. Принципом контркультуры, писал Л. Ларуш, был и остается иррационализм, ***вырождение, ведущее к неразвитому состоянию интеллекта и морали*** [LaRouche 1984].

В итоге в США произошла серьезная смена ценностей. Общественный статус занятых в производстве был низведен до уровня «низшего класса». Если раньше о человеке судили по вопросу: «Что ты строишь?», то теперь спрашивают: «Какое развлечение ты можешь себе позволить?» А «развлечения» становились похожи на стремительное погружение в омуты запрещенных ранее удовольствий [*Ibid.*].

О том же писал в своей книге другой американский ученый – Нил Постман [Postman 1985]. В мире господствует культура кока-колы и Макдоналдса, пишет автор, существует «информационное загрязнение» более чем 40 телевизионными каналами Северной Америки и **растет неграмотность** (!) Если о событии ничего не говорится в средствах массовой информации, оно не произошло. Телевизионная информация должна быть ограничена 30 секундами, потому что люди **не могут и не хотят** воспринимать более длительное «информационное воздействие». Сегодня информация, чтобы ее могли усвоить, должна быть представлена в форме развлечения. И далее автор пишет, что лишь несколько трестов массовой информации контролируют информацию по всему миру. Кто контролирует их? У автора ответа нет... Ответ дал Майк Николс, американский режиссер, лауреат премии «Оскар»: «Горстка людей контролирует средства массовой информации мира. Сегодня это примерно шесть человек, скоро останется всего четыре человека, которые захватят в свои руки все: все газеты, журналы, все фильмы, все каналы телевидения. Было время, когда существовали разные мнения в СМИ, было разнообразие направлений в СМИ. Сегодня существует лишь одно мнение, которое формируется в течение четырех-пяти дней, затем это становится уже мнением каждого» [цит. по: Предпринимательство… 2000: 38].

Об интеллектуальном уровне населения современной России пишут многие. В своей статье «Россию превращают в страну дураков» выдающийся ученый России С. Капица писал: «Данные ВЦИОМ говорят о том, что мы, наконец, пришли к тому, к чему стремились все эти 15 лет, – воспитали страну идиотов. Если Россия и дальше будет двигаться этим же курсом, то еще лет через десять не останется и тех, кто сегодня хотя бы изредка берет в руки книгу. И мы получим страну, которой будет легче править, у которой будет легче высасывать природные богатства. Но будущего у этой страны нет!» [Капица 2009].

О падении культуры на Западе убедительно пишет в своей книге «Смерть Запада» Патрик Бьюкенен, отмечая, что насилие, гомосексуализм, грубая брань с экранов телевизоров и в кинофильмах, матерщина в текстах песен окружало современную молодежь с колыбели, а потому традиционная культура им попросту непонятна [Buchanan 2001].

Говоря о формировании новой системы образования, надо признать, что **одновременно** с развитием новых подходов к обучению в школах и вузах необходимо преодолевать существующую культурную деградацию общества. Бездуховное общество не может быть инновационным. О «духовных скрепах» заговорили уже высшие руководители России. Как менять ценности общества потребления на ценности общества созидания – тема самостоятельного исследования. Здесь я только замечу, что новая система образования будет востребована только в новом обществе. В этом обществе учителя и преподаватели станут привилегированной профессиональной группой. Имеются в виду материальное положение, авторитет и статус.

Как отмечает ректор МГУ академик В. А. Садовничий, для формирования и развития общества, основанного на знаниях, понадобится человек, владеющий фундаментальными знаниями. Если он будет знать математику как инструмент познания мира, естественные науки – как философию для понимания явлений природы, и общественные науки – как анализ для выработки позиции, то он будет «модным» в новом обществе и новой экономике. Сформировать такую личность и призвана новая система образования.

Немецкий ученый Юрген Хабермас считает: познание, человек, общество и природа едины. Вот философия новой эпохи и образования.

Только образованное, духовно здоровое население страны способно обеспечить конкурентоспособность нации в эру глобализации.

Литература

Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 15.

Иноземцев В. Л. Хорошее образование в России – миф. Ведомости.ру: [сайт]. 3 октября. URL: www.vedomosti.ru/opinion/news/1381026/zlokachestvennoe_obrazovanie

Капица С. Россию превращают в страну дураков // Аргументы и факты. 2009. 9 сентября [Электронный ресурс]. URL: www.aif.ru/society/article/29249

Китайская грамота. Интервью с проф. А. Масловым // E-xecutive. 2009. 19 октября [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1160009/index.php?ID=1160009

Предпринимательство. 2000. № 3.

Die Welt. 2003. 5 Mai.

Buchanan P. J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperial Our Country and Civilizations. New York : Dunne Books, 2001.

Kluge J. Schluss mit der Bildungsmisere. Ein Sanierungskonzept. Frankfurt; New York : Campus Verlag, 2003.

LaRouche L. H. So, You Wish to Learn All about Economics? New York : New Benjamin Franklin House, 1984.

Postman N. Amusing ourselves to Death. Public Discourse in the Age of Show Business. New York : Viking; Penquin, 1985.

QS World University Rankings. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2012/results

Welt am Sonntag. 1996. 10 November.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОТЕСТА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Дорошин И. А.
докторант кафедры социальной и теоретической философии
СГУ им. Н. Г. Чернышевского,
доцент кафедры теологии и религиоведения,
член Российского философского общества.
E-mail: ivansar@mail.ru

Религиозная идентичность оказывается решающим вопросом в цивилизационных сюжетах, которые все более напоминают игровые фабулы. Группы, в которых личность и солидарность выстроены на основе расы, национальности и религии, все громче используют глобальные средства массовой информации для выражения своего недовольства. В отрыве от либеральных ценностей демократия может оказаться удобным инструментом для распространения самого нетерпимого фундаментализма. Глобализацию, как ни парадоксально, подталкивает именно стремление к самоопределению протестных религиозных групп.

Ключевые слова: *глобализация, религия, протест, фундаментализм, идентичность, общество риска.*

Religious identity appears to be the determinant factor in the story with civilizations which often resembles a plot of a play. Those groups whose identity and solidarity is based on their race increasingly use global media to declare their dissatisfaction. Without liberal values, democracy can appear a good instrument to disseminate the most intolerant fundamentalism. Globalization, incredible as it may seem, is driven by the very aspiration of protest religious groups to self-determination.

Keywords: *globalization, religion, protests, fundamentalism, identity, risk society.*

Холодная война была конфликтом между государствами ради увековечивания примата национальной идентичности в мировом сообществе. Но с 1990-х гг. государства, ослабленные в результате глобализации, становятся все менее эффективными в любом принуждении к соответствию или интеграции в национальное сообщество. Риторика все чаще касается цивилизационной идентичности, но без национального фактора это превращается в очередной мифологический сюжет, окончательно сложившийся к нашему времени в концепциях столкновения цивилизаций [Хантингтон 2003], исламофашизма[1] и т. д.

Национальные и религиозные меньшинства оказались способны более эффективно восстановить свою идентичность в качестве реакции на гегемонию внеш-

[1] Авторство термина спорное. См.: The New Oxford… 2005.

них культурных сил. Причина этого еще и в том, что государство больше не является двигателем и защитником национальных интересов, а лишь сотрудником с внешними силами [Scholte 2005]. Таким образом, с 1990-х гг. можно утверждать, что основной локус конфликта находится не во взаимоотношениях между государствами, а скорее в столкновении между государством и «субнациональными группами» [Gurr 1994]. Следовательно, это больше не предмет только политологических изысканий, но скорее – задача социальной рискологии. Общим эффектом этих событий становится увеличение выраженности культурного разнообразия вопросов национального и межнационального уровня, отправной точкой которого является, вполне естественно, религия: «…религиозный национализм одержал решительную победу над светским национализмом, проявив себя самой динамичной и мощной "идеологией порядка" в ряду подобных идеологий на исходе холодной войны…» [Фукуяма 1993; Juergensmeyer 1993].

Религиозная идентичность оказывается решающим козырем в цивилизационных сюжетах, которые все более напоминают игровые фабулы. Добавление религиозной драмы в конфликт превращает игру в трагедию. После принесения в жертву человека языческое игрище перестает быть детской забавой, также и появление Бога в картине мира делает ее реальность неигровой. Религия – это не надстройка, а дискурс выживания (бихевиоризм). В библейской традиции есть интересный запрет: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе» (Исх. 20:7), возможно, он окажется уместным и в этой теоретической перспективе.

Некоторые видные политические аналитики предлагают вариации на тему цивилизационной драмы. Сэмюэль Хантингтон, например, предлагает идею межцивилизационного конфликта как новой «опасности» для доминирующей силы, заявив, что усилия Запада для продвижения его ценностей демократии и либерализма как общечеловеческих ценностей, для сохранения своего военного превосходства и защиты своих экономических интересов порождают противодействие со стороны других цивилизаций [Хантингтон 2003: 29]. Не колеблясь, он доводит свои аргументы до логического конца, предсказывая, что «следующая мировая война будет войной между цивилизациями» [Там же: 39]. Проблема состоит также в том, что меньшинства или альтернативные западной системы ценностей в условиях глобализации интерпретируют собственную картину мира не как географически или исторически обусловленную, связанную со спецификой среды обитания общности. Даже малые сообщества сегодня претендуют на выражение общечеловеческих ценностей, в том числе из-за роли религиозных мотивов.

Фундаментализм различных видов занимает видное место в конфликтах «культурной реакции». Конфликты будущего станут межкультурными, сосредоточившись прежде всего в сферах религиозного раскола [Фукуяма 1993]. Традиционные группы идентичности в незападных обществах уже были вынуждены защищаться в ходе модернизации своих обществ. Темп и направление изменений в этих сообществах «ускоряет поиск одной, часто мифологизированной истины, на которую могут ссылаться социальные практики и нравы» [Waters 1995: 130]. Это способствует оформлению фундаменталистских религиозных и этнических движений, в основе которых лежат ценностные, но антисовременные системы, не дифференцирующие формы коллективного действия. Это «социально-культурные движения, направленные на реорганизацию всех сфер жизни с точки зрения опре-

деленного набора абсолютных значений» [Lechner 1990: 79]. При этом в системах, как правило, можно наблюдать большую путаницу между абсолютными и абстрактными значениями.

Таким образом, глобализация создает условия для конфронтации между тем, что Бенджамин Барбер назвал «McWorld», и тем, что он определил как «джихад» [Barber 1992]. Он идет дальше, чтобы показать: ни глобализация, ни коммерциализация приходских солидарностей, махалля и т. д. не служат хорошими предзнаменованиями для демократии. Он выступает с резкой критикой роли религии в качестве одной из причин конфликтов, характеризующих современное фундаменталистское движение, предлагающее «приходское, а не космополитическое, сердитое, а не любящее отношение, обращение в свою веру, а не экуменизм, ревность, а не рациональность, сектантство и этноцентризм, а не универсальность... капризное и измельченное… никакой интеграции» [Там же]. Со многими оппозициями можно не согласиться – ревность и рациональность, прозелитизм и экуменизм и т. д., но общее направление подмечено верно. Это показывает, что глобализация извлекает практически все группы идентичности на планете из их изоляции, толкая в потоки глобальной ойкумены, тем самым вынуждая их по-новому определить себя и многие элементы картины мира.

Глобальный религиозный протест драматизируется пониманием относительности собственной картины мира на фоне глобальных тенденций, рефлексий и т. д. Релятивизация, однако, является процессом, который может включать в себя отклонения, деформацию собственных представлений религиозной общности в сторону фундаментализма. Таким образом, логичнее было бы говорить не о постоянном расширении западного культурного доминирования, против чего, как правило, и выступает религиозный фундаментализм. Это нечто другое. Но фундаментализму свойственна простая пространственная логика, его всплеск совпадает с национальными и этническими «возрождениями». Эта логика не отвечает действительности и поэтому также является источником риска. Современный фундаментализм как порождение самой глобализации – нечто иное. Простым подтверждением тезиса будет активное использование кибертехнологий как группировками Северного Кавказа, в частности последователями Д. Умарова и ликвидированного А. А. Тихомирова, а также группами «ИНН-щиков» – противниками принятия налоговых номеров в христианской среде. При этом М. Уотерс, используя интересный термин, говорит о переходе от «Coca-Colonization» к универсализации западной идеологической и политической концепции [Waters 1995: 130]. Естественно, подобные сочетания напряженности характеризуются высокой конфликтностью.

Как мы видим, глобализация оказывается и созидательным, и разрушительным фактором, но необходимо отличать положительное событие от его же негативных последствий. Концептуальной основой, которая способствует пониманию этой проблемы, может быть теория человеческих потребностей Джона Бертона, разработанная для изучения социальных конфликтов [Burton 1990]. Он поясняет, что при анализе конфликта нужно различать потребности, ценности и интересы. В попытке разрешения споров следует иметь в виду, что только интересы находятся на стадии согласования в краткосрочной перспективе, в то время как значения могут измениться в долгосрочной перспективе – в атмосфере безопасности и недопущения дискриминации, а потребности не могут быть предметом перего-

воров ни при каких обстоятельствах [Burton 1990: 36–41]. Бертон предполагает, «что существуют ограничения на степень, в которой человеческая личность, действуя по отдельности или в рамках более широкой этнической или национальной общины, может быть социализирована или подвергнута манипуляции», и «что есть человеческие потребности в области развития, которые должны быть удовлетворены и удовлетворяются учреждениями, если эти учреждения стабильны и если общество будет в значительной степени свободно от конфликта» [*Ibid.*: 32]. Бертон утверждает, что это стало общим состоянием в современных обществах: «Существует в настоящее время широко распространенная обеспокоенность относительно легитимности… Члены движения протеста и террористы происходят из относительно привилегированных классов – это демонстрирует, что существуют особенности обществ всех политических типов, неприемлемые для значительного числа составляющих их людей» [*Ibid.*: 98]. Поиски легитимности логично приходят к религиозному или псевдорелигиозному обоснованию.

Национальные границы становятся все более неуместными, но все же шествие глобализма отнюдь не триумфально, все также в избытке присутствует ирредентизм [Attali 1991: 117]. Мы живем в мире, который одновременно сокращается и расширяется [Lerche]. Глобальное измерение религиозного протеста предполагает не только масштабное изменение границ, в том числе государственных, – подобное человечество знало и в прошлом. Речь идет о качественном изменении взаимоотношений. В настоящее время термин «ирредентизм» используется для обозначения политики государства, партии или политического движения по объединению народов, наций и этносов [Политический…]. В определении нет важнейшего субъекта, стремящегося к единству – религиозной общности. Феномен выражается в этнической мобилизации, при которой поднимается вопрос о воссоединении территории, на которой проживает ирредента, с титульным государством, в котором их этнос уже составляет большинство. Но подобные же процессы оказываются логикой и религиозной основой протестной динамики. Классические варианты ирредентизма, видимо, уходят в прошлое, поскольку социальная роль государства принципиально меняется. Воссоединение территорий оказывается возможным с государством-проекцией прошлого и желаемого будущего, например «халифатом». «Титульное» государство-проекция может вообще не иметь реальных границ на карте и не нуждаться в них – это не столько «государство», сколько идея, сплавившая светское и духовное. Это скорее социальная общность, объединенная на основе протеста против противоречий светского и «духовного» бытия, лекарство против которого видят в их слиянии. Это особенно характерно для ислама и христианского фундаментализма. Лекарство в религиозном измерении – это, как правило, жертва. Оно амбивалентно – это и усилие покорности, и подвиг любви, но в искаженном виде – экстремизм и оправдание насилия. Христианские церкви прекрасно себя чувствуют в ситуации полицентризма, множества государственных границ и т. д. из-за качественного различения светского и духовного: «Царство Мое не от мира сего... ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18:36), хотя, конечно, «…да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф. 6:9, 10). Для истории ислама характерны, разумеется, иные устремления к единству.

Из-за значительного увеличения информационного обмена в культуре, попыток крупномасштабной передачи смысла социальных систем и символических

форм в киберпространстве мир все больше становится единым уже не только в политическом и экономическом плане, но и с точки зрения глобальной ойкумены устойчивого культурного обмена. Новые условия становятся «умными словами» в лексиконе власти, средств массовой информации и научных кругов. Таков и довольно расплывчатый термин «глобализация». Явления, для описания которых он используется, чрезвычайно разнообразны. Как правило, в гуманитарных исследованиях он указывает лишь на то, что наша жизнь все больше зависит от сил, которые необратимо вышли за рамки «естественных» границ. Все социальные пространства вынуждены воссоздать себя или умереть, а воссоздание на границе жизни и смерти – это уже религиозное поведение.

На данный момент существует серьезное противоречие между тем фактом, что глобализация идет полным ходом, и тем, что существующие в мире структуры не имеют достаточной власти, полномочий и возможностей для регулирования общественных отношений. В этот процесс естественно вмешиваются религиозные авторитеты, обладающие не только необходимым транснациональным авторитетом, но и «валютой» добра – теми самыми «полезными» целями, абсолютными ценностями.

Результаты и последствия глобализации обязательно несправедливы. Это особенно болезненно для общностей, которые акцентируют внимание на проповеди справедливости, тогда как для христианства нет настолько сильных противоречий. Возможно, это объясняет тот факт, что в антиглобалистском антиамериканистском авангарде оказались именно мусульмане как борцы за справедливый уклад жизни. Этот же нюанс, который вроде бы лежит на поверхности, оказывается мотивом манипуляций. По-видимому, стоит поставить вопрос и о глобализации самих религиозных общностей, а не только об участии религиозных общин в указанных процессах. Процесс все больше напоминает описание турбулентности, у него имеется потенциал для создания социальных конфликтов и беспорядков.

Как ни странно, глобализацию стоит квалифицировать скорее как сжатие мира – такую своеобразную мировоззренческую компрессию, которая очень болезненно сказывается именно на сильно локализованных группах и общностях. Этноконфессиональные культурные сплавы в результате сжатия испытывают чудовищное идейное давление. Интенсификация сознания мира в целом, объединенного киберреальностью, усиливает давление. Энтони Гидденс добавляет важное измерение к картине мира, подчеркнув интерактивные и диалектические размеры процесса: глобализацию можно определить как усиление во всем мире социальных отношений, которые связывают далекие места таким образом, что местные события формируются событиями, происходящими на расстоянии многих миль, и наоборот [Giddens 1990: 64]. Это диалектический процесс, потому что такие локальные и глобальные действия могут быть разнонаправленными и дистанцироваться друг от друга, но формируют друг друга. Местные преобразования оказываются неотъемлемой частью глобализации как горизонтальное расширение социальных связей во времени и пространстве [*Ibid.*]. Гомогенизация в концепции общества риска более известна как «макдональдизация» [Ритцер 2011] мирового потребления. Таким образом, у глобальной рациональности есть и темные стороны. Прежде всего ей чужда демократичность религиозных общин, религиозному мировосприятию, в свою очередь, неприемлема абсолютизация экономической власти[2], а также многие социальные неудачи.

[2] См., например, понятие «мамона» (Мф. 6:24; Лк. 16:13).

Глобализация оказывает негативное влияние на качество конфессиональной политики и общественной жизни путем наложения ограничений полномочий органов власти на вмешательство в свою собственную практику. Социальные изменения сами по себе исторически связаны с увеличением уровня конфликта. Глубокое понимание и анализ этой закономерности встречаются уже у П. А. Сорокина в третьем томе классической «Социальной и культурной динамики» под названием флуктуаций социальных отношений, войны и революции [Сорокин 2006: 409–475]. Его исследование двенадцати европейских стран и империй в период с 500 г. до н. э. по 1925 г. н. э. показали, что масштабы «социальной розни» были колоссальны в периоды, когда общество переживало большие перемены мировоззрения, – например, переход от религиозных, «потусторонних» к более светским и материалистическим представлениям. Такие периоды перемен, по определению, переходные и характеризуются конфликтами ценностей и интересов, а также… насилием. Возможно, сегодня в результате мировоззренческого «сжатия» происходят обратные процессы, но характеризующиеся все той же конфликтностью. Таким образом, оказывается, что для социальной стабильности не нужна ни большая «светскость», ни большая «религиозность», как это преподносят с разных сторон правительственные «разрешители» конфликтов, ученые и религиозные авторы вплоть до экстремистских. На то, что их претензии уравновесят друг друга, надежды также нет. Из идей Сорокина можно сделать вывод о том, что рискогенность религиозных общин – это неизбежный побочный продукт глобализации.

Одним из последствий резких изменений в общностях по всему миру является напряженная рефлексия, которая, в свою очередь, вносит свой вклад в конфликтогенность: «Современное общество... имеет *специально* (курсив мой. – *И. Д.*) рефлексивный характер» [Waters 1995: 51]. Энтони Гидденс также пишет об экспертных системах, об их роли в технократическом стиле гражданской администрации. Рост рефлексивности, однако, подрывает доверие к экспертным системам по всему миру: возникает ощущение, что эксперты либо «провалились», либо не имеют общественного интереса в глубине души. В конце концов «люди просто отказываются принять экспертные заверения об опасности» [Spybey 1996: 153]. В том же ключе Джеймс Розенау подробно написал о том, что он называет «глобальным кризисом власти» и его анализ дает представление о характере и масштабах политического конфликта в мире глобализации «постинтернациональной политики». Он объясняет, что в результате мы имеем значительное расширение доступа к информации и общее впечатление уменьшения компетенции или снижения эффективности государственных институтов, граждане теряют «привычку» подчиняться. Если лидеры не в состоянии найти более эффективные средства, чтобы получить поддержку, люди «начинают пересматривать свою лояльность и легитимность лидеров» [Rosenau 1990: 389].

Интернет оказывается лучшим орудием антиглобалиста, а заодно и «антисетью», которая разрушает сложившиеся структуры и социальные сети в реальном мире «офлайн», атомизируя субъекта риска. Особую группу риска представляют религиозно ориентированные киберинтеллектуалы, например «кибермусульмане». Такой термин предлагает Айнур Сибгатуллин в работе «Исламский Интернет» [Сибгатуллин 2010], навеянной работой Р. Сондерса «Национальность: ки-

беррусский» [Сондерс]. Но одинокое существование «кибер»-интеллектуала представляет опасность не только для его личности как мусульманина, но и для уммы в целом. Эта форма нетрадиционной религиозной социализации способна оказывать обратное влияние на сложившуюся традицию поддержания религиозной идентичности в рискогенной реальности.

Итак, подводя итоги, можно констатировать, что мир мгновенно старится. Вспоминается русская отговорка: «Много будешь знать, скоро состаришься» [Писемский 1936]. Дряхлеет он еще и из-за возврата тысячелетних метанарративов. Фундаменталистская молодежь примеряет на себя «седину» древних традиций.

Таким образом, глобализация и просвещает, и умиротворяет, расширяет кругозор и сужает видение, но дает надежды. Другими словами, слишком напоминает религию, недаром именно в глобализации религиозные системы увидели конкурента. Другой парадоксальный эффект усиления глобализации проявляется в том, что при гомогенизации также приобретается знание о социальной неоднородности. Группы, чья личность и солидарность выстроена на основе расы, национальности и религии, стали все громче использовать глобальные средства массовой информации для выражения своего недовольства. К тому же в отрыве от либерализма демократия может оказаться удобным инструментом для распространения нетерпимого фундаментализма [Фукуяма 1993]. Следовательно, глобализацию, как ни парадоксально, подталкивает именно стремление к самоопределению протестных религиозных групп.

Литература

Писемский А. Ф. Тысяча душ / А. Ф. Писемский // Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М.; Л., 1936.

Политический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/politic/Irredentizm-2408.html (дата обращения: 15.11.11).

Ритцер, Дж. Макдональдизация общества. М. : Праксис, 2011.

Сибгатуллин А. Исламский Интернет. М.; Н. Новгород : Медина, 2010.

Сондерс Р. Национальность: киберрусский [Электронный ресурс]. URL: www.inosmi.ru/panorama/2004 1027/214142.html (дата обращения: 09.09.11).

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006.

Фукуяма Ф. Будущее фундаментализма [Электронный ресурс]. URL: www.polit-nauka.org/library/nation/ fukuyama.php (дата обращения: 19.11.11).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.

Attali J. Millenium: Winners and Losers in the Coming World Order. New York : Times Books, 1991.

Barber B. R. Jihad vs McWorld // The Atlantic Monthly. 1992. March.

Burton J. Conflict: Resolution and Provention. N. Y. : St. Martin's Press, 1990.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge : Polity Press, 1990.

Gurr T. R. Peoples against States: Ethnopolitical Conflict and the Changing World System // International Studies Quarterly. 1994. Vol. 38. September.

Juergensmeyer M. The New Cold War? Religious Nationalism Confronts the Secular State. Berkeley : University of California Press, 1993.

Lechner F. Fundamentalism Revisited. New Brunswick : Transaction, 1990.

Lerche Ch. O. The Conflicts of Globalization [Электронный ресурс]. URL: http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol3_1/learch.htm (дата обращения: 15.11.2011).

Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1990.

Scholte J. A. Globalization. A Critical Introdaction. N. Y. : Palgrave Macmillian, 2005.

Spybey T. Globalization and World Society. Cambridge U.K. : Polity Press, 1996.

The New Oxford American Dictionary / Ed. by E. McKean. 2nd ed. Oxford University Press, 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://oxforddictionaries.com (дата обращения: 19.11.2011).

Waters M. Globalization. London : Routledge, 1995.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Галичин В. А.
директор Центра мониторинга человеческих ресурсов
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: vgalichin@anx.ru

Статья посвящена анализу современных тенденций развития международного рынка образовательных услуг, представляющего собой важную и активно развивающуюся отрасль мирового хозяйства. Международный рынок образовательных услуг характеризуется ростом конкуренции, наряду с традиционными лидерами ряд стран проводят активную политику по продвижению собственных интересов в данной сфере. В статье рассматриваются факторы, влияющие на изменение позиций различных стран на мировом рынке образования, актуальные проблемы международного образования.

Ключевые слова: *международный рынок образовательных услуг, интернационализация образования, академическая мобильность, институциональная мобильность образовательная услуга, экспорт образовательных услуг, трансграничное образование, формирование региональных рынков образовательных услуг.*

The article is dedicated to the modern developmental tendency of the world education market – an important and rapidly growing world economy sector. The growing competition is typical of the world education market: besides traditional leaders a number of states pursue proactive policy to promote their interests in this sphere. The author considers factors changing the positions of different countries in the world education market as well as the problems of the international education.

Keywords: *the world education market, internationalization of education, mobility among academics, institutional mobility, educational service, export of educational services, transboundary education, formation of regional education markets.*

Международный рынок образования представляет собой систему отношений между производителями, поставщиками и потребителями образовательных услуг. Услуги предоставляются гражданам за пределами их стран, а также иностранными учреждениями на внутренних рынках, в том числе с использованием информационных и сетевых технологий.

Для современного международного рынка образовательных услуг (МРОУ) характерны такие тенденции, как:

- рост масштабов рынка и объемов продаж образовательных услуг, международной мобильности студентов, преподавателей и исследователей;

- интернационализация высшего образования и развитие трансграничного образования;
- усиление конкуренции и появление новых игроков на рынке международного образования;
- значительное повышение активности учебных заведений (что особенно заметно проявилось в условиях мирового финансового кризиса);
- изменение рядом государств экспортно-импортной политики в сфере образования;
- формирование региональных рынков образовательных услуг;
- разработка новых стратегий экспорта образовательных услуг;
- слияние академических учреждений или присоединение отдельных институтов в качестве факультетов университетов, создание образовательных кластеров;
- ускоренный рост международных университетских сетей;
- повышение роли (и доли) консалтинга и тестирования среди предлагаемых образовательных услуг;
- расширение круга международных и национальных провайдеров, в том числе за счет необразовательных структур;
- повышение внимания к качеству предоставляемых образовательных услуг со стороны различных участников рынка образовательных услуг;
- создание и развитие сетевых структур, объединяющих различных участников рынка образовательных услуг;
- переход от массового набора студентов к поиску лучших и талантливых.

Основной сегмент МРОУ составляют программы высшего образования; по оценкам Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), сейчас в мире около 140 млн студентов проходят обучение в 36 000 высших учебных заведениях. По прогнозам экспертов, через 10 лет число студентов удвоится в значительной степени в результате увеличения числа получающих высшее образование в Азии и Европе. Под воздействием процессов глобализации количество студентов, выбирающих обучение вне пределов своей страны, продолжает расти; в докладе ОЭСР *Education at a Glance 2012* приводятся данные о том, что с 2000 по 2010 г. количество иностранцев, поступающих в вузы за пределами своей страны, увеличилось на 99 % – с 2,1 до 4,1 млн человек [Education… 2012].

Одна из важных тенденций развития современного рынка образовательных услуг связана с трансграничным (или транснациональным) образованием. В соответствии с международными документами под транснациональным образованием понимаются все виды программ высшего образования, комплексы образовательных курсов, или образовательные услуги (включая услуги дистанционного образования), при которых обучающиеся находятся в стране, отличной от той, в которой базируются образовательные учреждения. Отличительной чертой транснационального образования является то, что такие образовательные программы и услуги могут принадлежать к национальной образовательной системе, отличной от образовательной системы страны, в которой подобные программы и услуги предлагаются, и даже вовсе быть независимыми от какой-либо национальной образовательной системы [Code…].

Развитие трансграничного образования явилось следствием того, что высшее образование во многих странах становится массовым, расширяется сфера использования информационных и сетевых технологий, получила признание идея развития экономики, основанной на знаниях, увеличилась интернационализация рынка труда и потребность в квалифицированной рабочей силе, все большее число частных фирм начинает предоставлять образовательные услуги, в том числе на международном рынке образовательных услуг [Интернационализация… 2010].

Редактор журнала «Исследования в международном образовании» Ханс де Вит в качестве новой тенденции в международном образовании выделяет переход от массового набора студентов к поиску и приглашению лучших и талантливых. Обучение в этом случае является только первой ступенью по вовлечению нового поколения ученых в экономику принимающей страны [Де Вит]. Задачу привлечения талантливых иммигрантов в наукоемкие сектора экономики через образование ставят перед собой все развитые страны. В США для поддержки инновационной экономики требуется, по мнению специалистов Центра исследований высшего образования Калифорнийского Университета (Беркли), удвоить количество иностранных студентов к 2020 г. Япония пересмотрела аналогичную цифру для себя в сторону ее тройного увеличения, не менее амбициозные планы и у других конкурентов. Как отмечается в статье «Глобальный рынок международных студентов: перспективы Америки», развитие экономики знания связано с обеспеченностью специалистами, особенно в области точных наук, инженерного дела и математики. Рост числа докторантов в США в последние годы обеспечивался притоком талантливых молодых ученых из Китая, Индии, Южной Кореи и Тайваня, составлявших не менее 20 % от числа докторантов США [Дуглас, Эделштейн].

Трансграничное образование обеспечивается с помощью франчайзинга, валидации или аккредитации зарубежного университета, программ совместных дипломов, корпоративных университетов, международных институтов, а также зарубежных филиалов образовательных учреждений и дистанционного обучения. Все большее число ведущих университетов ориентируются на транснациональное обучение, подготовку специалистов в условиях глобальной экономики, межкультурной коммуникации.

За последние несколько десятилетий многие колледжи и университеты расширили свое присутствие в мире посредством развития исследовательских сайтов, представительских офисов и зарубежных кампусов. В ряде случаев эти инициативы вузов ведут к появлению программ выдачи двойных или совместных дипломов.

Трансграничное образование сегодня активно развивается в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где главным образом принимает форму франчайзинга (franchising) или филиальной сети (twinning). В рамках такой формы, как франчайзинг, местный поставщик услуг получает от иностранного вуза полномочия предлагать его образовательные программы в соответствии с условиями, определенными контрактом. В большинстве случаев такое обучение ведет к получению иностранной квалификации. В программах филиальных сетей (twinning programmes) студенты зачисляются в зарубежный вуз (поставщик образовательных услуг) и обучаются по зарубежным программам подготовки; частично образование предоставляется в стране происхождения учащегося и завершается

в стране вуза – поставщика услуг. Этот вид трансграничного образования обычно подразумевает и программную, и студенческую мобильность. Институциональная мобильность становится важной частью трансграничного образования, наиболее типичной формой реализации данного вида образования является открытие университетами зарубежных кампусов или центров подготовки через местных поставщиков образовательных услуг.

Эксперты в сфере международного образования выделяют следующие тенденции в институциональной мобильности [Vincent-Lankrin 2009]. Первая касается офшорных кампусов, создаваемых в региональных кластерах: прием иностранных институтов рассматривается в контексте региональной стратегии инновационного развития или экономики, основанной на знаниях. Примером этой модели может служить «Деревня знаний» (Knowledge Village) в Дубае, «Город образования» (Education city) в Катаре, также как и другие образовательные проекты, такие как поддерживаемый правительством Малайзии Образовательный городок в Куала-Лумпур (Kuala Lumpur Education City), по такой же логике развивается трансграничное образование в Сингапуре.

Вторая тенденция связана с изменениями моделей финансирования университетских кампусов за границей. В то время как большинство офшорных кампусов первой волны функционировали за границей за счет самофинансирования, в настоящее время их финансирование все чаще осуществляется за счет местных партнеров (правительства или промышленных компаний), предоставляющих площади под кампусы или даже субсидируя их. В Китае кампус Университета Ноттингема, например, финансировался промышленным партнером, на средства Абу-Даби финансируются и субсидируются офшорные кампусы университета Сорбонны и Нью-Йоркского университета. Города или образовательные городки сдаются в аренду или предоставляют помещение и предлагают централизованные логистические услуги [Marginson 2007]. Такие способы финансирования для институтов означают значительное снижение рисков, связанных с международной мобильностью.

В-третьих, программная и институциональная мобильность все больше распространяется на докторские или исследовательские программы, хотя еще в 2006 г. не более 5 % офшорных университетских кампусов предлагали докторские программы. Например, в 2007 г. по инициативе правительства Португалии Массачусетский технологический институт (MIT), Университет Карнеги – Мелон и Техасский университет в Остине предложили магистерские и докторские программы в партнерстве с португальскими вузами с целью улучшения качества подготовки и исследований в определенных дисциплинах, особенно в инженерном деле.

Мировой рынок высшего образования характеризуется высокой концентрацией: более половины всех студентов, обучающихся за рубежом, приходится на США, Великобританию, Германию и Францию (22 %, 14 % и по 10 % соответственно) [Project…2011].

В Европе количество иностранных студентов превысило 1,5 миллиона человек, из которых большая часть приезжает из стран, не входящих в Европейский союз. Испания не входит в список ключевых стран, однако является популярной

страной для обучения студентов из Латинской Америки (в последние годы на этом рынке заметно активизировалась Куба).

Лидерство по обучению международных студентов сохраняют США: по данным Института международного образования (IIE), в 2008–2009 г. в стране обучались 672 тыс. иностранных студентов, в 2009–2010 году – 691 000 человек, в 2010/11 учебном году в американских вузах получали образование 723 277 иностранных студентов (из них 4692 из России).

В отчете ОЭСР отмечалось, что 20 % так называемых «мобильных студентов», обучающихся вне пределов своих стран, выбирают США для обучения. За прошедшее десятилетие количество иностранных студентов в США выросло на 32 % [Open… 2011]. Почти половину всех иностранцев, обучающихся в вузах США (46 %), составляют студенты из трех самых крупных стран-доноров – Китая, Индии и Южной Кореи. Рост 2010/2011 года в значительной степени связан с увеличением числа китайских студентов. Их количество выросло до 158 000 человек, что составляет пятую часть всех иностранных студентов в США. Количество студентов из Индии, занимающей второе место, составляет 104 000 человек, 14 % от числа всех иностранных студентов. В США учится более 73 000 корейцев, что составляет 10 % от общего числа иностранцев. Канада, Тайвань, Саудовская Аравия и Япония обеспечивают примерно по 3–4 % от числа иностранных студентов, а все остальные страны – 2 % и менее [Чоу, Чамберс]. Исследования показывают, что большинство международных студентов, завершивших докторантуру в университетах США, остаются в стране по завершении учебы.

Более детальная картина, характеризующая позиции различных стран на международном рынке высшего образования в последнее десятилетие, представлена в таблице [Шевцова 2012].

В последние годы на мировом рынке образовательных услуг наблюдается значительный рост конкуренции, несмотря на то, что США и Западная Европа продолжают привлекать наибольшее число международных студентов, другие страны все более активно соперничают за место на мировом рынке международного образования.

Например, Сингапур планирует привлечь 150 тыс. иностранных студентов к 2015 г., Иордания – 100 тыс. иностранных студентов к 2020 г., Япония – 300 тыс. иностранных студентов к 2025 г. К середине 2011 г. число иностранных студентов в Малайзии превысило 90 тыс. Агентство по высшему образованию Малайзии ориентировано на то, что к 2020 г. число иностранных студентов превысит 200 тыс. человек.

Несколько лет назад Турция развернула широкомасштабную программу привлечения в турецкие вузы иностранных студентов. В 2010/2011 учебном году численность иностранных студентов составляла 26,2 тыс. человек. Цель турецких властей – довести количество иностранных студентов до 100 тыс. человек в 2020 г., что принесет в экономику около 3 млрд долларов. Десятки турецких вузов предлагают образовательные программы разного уровня на английском языке.

Китай намерен привлечь около 500 тыс. иностранных студентов к 2020 г. В 2010 г. в КНР уже обучалось более 265 тыс. иностранных студентов, как приехавших по обмену, так и получающих академическую степень. Для достижения поставленной задачи Китай уже предпринимает шаги по повышению институ-

ционального потенциала вузов для приема иностранцев на обучение, также для иностранных студентов выделяются специальные средства в виде грантов [Bhandari *et al.* 2011].

Образование для иностранных студентов в Китае быстро развивается параллельно масштабному обучению китайских студентов за рубежом. В 2008 г. в различных странах обучались 178 900 китайских студентов, в 2009 г. – 229 300. В китайско-американском совместном заявлении, подписанном в 2009 г., отмечается, что Соединенные Штаты будут поощрять обучение американцев в Китае, отправив 100 000 студентов в течение ближайших четырех лет (в настоящее время в Китае по различным программам обучаются 20 000 студентов из США).

Международное образование в Китае становится более разнообразным.

Также увеличивается количество учебных заведений, в которых обучаются иностранные студенты. Кроме обычных высших учебных заведений многие научные институты и другие типы образовательных учреждений выбираются иностранными студентами для обучения, например Китайская академия наук или Китайский институт управления гражданской авиации.

Среди стран, стремящихся потеснить лидеров на международном рынке образования, в последнее десятилетие экспертами выделялась Австралия. Образовательные услуги в 2007–2008 гг. были третьим по значению источником доходов страны, ежегодно экспорт образовательных услуг приносил около 18 млрд долларов. Международные студенты составляли 20 % всех студентов страны. Отличительной особенностью этой страны по сравнению с другими мировыми лидерами в области образования является значительно более высокий процент студентов, привлекаемых на программы бакалаврской подготовки, а не постдипломного обучения, как в США или Великобритании. Австралия принимала такое же количество студентов из Китая (включая Гонконг), как и Соединенные Штаты.

В последние годы Австралия под давлением конкурентов (США, Новая Зеландия и Канада) начала терять свои позиции; так, в 2010 г. число студентов из Индии уменьшилось на 80 %, а из Таиланда, Вьетнама и Гонконга – на 20 %.

Одним из направлений конкуренции на МРОУ является привлечение вузами известных зарубежных преподавателей и исследователей. Лидирующие университеты мира имеют интернациональный состав научно-педагогических кадров, а показатель доли иностранных педагогических сотрудников используется при подсчете одного из наиболее известных мировых рейтингов университетов – QS World University Rankings. Условия и правила найма иностранных научно-педагогических кадров, требования к квалификации кандидатов в различных странах заметно отличаются. Данные отличия в значительной мере определяются позицией и ролью страны на международном рынке образования и рынке труда.

Изучение ситуации в этой сфере показывает, что страны, занимающие ведущие позиции на международном рынке образовательных услуг, ограничивают иностранцам доступ на рынок труда в секторе высшего образования и отдают предпочтение иностранным специалистам с уникальными знаниями и навыками, в которых имеется особая потребность. Страны, стремящиеся усилить свои позиции на международном рынке образовательных услуг, такие как Китай, Южная Корея, не устанавливают жестких требований к иностранным кандидатам. Они

активно реализуют государственные программы по поддержке привлечения для работы в вузах иностранных граждан, стараясь уменьшить сложности и ограничения в вопросах их трудоустройства и пребывания в стране. В этих странах процесс трудоустройства после принятия решения о найме занимает в среднем около одного месяца и не требует специальных разрешений со стороны внешних органов, достаточно решения вуза.

На поведение и позиции стран на рынке международного образования, включая лидеров, не мог не повлиять мировой финансовый кризис.

Результаты исследования «Контингенты иностранных студентов в США: анализ базы данных отчетов “Открытые двери” за последние 60 лет» [Чоу, Чамберс] свидетельствуют о значительном воздействии, которое продолжает оказывать мировой финансовый кризис на ситуацию в образовании в различных регионах мира.

В 2011 г. наиболее известные программы Департамента образования США, программы преподавательских и студенческих обменов, были урезаны с 635 млн до 600 млн долларов в 2011 г., в 2012 г., например, бюджет комитета государственных и зарубежных операций был урезан на 10 % по сравнению с 2011 гг. [Интернационализация…].

Существенные сокращения (до 40 %) были сделаны в бюджетах программ Раздела VI и блоке программ Фулбрайт-Хейса на 2011 г., которые в 2010 г. были профинансированы на уровне 125 млн долларов. Программы Фулбрайта – Хейса главным образом поддерживают докторантов, проводящих свои исследования за рубежом, а программы Раздела VI поддерживают различные академические центры, ориентированные на международные исследования. Большинство инициатив по привлечению иностранных студентов финансируются за счет ресурсов самих университетов.

Только пять из десяти ведущих стран-доноров смогли увеличить число студентов, направляемых в США. Кроме роста студентов из Китая зафиксировано значительное увеличение числа студентов из Саудовской Аравии (на 25 %). Рост числа студентов связан не только со стабильностью основных экспортных отраслей страны, но и планомерной политикой поддержки программ обучения за границей через правительственные стипендии и гранты. Было отмечено увеличение числа студентов из Турции, Великобритании, Бразилии, Франции, Нигерии, Малайзии, Венесуэлы и Вьетнама [Дуглас, Эделштейн].

В США сокращение бюджетного финансирования в высших учебных заведениях стимулирует рост приема иностранных студентов, которые вносят нерезидентскую плату и не получают федеральную финансовую помощь, помогают этим университетам преодолеть финансовые трудности.

Несколько государственных университетов, включая Kent State University, Iowa State University и Arkansas State University, сообщили о двойном увеличении приема международных студентов в 2010 г. В ряде университетов пропорция международных студентов-первокурсников увеличилась с 3,5 % осенью 2008 г. до 5,3 % осенью 2010 г. [Рахул Чоудаха].

Проблеме влияния финансового кризиса на высшее образование в Европе посвящено исследование Европейской ассоциации университетов. Один из выводов исследования заключается в том, что последствия кризиса проявляются во всем

многообразии, которое обусловлено различиями образовательных систем европейских стран. Масштабы и продолжительность кризиса, основные сферы, подвергнувшиеся сокращению или реформированию, темпы роста или восстановления заметно варьируются в зависимости от страны.

Анализируя финансовую статистику европейских стран, эксперты Европейской ассоциации университетов отмечают, что наиболее пострадал такой аспект жизнедеятельности вуза, как преподавание. В Великобритании или Латвии вузам были значительно сокращены выделяемые средства, в других европейских странах сокращения проявились опосредованно. Увеличение числа желающих получить высшее образование в период кризиса при том же (в лучшем случае) уровне финансирования привело к сокращению расходов при расчете на одного студента. Такое «скрытое сокращение бюджетов» было отмечено в Чехии, на Кипре и в Венгрии. Наиболее остро в этом случае встают вопросы сохранения качества преподавания и высоких академических стандартов. Иногда университеты вынуждены закрывать учебные программы или целые факультеты (как в Эстонии или Испании), иногда – сокращать часы работы библиотек или вспомогательных служб (например, консультационных служб по вопросам карьеры или образования).

Последствием кризиса стал отмечаемый рост слияний академических учреждений или присоединение отдельных институтов в качестве факультетов. Наиболее последовательно в этом направлении развиваются высшие учебные заведения Финляндии, где за прошедшие годы количество вузов продолжило сокращаться – с 20 до 15. В результате объединения формируются новые вузы, призванные стать флагманами национального образования. Аналогичные процессы протекают в Дании, где из 25 вузов и исследовательских центров было создано 8 университетов и 3 научно-исследовательских центра. Во Франции в результате слияния трех вузов создан крупнейший вуз страны – Университет Страсбурга. Кроме финансовой экономии на административных расходах укрупнение вузов связано с другой целью – улучшить свои показатели в международных рейтингах.

Однако интеграционные процессы не следует связывать только с кризисом, скорее это часть политики по реформированию системы высшего образования на фоне роста конкуренции на международном рынке образовательных услуг, укрупнение университетов – общемировая тенденция, характерная для Европы и США в последние 20–30 лет. В зависимости от специфики национальной системы образования этот процесс проходит по-разному, однако все страны сталкиваются со сходными проблемами, об этом, в частности, свидетельствует опыт европейских стран.

Во Франции основная часть реформы системы высшего образования, науки и специализированных школ связана с формированием образовательных кластеров Initiatives d'Excellence (Idex), в результате в стране планируют сократить количество университетов с 87 до 10 (на 2007 г. во Франции было 87 университетов и 225 разных вузов – ecole superieure).

В рамках образовательных кластеров Idex объединяются финансируемые государством университеты, привилегированные вузы, а также центры НИОКР. Около половины запланированных на реформу средств – 11 млрд евро – должны пойти на организацию новых программ подготовки студентов, из них 7,7 млрд ев-

ро – в укрупненных университетах. Еще 5 млрд евро тратится на создание 12 новых университетских комплексов в Париже и регионах, на организацию и стимулирование научно-исследовательской деятельности выделяется 7,9 млрд евро. Организационный этап формирования кластеров Idex продлится до 2014–2015 гг., после этого оценка деятельности университетов будет осуществляться по количеству публикаций преподавателей, количеству выпускников, получивших дипломы и устроившихся на работу, а университеты с низкой оценкой будут получать меньше дотаций.

В системе высшего образования Норвегии процессы интеграции начались в 1994 г., когда органы управления образованием страны приняли решение, что в будущем большинство норвежских вузов должны объединиться в 8–10 крупных университетских комплексов с большим количеством кампусов, исследовательских подразделений и единой администрацией. Они должны были включить в себя большую часть существовавших на тот момент в Норвегии колледжей. Среди преимуществ укрупнения называли оптимизацию расходов на административный персонал и аккумуляцию средств, которая позволит больше вкладываться в исследования. Тогда же для ускорения процессов интеграции было принято четкое определение колледжа, позволяющее отделить его от университета. Последний должен предлагать своим студентам программы PhD, тогда как первый – нет.

За прошедшие годы интеграционные процессы идут в Норвегии с переменным успехом: заявленной в самом начале цели – создания 8–10 крупных университетских комплексов – достигнуть пока не удалось. Следует отметить важнейшее отличие интеграции по-норвежски: вузы, решившие объединиться, могут через несколько лет вернуться к прежнему формату.

В Германии в 2006 г. был создан союз технических университетов TU9 – объединение, созданное для улучшения сотрудничества с реальным сектором экономики, производством и бизнесом. В 2009 г. началась интеграция Технологического института Карлсруэ (KIT) и находящегося там же исследовательского центра, в новой структуре KIT работает 8500 сотрудников, а годовой бюджет превышает 500 млн евро. В октябре 2012 г. 15 университетов объединились в союз под лаконичным названием U15. Важно отметить, что объединились сильные: университеты Бонна, Вюрцбурга, Геттингена, Гамбурга, Гейдельберга, Кельна, Лейпцига, Майнца, Мюнхена, Мюнстера, Тюбингена, Франкфурта-на-Майне, Фрайбурга и два берлинских университета, имеющие хорошую репутацию на рынке образовательных услуг.

В последние годы в европейских странах стали вводить дифференциацию в оплате обучения для местных и иностранных студентов, соответствующие меры приняты в Дании, Голландии, Швеции, Германии, Словакии, Ирландии и на Мальте. Профессиональное сообщество по-разному реагирует на такой отход от традиции, справедливо опасаясь оттока студентов в более «гостеприимные страны». После введения оплаты за обучение для иностранных студентов в вузах Дании их количество сократилось за два года на 50 %.

Проведенное Европейской ассоциацией университетов исследование о влиянии финансового кризиса на высшие учебные заведения выявило взаимосвязь между автономностью вуза и способностью принимать успешные меры по преодолению последствий кризиса. Предоставление вузам дальнейшей автономии,

возможности самостоятельно определять направление развития и источники финансирования представляется экспертам, собравшим данные по 33 странам, важнейшим условием модернизации образовательных систем и, как следствие, повышения их устойчивости и жизнеспособности.

В условиях кризиса важным фактором, определяющим успешность вуза, является возможность гибко и оперативно реагировать на вызовы времени. Финансовая самостоятельность вуза, по мнению авторов исследования, является необходимым условием для принятия оперативных решений и правильного распределения средств для решения стратегических задач.

Среди актуальных тенденций развития международного образования следует выделить ***формирование региональных рынков образовательных услуг***. В последнее время все активнее объединяют свои образовательно-исследовательские усилия *страны Юго-Восточной Азии.* В декабре 2010 г. состоялась первая конференция стран АСЕАН по теме «Исследовательские кластеры в сфере высшего образования» (Higher Education Research Clusters). Было принято решение о том, что первые три кластера будут специализироваться в вопросах здравоохранения и медицины; координирующими эти кластеры странами станут Сингапур и Таиланд. Еще два кластера (сельское хозяйство и пищевая промышленность) будут приоритетно управляться с участием исследовательских центров Малайзии, Таиланда и Вьетнама. Странами-координаторами кластеров в области энергетики и биологических исследований станут Филиппины и Индонезия. Таким образом, лучшие исследовательские коллективы из соответствующих стран будут отвечать за максимизацию эффекта научно-педагогической работы всего сообщества.

Этот проект основан на деятельности университетов всех стран АСЕАН и будет координироваться правительством Таиланда в рамках совместных работ по созданию единого экономического сообщества АСЕАН к 2015 г. В рамках проекта будет осуществляться гармонизация систем высшего образования входящих в сообщество стран. Таиланд имеет богатый опыт в организации национальных исследовательских кластеров, другие страны будут отвечать за мобильность студентов между странами, усиление лидирующей роли высшего образования в регионе и развитие e-learning. Таким образом, несмотря на то, что национальные исследовательские кластеры уже существуют в таких странах, как Таиланд и Малайзия, решение о создании регионального блока исследовательских кластеров АСЕАН является весьма амбициозным и требует серьезно реформировать сами принципы организации исследований в странах АСЕАН.

Несмотря на рост конкуренции на рынке международного образования, принципиально ситуация не меняется, лидеры сохраняют свои позиции. Однако современные тенденции и процессы подтверждают прогноз, что лидерство США уже не очевидно и международные студенты могут выбирать страну для своего обучения из множества вариантов. Развитие системы высшего образования в целом ряде стран (Китай, Индия, Малайзия, Япония, Сингапур и др.) и меры по привлечению иностранных студентов (миграционная политика, стоимость обучения и его качество, вопросы безопасности) могут серьезно повлиять на рынок международных образовательных услуг, а также ослабить привлекательность обучения, по крайней мере долгосрочного, для своих студентов за рубежом.

Таблица

Распределение стран по количеству обучавшихся в них иностранных студентов в 1999–2000 и 2009–2010 учебных годах

Страна	1999–2000		2009–2010	
	Количество иностранных студентов в стране, чел.	Доля иностранных студентов, %	Количество иностранных студентов в стране, чел.	Доля иностранных студентов в стране, %
США	514 723	31	690 923	20
Великобритания	224 598	13	455 600	13
Франция	160 532	10	278 213	8
Австралия	138 381	8	253 717	7
Германия	175 065	10	244 776	7
Китай	52 150	3	238 184	7
Канада	44 335	2	174 760	5
Япония	64 011	4	141 774	4
Россия	58 992	3	113 823	2
Другие страны	262 080	16	932 746	27
Итого	1 680 000	100	3 454 615	100

Литература

Де Вит Х. Последние тенденции и проблемы международной мобильности студентов // Международное высшее образование [Электронный ресурс]. URL: http://ihe.nkaoko.kz/archive/ihe59/

Дуглас Д. О., Эделштейн Р. Глобальный рынок международных студентов: перспективы Америки // Международное высшее образование [Электронный ресурс]. URL: http://ihe.nkaoko.kz/archive/ihe59/8

Интернационализация вузов США во времена сокращающихся ресурсов [Электронный ресурс]. URL: http://www.aei.gov.au/Internationalnetwork/northamerica/Policy Updates-USA/Pages/Policy updates.aspx

Интернационализация высшего образования: тенденции стратегии, сценарии будущего. М., 2010.

Рахул Чоудаха. Двигатели мобильности студентов Китая и Индии // Международное высшее образование [Электронный ресурс]. URL: http://ihe.nkaoko.kz/archive/ihe

Чоу П., Чамберс Д. Контингенты иностранных студентов в США: анализ базы данных отчетов «Открытые двери» (Open doors) за последние 60 лет [Электронный ресурс]. URL: http://opendoors.iienetwork.org

Шевцова Е. В. Основные механизмы миграционной политики по привлечению учебных мигрантов: чему Россия может научиться у ведущих мировых держав? // Вестник НГУЭУ. 2012. № 1. С. 78–87.

Bhandari R., Belyavina R., Gutierrez R. Student and the Internationalization of Higher Education: National Policies and Strategies from Six World Regions. Institute of International Education. New York, 2011.

Code of Good Practice in the Provision of Transnational Education. UNESCO/Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: http://www.cepes.ro/hed/recogn/groups/transnat/code.htm

Education at a Glance 2012: OECD Indicators [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2012_eag-2012-en

Marginson S. Global Position and Position-taking: the Case of Australia // Journal of Studies in International Education. 2007. Vol. 11. No. 1. P. 5–32.

Open Doors Survey, November 14, 2011. Institute of International Education [Электронный ресурс]. URL: http://www.iie.org/en/Research-and-Publications/Open-Doors

Vincent-Lankrin S. "Cross-border Higher Education: Trends and Perspectives" как глава публикации ОЭСР "Higher Education to 2030". 2009. Vol. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264075375-4-en

Project Atlas: Trends and Global Data 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iie.org/en/Research-and-Publications/~/media/Files/Services/ProjectAtlas/Project-Atlas-Trends-and-Global-Data-2011.ashx

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ НА ЭКОЛОГИЮ

Ильин А. Н.
к. ф. н., доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета.
E-mail: ilin1983@yandex.ru

В статье основное внимание уделяется проблеме взаимосвязи между растущим потреблением и экологическим кризисом. Также автор описывает неразрывно связанные с данной темой проблемы социального неравенства, вопиющей неэквивалентности потребления между развитыми и развивающимися странами, обратной зависимости между экономикой и экологией, упадка культуры и т. д.

Ключевые слова: *потребление, экология, культура, потребности.*

The article focuses on the problem of interrelation between growing consumption and the ecological crisis. The author describes the problems which are inseparably associated with the given theme: social inequality, uneven consumption of developed and developing countries, an inverse relationship between economy and ecology, the problem of cultural decay etc.

Keywords: *consumption, ecology, culture, needs.*

Потребление – крайне актуальный на сегодняшний день предмет изучения ряда наук: философии, культурологии, социологии, психологии, экономики. Потребление – это тотальная идеалистическая практика, имеющая мало общего с действительным удовлетворением потребностей или с принципом реальности; *«умеренного» потребления не бывает*. Обществом потребления является то, где не только культивируется желание покупать, но где само потребление является метапотребностью, лежащей в основе целой системы фиктивных потребностей, созданных миром рекламы и массмедиа. *Суть потребления заключена не в возможности приобрести рекламируемый товар, а в желании это сделать; потребление локализовано не в кармане, а в сфере желания. Общество потребления – это совокупность отношений, где господствует выступающий смыслом жизни символизм материальных объектов, влекущий потребителей приобретать вещи и тем самым наделять себя определенным статусом.* Находясь в единой плоскости с явлением моды, оно, включая своих адептов в бессмысленный символический круговорот, унифицирует их индивидуальные качества и вовлекает их в единообразную перманентную покупательскую практику. Потребительские тенденции ориентированы в первую очередь не на удовлетворение какой-то реальной потребности, а на возвышение социального статуса консьюмера

в глазах окружающих посредством обладания дорогими гаджетами. Культура потребления, заставляющая субъекта выбирать «иметь» вместо «быть» в качестве основополагающего принципа жизнеустройства, – благодатная почва для создания фиктивных и полуфиктивных потребностей. Кроме того, потребительский культ с присущим ему расточительством конституирует идеолого-поведенческую основу наступления экологической катастрофы, вероятность которой повышается вместе с повышением уровня траты ресурсов.

Потребительский образ жизни ведет к хищническому расточению ресурсов, которые, как известно, ограниченны. Внутренняя псевдопотребность потреблять приводит к ускорению оборота товаров. Современная технократическая потребительская цивилизация ненасытна в принципе, а потому и антиприродна. Она расточает ресурсы так, что превращается во врага биосферы и природы, а заодно в паразита-самоубийцу, если рассматривать данное явление в глобальном – планетарном смысле. Сам научно-технический прогресс трансформируется в орудие убийства. Поэтому вполне оправданы прогнозы ученых о грядущей экологической катастрофе; «обглоданная» планета может серьезно отреагировать на безумное потребление в попытке привлечь внимание жадного человека-потребителя, который, вооружившись идеей антропоцентризма, наплевав на экологию и превратив природу из вещи в себе в вещь-исключительно-для-себя, перестал быть человеком разумным и принялся лихорадочным использованием ресурсов опережать жизнеспособность экосистемы. Природа стала представляться ареалом, оказывающим сопротивление целенаправленной деятельности человека, а задачи науки и технологий свелись к поиску путей преодоления этого сопротивления.

В эпоху современности, которую недаром называют обществом риска [см.: Beck 1992: 97–123; Бек 2001], научно-технический прогресс обернулся множеством побочных эффектов. Это безработица, техногенные аварии, дефицит ресурсов, загрязнение окружающей среды, озоновые дыры, генно-модифицированные или просто вредные продукты питания и т. д. Это атомные, химические, технологические, генетические, экологические и прочие угрозы и гиперугрозы. Это целый комплекс серьезных проблем, ответственность за которые непереложима на богов, Бога или Природу. Они порождают опасения относительно будущего и желание застраховать себя в настоящем от возможных опасностей, но риск и неопределенность проникают в социальную жизнь все сильнее, отодвигая в сторону любые гарантии. Сама реальность превращается в неопределенность, к которой все менее применимы прогнозы, расчеты меры возможных рисков, калькуляция их последствий и процедуры профилактики опасностей. Эти процедуры и меры безопасности оказываются менее современными, чем порождаемые эпохой опасности. Не существует строго определенных структур, гарантирующих совладание с наихудшими из возможных бедствий. На вызовы современности приходят малоэффективные ответы, а некоторые их них порождают еще более масштабные вызовы. НТП демонстрирует свою изнанку, обратную сторону выгод от прогресса. Поэтому некоторые лекарства становятся страшнее болезни. Катастрофы, ранее считавшиеся невозможными, мыслившиеся в качестве отдаленных от реальности интеллектуальных конструкций антиутопистов, сегодня становятся все более реалистичными. Следует ожидать не просто масштабных последствий эгоистической деятельности концернов и корпораций, а негативных результатов глобальных последствий. Особый характер рисковости эпохи заключен в воз-

можности уничтожения всего живого на планете посредством принятия и исполнения соответствующих решений. Природные катаклизмы ведь могут вызвать борьбу за ресурсы и особо разрушительные войны, мощный военный потенциал которых также является порождением прогресса. Так что проблема экологической безопасности тесно связана с проблемой военных, социальных, национальных конфликтов. Да и сама по себе экологическая угроза сегодня перерастает какие-либо барьеры, например национально-государственные.

Появление все новых и новых гаджетов влечет за собой упрочение экологических рисков. Такие гаджеты, как кулеры с чистой водой, – изобретения, всего лишь компенсирующие утрату, которую влекут другие изобретения. Но эта компенсация не равнозначна и, соответственно, не создает баланс между приобретением и утратой. В последние годы в обычной водопроводной воде все чаще находят разные химикаты, и поэтому возрастает общественная потребность в покупке так называемой чистой питьевой воды, которая стоит значительно дороже водопроводной. Представляется, что следующим изобретением, которое дополнит собой продажу чистой воды, будет продажа чистого воздуха. Темпы роста загрязнения воздуха значительно опережают темпы его восстановления, так как вредное производство остается вредным, а зеленая площадь планеты сокращается из-за вырубки лесов, постройки дорог, расширения мегаполисной среды и т. д. Апологеты потребления рассуждают примерно так: именно человеческие потребности стимулируют появление новых технологий, а постоянно растущие потребности дают бесконечные возможности для прогресса, который в конечном счете обогатит цивилизацию новыми ресурсосберегающими технологиями. Но нет никакого основания для доказательства тезиса о том, что прогресс в результате избавит нас от побочных результатов своих прежних достижений и выйдет на качественно новый уровень, обеспечив человечество новыми технологиями, позволяющими одновременно сохранить прогрессивные тенденции, потребление и окружающую среду. Этот прогресс теряет свое привилегированное положение, и он *должен* его потерять и десакрализироваться ради спасения человечества.

Не так давно произошла катастрофа в Мексиканском заливе, где вырвавшаяся наружу нефть грозила остановить и/или охладить Гольфстрим, что, в свою очередь, привело бы к масштабному климатическому сдвигу в сторону похолодания, похожему на тот, который – пусть даже в гротескном виде – показан в фильме «Послезавтра». И хотя мировые СМИ утверждают об отсутствии опасности, связанной с выбросом нефти, который произошел в результате деятельности British Petroleum, едва ли следует всерьез воспринимать эти медийные заверения. Во-первых, власти ничего другого и не скажут – ведь они не хотят сеять панику, и потому сакральная фраза «Все под контролем» подходит для любых случаев жизни. Во-вторых, странно, почему в Мексиканский бассейн перестали пускать журналистов и вообще кого бы то ни было; значит, есть что скрывать. Стремление экономического человека максимизировать прибыль путем выкачивания из планеты как можно большего количества нефти привело к тому, что *его жизнь ставит под вопрос не нехватка, а, наоборот, переизбыток ресурсов.* Золотая антилопа, превращая все в золото, грозится слишком далеко завести этот алхимический процесс.

Вода является универсальным природным ресурсом, без которого не могли бы зародиться никакие формы жизни. В последние десятилетия дефицит пресной

воды возникает в регионах, где он ранее не наблюдался, к тому же этот дефицит повсеместно усиливается. Гиперугнетение пресноводной экосистемы, обгоняющее ее самовоспроизводство, влечет изменения и в качественном, и в количественном смысле. Страдают такие характеристики экосистемы, как биоразнообразие и биопродуктивность. Первая выражается в видовом количестве и в показателях внутривидового разнообразия. Вторая рассматривается с учетом производимой биомассы; но не вся биомасса является полезной, так как существуют вредные виды типа водорослей, которые возникают вследствие загрязнения водоемов и приводят к нарушению экологического баланса. Конечно, человек всегда сбрасывал в воду вредные вещества, но загрязнения как такового не происходило, поскольку экосистема успешно боролась с антропогенным фактором и самоочищалась. Загрязняющее воздействие не превышало несущую емкость – предел воздействий на экосистему, превышение которого приводит к ее деградации.

Однако сейчас наблюдается апогей загрязнения, который неуклонно ведет к самым неблагоприятным последствиям. Катастрофа происходит тогда, когда негативное воздействие на экосистему значительно превышает ее способность к самоочищению, так называемый ассимиляционный потенциал. Под негативным воздействием понимается не только прямое загрязнение, но и комплекс других факторов: забор воды, механическая обработка почвы и ее опустынивание, нарушение режима воспроизводства подземных вод и т. д. Так, хлорирование воды является очень вредным для здоровья человека процессом, результаты которого выражаются в снижении интеллектуальных и волевых качеств, а также повышении риска онкологических заболеваний. Однако хлорирование воды продолжается во многих странах… Экстенсивный путь развития, основанный на расширении ресурсной базы при сохранении используемых технологий (например, забор воды), ведет к ресурсному обнищанию. А интенсивный, при котором потребление не растет, но увеличивается эффективность использования ресурсов и сокращаются затраты (например, посредством водосберегающих технологий), способствует выходу из кризисного положения [Данилов-Данильян 2008]. Однако для общества потребления интенсивный путь развития выглядит утопичным, поскольку он требует если не снижения, то «заморозки» уровня потребления, а потребительская идеология требует его роста. Осуществление интенсивной стратегии, касающейся всех аспектов давления человека на природу и выраженной в нормализации антропогенного воздействия на среду и экологизации производства и потребления, будет означать если не рождение нового общества, то глубинную трансформацию общества потребления в то, чем оно пока не является. Без реализации этой стратегии окончательно утвердятся условия, когда нельзя будет взвалить ответственность на природу за те или иные катастрофы, когда актуализируется масса антропогенных катастроф, принимающих облик природных, когда степень социальной незащищенности перерастет любые мыслимые пределы.

Несмотря на водоизбыточность России, не стоит воспринимать проблему водообеспеченности в качестве псевдопроблемы, так как она касается всего мира в целом. К тому же в России хоть и наблюдается избыток воды (в количественном смысле), ее качество оставляет желать лучшего, о чем говорит высокий уровень загрязненности рек и озер. Видимо, обеспеченность этим ценным природным ресурсом в свое время создала определенный стереотип, позволяющий промышленным предприятиям бессистемно и совершенно неэкологично эксплуатировать

воду и загрязнять земли в речных бассейнах. Хоть Россия считается насыщенной пресной водой, необходимо помнить, что в некоторых регионах планеты пресная вода становится дефицитной, а потому и дорогой. И рост ее цены может дойти до критической точки, когда вода станет весомым поводом для войн. Поэтому регионам с большими запасами воды необходимо побеспокоиться об их сохранности, так как, располагая обширными ресурсами и малочисленным населением, трудно удерживать эти ресурсы, которые становятся предметом заинтересованности различных влиятельных акторов и объектом международных конфликтов.

Созданный на международном уровне для лоббирования интересов сильных мира сего Всемирный банк разработал политику приватизации воды, перевода ее на хозрасчет и пришел к выводу, что заботиться о водных потребностях человечества должны ТНК. Мировое потребление воды стремительно растет, и более миллиарда человек на планете испытывает недостаток в питьевой воде. При сохранении текущих тенденций потребность в воде к 2025 г. будет на 56 % превышать доступные резервы, как отмечает С. Голубицкий. В результате вода станет ресурсом, на обретение которого страны начнут брать нескончаемые кредиты у Всемирного банка, а после попадания в ловушку кредитного закабаления должники будут вынуждены выполнить условие перехода их экономики в руки все тех же ТНК и Всемирного банка. В боливийском городе Кочабамба в 2000 г. на улицу вышла львиная доля населения с на первый взгляд смешным лозунгом: «Мы хотим пить». Правительство с помощью полиции подавило протест. Появились сведения, что именно американцы передали правительству слезоточивый газ для усмирения протестующих. Поводом для общественных беспорядков послужила цепочка «кредиты – тотальная приватизация (в том числе водных ресурсов) – переход в американские руки национально необходимых предприятий – ликвидация целых отраслей – потеря природных ресурсов – повышение цен на воду и обеднение людей». Весь проект был осуществлен корпорацией «Бигтел» через подставную фирму, которая заключила договор с правительством Боливии, предусматривающий выплату неустойки в размере 12 млн долларов в случае нарушения последним взятых на себя обязательств. Впоследствии протест перерос в боевое восстание, унесшее жизни людей. В результате корпоратократия была изгнана из страны, а заключенное между ней и правительством соглашение – расторгнуто. Однако за расторжение соглашения боливийское правительство в судебном порядке принудили заплатить неустойку, которая с лихвой покрывает расходы корпоратократии и – даже при незавершении проекта – позволяет ей обогатиться [Голубицкий 2004]. Победа народа в данном случае носит локальный характер и совсем не гарантирует повторения подобных противостояний в дальнейшем в разных странах. Скорее наоборот, политически инициируемая приватизация водных ресурсов заставляет задуматься об отсутствии таких гарантий.

Почва – ресурс, столь же необходимый человеку, как воздух и вода. За свою историю человечество утратило огромное количество плодородных почв, и эта трата продолжается. А между тем почва не только является поставщиком продуктов питания, но и выполняет множество различных функций для биосферы Земли[*]. Почва – благодатная обитель огромного разнообразия жизни планеты, и без сохранения почвы невозможно сохранить это разнообразие. Загрязнения почв

[*] О многообразии функций почвы см.: Добровольский 2008.

радионуклидами, нефтепродуктами, ядохимикатами особенно вредны, поскольку почва в отличие от воздуха и воды не рассеивает элементы отравляющих веществ, а поглощает их. Авторы книги «Потреблятство» приводят следующий иллюстративный пример. Колумбия занимает всего 1 % суши, в ней произрастают 18 % всех видов растений и там живет большинство разновидностей птиц. Когда в конце 80-х гг. фермеры спилили большую часть деревьев, которые создавали тень вокруг кофейных плантаций, объем получаемого кофе увеличился, но возросли эрозия почвы и смертность птиц. При уничтожении естественной среды обитания птиц и других питающихся насекомыми существ насекомые-вредители стали бурно размножаться, и плантаторы перешли на использование пестицидов. Химикаты попали в легкие фермерам и в питательные вещества для животных и растений [Ванн и др. 2005]. Вот такая далеко идущая причинно-следственная связь. Но если мировой рынок требует кофе, а экономика Колумбии основывается на экспорте этого напитка, с экономической точки зрения целесообразно продолжать производство кофе, несмотря на серьезные экологические последствия.

В противовес эсхатологическим концепциям о нерациональном пользовании природными ресурсами выдвигается следующая теория. По мере исчерпания ресурсов их цена возрастает, что вызывает изменения в спросе и предложении. Потребители будут экономнее расходовать подорожавшее сырье и даже станут искать ему замену. Производители же, вдохновленные ростом цены, активно займутся поиском новых месторождений, а также станут по максимуму извлекать ресурсы из известных месторождений; те залежи нефти, которые было невыгодно разрабатывать при 10 долларах за баррель, обретут привлекательность при 50. Этих рыночных эффектов не учитывали авторы прямолинейных прогнозов, предсказывавшие исчерпание запасов через 15–20 лет и т. п. По мере роста цены станут рентабельными иные источники данного сырья. По этой теории, ценовой механизм рынка убережет нас от полного исчерпания запасов природных ресурсов.

Но моментально сократить потребление сырья и найти ему замену или разведать новые запасы невозможно. Готовиться нужно заранее, и для того чтобы мрачные прогнозы не оправдались, они должны иметь место. Такая теория неверна, так как сколько бы люди ни экономили на ресурсах в дальнейшем, как дорого бы те ни стоили, они все равно конечны. Значит, рынок и цена не уберегут их от исчезновения, а только отсрочат его. А даже если уберегут, ресурсы станут по карману только самым богатым и привилегированным, и огромный разрыв в доходах и потребительских благах возрастет еще сильнее. Во время дефицита ресурсов не каждый сможет себе позволить то, что позволяет сейчас. Да и потребительская культура, в отличие от мрачных прогнозов, вместо экономии воспитывает желание тратить и тем самым выступает мощным барьером для претворения в жизнь описанной «экономной» концепции. Вообще данная теория представляется недостаточно логичной, поскольку она видит спасение… в кризисе; мол, чем меньше ресурсов, тем они дороже, тем больше стимулов для экономии и поиска заменителей (вспоминается ленинское «чем хуже, тем лучше»). По мнению А. Никонова, апологета такой теории, активное потребление приводит к кризисам, в том числе к кризису исчерпания ресурсов. Зато кризисы подстегивают мышление, поиск выхода из них, то есть науку. Даже СССР, тративший много средств на науку и оборону, во многих научных областях серьезно отставал, так как не был обществом потребления: потребление способствует росту науки [Ни-

конов 2008]. США являются обществом потребления, но сверхинтеллектуальной цивилизацией Соединенные Штаты назвать сложно, и едва ли где бы то ни было мы найдем прямую зависимость между ростом потребления и ростом науки. Поэтому приведенный Никоновым тезис – не более чем софизм, неуклюжая попытка оправдать потребительство.

Соответственно актуализируются три основные проблемы, требующие решения как можно скорее: 1) экологическая ситуация, связанная с колоссальным загрязнением природной среды; 2) конечность природных ресурсов; 3) расточительство, свойственное культуре потребления. Все эти проблемы взаимосвязаны, что значительно затрудняет их решение. Во-первых, необходим поиск новых производственных технологий, с помощью которых появилась бы возможность безопасно использовать энергию (вовлечение чистых источников энергии). Это послужило бы сохранению экологии не в ущерб экономике. Во-вторых, важна интенсивная разработка принципиально новых технологий, которые бы обеспечили не просто безопасность для окружающей среды, но и разумное использование ресурсов (вовлечение возобновляемых источников энергии). Ведь экономика наиболее устойчива при минимальном расходовании невозобновляемых ресурсов и их замещении возобновляемыми. В-третьих, крайне необходимо активное воздействие на культурные ценности для их трансформации из потребительских в экономные.

Явление вторичного использования природных ресурсов вступает в противоречие с образом жизни, основанным на трате. Вторичное использование ресурсов прослеживается на различных уровнях: от изготовления сухарей из невыброшенного черствого хлеба до демонтажа воздушного лайнера с извлечением еще пригодных приборов и разрезкой корпуса для последующей переплавки. Сгрудившиеся в военных портах отслужившие свое атомные подводные лодки – признак серьезного изъяна в теории, практике и экономике природопользования. Использование бумажной макулатуры позволяет при производстве одной тонны бумаги и картона экономить 4,5 $м^3$ древесины, 200 $м^3$ воды, в 2 раза снизить затраты электроэнергии. В 2–3 раза снижается себестоимость продукции. 15–16 взрослых деревьев остаются на корню. Из 1 т отходов полиэтилена получают 860 кг новых изделий, что экономит 5 т нефти [Дежкин и др. 2008]. Утилизация – один из наиболее важных компонентов экологического поведения.

Еще в эпоху фундированного христианством европейского Средневековья господствовало мировоззрение, согласно которому человек создан по образу и подобию божьему, и это привилегированное положение позволяет ему возвышаться над всем остальным миром, над природой. В Новое время, когда появился культ индустриального разума, идеология антропного хозяйствования во Вселенной получила практическое техническое обеспечение. Противопоставляя себя природе, человек не осознавал до конца свою зависимость от нее. Однако человек стал оказывать воздействие на природу не в век потребления, не в век Нового времени и даже не во времена Средневековья. На протяжении своей истории он постепенно наращивал давление на окружающую среду. Отношения сотрудничества плавно перетекали в компромисс, после чего обретали форму жесткой конфронтации. Природа долгое время справлялась с нарастающим антропогенным влиянием; но так не могло продолжаться бесконечно долго, что в итоге и привело

к экологическому кризису. Настоящее время – эпоха перемен, когда природный отклик на человеческую деятельность ощущается наиболее болезненно.

В первобытном состоянии человек путем естественного приспособления к природе обнаруживал свое единство с ней. Затем он стал менять окружающую среду в соответствии со своими потребностями. На смену присваивающему типу хозяйства пришел производящий; вместе с тем расширялся спектр человеческих потребностей, которые выходили далеко за рамки биологических, необходимых для выживания. Относительный достаток производимых продуктов обеспечивал демографический рост на планете, а расширение потребностей было сопряжено с появлением новых ремесел и усложнением культуры и общества. Общественные события отличались неотделимостью от природных; так, труд и отдых соотносились со сменой дня и ночи, а сев и сбор урожая повторяли времена года. Время было цикличным, основанным на традиционности, обращенности в прошлое; повторение прежних действий гарантировало достижение воспроизводства на прежнем уровне и отсутствие вредных изменений. Но впоследствии сельское хозяйство и ремесленное производство перестали в полной мере удовлетворять человеческие потребности, так как они позволяли производить ограниченный как в количественном, так и в ассортиментном отношении прибавочный продукт. Возникла необходимость в промышленной революции, с которой связаны многообразие новых технологий, фабричная организация труда, массовое производство, поточность стандартизированных товаров и переход на ископаемое топливо [Новожилова 2011: 13–22].

Ранее люди сами производили необходимые вещи, прилагая к этому процессу огромные усилия. Потом производство стало стандартизированным, и люди уже перестали осознавать трудности в создании вещи, а сами вещи начали воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Недаром часть современных потребителей ведет себя так, будто не понимает, что не все такие, как они, что массы людей трудятся, чтобы обеспечить их возможностью потреблять. Производственно-торговая деятельность отделялась от сезонности и приближалась к линейной темпоральности и точной хроноструктуре. Коммерция и промышленность приобрели статус основных сфер деятельности, а торговые связи между сообществами стали обычным делом. Началась эпоха глобализации, когда общества сближались посредством постоянных контактов. Это сближение давало возможность идти в ногу со временем, приобретая новые предметы и технологии, созданные в других обществах, но и делало народы зависимыми от общей политико-экономической ситуации в мире. Сейчас наметилась тенденция проявления общей экологической ситуации в мире.

На протяжении почти всего своего существования человек успешно учился вырубать и выжигать леса и засорять природную среду, но ранее он, как правило, делал это по необходимости, для удовлетворения вполне реальных потребностей, и поэтому природа, будучи готовой к давлению со стороны человека, могла стойко это давление переносить. Сейчас же борьба с природой происходит под лозунгом фиктивных потребностей, в угоду принципу «потребление ради потребления», своей целевой самозамкнутостью демонстрирующему и свою полную бессмысленность.

Если в прошлые века процесс наступления человека на природу неуклонно нарастал, но еще не вызывал беспокойства, то с середины XX в. началось вполне

очевидное разрушение экосистемы. Человек научился создавать соединения, неизвестные природе, и вообще конституировать для себя жизнь, бесконечно далекую от той, которую именуют природной. В результате происходят невиданное ранее загрязнение воды, почвы и воздуха и подрыв основ существования многих видов рыб, птиц, животных и растений. Преодолевая суровость природы, человек стремительно множил свою численность и вместе с тем снижал планетарное биоразнообразие. Разум, на котором зиждется НТП, решает одни задачи, выгодные определенному субъекту, носящие сиюминутное значение и тем самым создающие огромные проблемы другим субъектам, а возможно, и самому инициатору решения этих задач в долгосрочной перспективе. Он не задумывается о том, что добавление нитратов в агропосадки ради уничтожения мешающих их росту микробов приведет к попаданию нитратов в грунтовые воды, а это повлечет за собой необходимость выделения значительных средств на строительство и более интенсивное использование водоочистительных сооружений. НТП решил многие проблемы, но и конституировал массу новых – еще более глобальных, чем прежние. Именно в XX в. ярмарка тщеславия достигла апогея. Хотя это время и было отмечено огромным количеством научных открытий, данный скачок обошелся очень дорого как человечеству, так и «земле обетованной». «Разумное» и требующее минимум издержек решение сиюминутных проблем привело к появлению еще более значимых проблем: площадь создаваемых человеком пустынь растет, озоновый слой истончается, много видов животных, птиц и растений исчезло.

Культура потребления требует увеличения производства, для чего необходимо огромное количество сырья, добыча и переработка которого зачастую энергозатратны и разрушительны. Истощение ресурсов, с одной стороны, и нарастание объема отходной массы – с другой, вытесняют естественное обновление природы. Без примата экологии и этики над экономикой человечество идет к катастрофе все более убыстряющимся шагом. К сожалению, идеология потребления вместо таких концептов, как экономия, солидарность, ограничение и аскетизм, возвеличивает противоположный концепт – максималистскую и безответственную трату. Планета Земля из родного дома превратилась в товар. Вещизм поработил человека, когда человек поработил вещество. «Громкие голоса экологов о бесперспективности столь увлекательного мирового соперничества за количество и качество потребления тонут в потребительски ориентированном водовороте перемалывания природы, человеческих сил и территорий. Рутинная повседневность жизни, перемежающаяся катаклизмами, войнами, революциями, поглощает все призывы об осторожности в обращении с огнем безраздельно растущего перепотребления на полюсе изобилия (на Западе, да и на развитом Востоке), и тлеющим костром недопотребления на полюсе бедности и выживания (на Юге)» [Козловский 2011: 55–65].

Освободившись от природы, человечество ввергло себя в зависимость от создаваемых им же артефактов. Так, в современном мегаполисе не осталось природного и естественного. Прогресс НТР следует рассматривать не как прогресс человечества, а как преодоление своей биосоциальной сущности, самих себя, которое не ведет ни к какой человеко- и миросохраняющей цели. «Необходимо по-новому, строже, чем когда-либо, поставить вопрос об этическом контексте любого знания и любого типа действия, так как Homo faber – человек деятельный – не должен подавлять Homo sapiens – человека разумного. В противовес этике ан-

тропоцентрического гуманизма, осуществившей яростную денатурализацию человека, его максимальное отдаление от nature, необходимо отстоять собственное этическое право природы, переформулировав кантовский категорический императив посредством включения в него коренной задачи выживания человека и природы: "Поступай так, чтобы последствия твоего действия отвечали задаче непрерывности подлинно человеческой жизни на Земле"» [Фролова 2008: 1050–1051].

Сегодня предсказание о глобальном потеплении стало как недоказанным, так и распространенным убеждением, вызывающим чуть ли не панику в некоторых странах. Оно стало слишком удобным… Скорее всего, оно было сформировано для того, чтобы, видя в качестве причины якобы надвигающейся катастрофы человеческий фактор, затормозить процесс промышленного производства, а вместе с тем и развития некоторых стран. Экологические проблемы действительно в последнее время становятся все более актуальными, и в своей совокупности они ведут планету к катастрофе, которая, правда, вряд ли примет форму глобального потепления. Однако мировые СМИ предвещают невероятно масштабное повышение температуры вследствие выбросов углекислого газа и связывают это повышение с грядущим потопом. На этой почве было создано Киотское соглашение, обязывающее как развитые, так и развивающиеся страны сократить выбросы парниковых газов. И эта пропаганда преследует не только цель экологизации, но и цель снижения роста развивающихся стран, удушение их промышленности, а значит, экономической и энергетической независимости. Неудивительно, что сильные мира сего также потребовали от других стран не использовать необходимое для производства холодильников вещество под названием «фреон», которое якобы угрожает озоновому слою планеты; то есть они делегитимировали производство другими странами крайне важного оборудования – холодильного. Помимо этого они, вооружившись риторикой о небезопасности для человечества атомной энергетики и ссылаясь на Чернобыльскую катастрофу, стали призывать к отказу от атомной энергетики, которая является важной частью суверенитета стран.

Причем Киотский протокол не учитывает климатическую разницу стран-подписантов; так, в России только на отопление уходит много энергии, поэтому при следовании данному протоколу придется распрощаться и с промышленностью, и с теплом. Так, может, если сомнительный прогноз о потеплении как следствии выброса CO_2 реализуется, он будет России выгоден, хотя, конечно, на состоянии атмосферы отразится выброс вредных веществ? Меньше придется тратить энергоресурсов на обогрев, и, соответственно, в стоимость производимых в нашей стране товаров уже не будет входить стоимость затраченного на сопутствующий обогрев топлива. А таяние льдов ныне бесполезного для судоходства Северного Ледовитого океана обеспечит постоянную доступность Северного морского пути. В таком случае реализация Киотского протокола еще более самоубийственна, так как она лишит нас не только львиной доли промышленности, но и серьезных экономических потенций, связанных с экономией на потреблении ресурсов, и вытекающего отсюда повышения уровня жизни россиян.

Интересно то, что США не стали присоединяться к данному документу, хотя доля их выбросов в атмосферу, согласно одним источникам, составляет 1/7 от общего количества выбросов [Николаевский 2010: 111–117], а согласно другим –

25 % [Ванн и др. 2005]. Кроме того, США потребляют за счет порабощенного ими третьего мира огромное количество ресурсов, гораздо большее, чем кто-либо другой. Преобладание империалистических американских мотивов, а также свойственных их корпорациям интересов «экономической целесообразности» идут рука об руку с искажением экологических приоритетов. Антиэкологические практики для мирового лидера выгодны, так как корпорации заинтересованы в экономии на издержках, которые несут природоохранные меры. Они лоббируют понижение экологических стандартов по отношению к себе со стороны национальных правительств, но поддержание их на высоком уровне по отношению к национальным компаниям. Соблюдение экологических требований приведет к огромным потерям в бизнесе, чего ТНК и покровительствующие им Соединенные Штаты позволить себе не могут, но пытаются навязать другим. Возникает дилемма мирового масштаба: богатые страны не желают поступиться своим потребительским образом жизни, а бедным просто необходим экономический рост, поддерживаемый за счет увеличения промышленного производства, уровень которого (и объем выбросов) не идет ни в какое сравнение с уровнем (и объемом выбросов) развитых стран. Мировой гегемон, ответственный за огромную долю загрязнения, абсолютно непропорциональную численности его населения, пытается возложить бремя ответственности за климатические изменения и решения этих проблем на тех, чей вклад в загрязнение природной среды намного ниже. Если бы все страны мира резко повысили уровень потребления до той отметки, которая свойственна США, планетарная катастрофа произошла бы внезапно. США вообще не приемлют никаких международных ограничений для себя, но воздействовать на весь мир пытаются изо всех сил. Американцы наверняка понимают, что если все будут поступать таким образом, человечество исчезнет, но наделяют себя исключительной привилегией, думая, что все так не поступят, а потому и бояться здесь особо нечего; «мы будем зарабатывать, а они нас спасут». Это доказывает не только наглость американской внешней политики, но и факт реагирования рыночной экономики непосредственно на краткосрочные перспективы, а не на долгосрочные интересы. Здесь заключается еще одно отличие капитализма от социализма; преобладание человека экономического над человеком разумным. Далеко не каждое действие человека основывается на разуме, так же как и далеко не вся деятельность человечества укладывается в рамки разума, поэтому стоит поставить под сомнение убежденность в том, что человечество живет именно в ноосферном пространстве.

К сказанному стоит добавить, что обязательства развитых стран ежегодно отчислять 0,7 % своего ВВП на охрану окружающей среды и помощь слаборазвитым странам, соответствующие решению Конференции ООН по окружающей среде 1992 г. в Рио-де-Жанейро, не выполняются [Барлыбаев 2008]. Те, кто благоденствуют (не только правительства развитых государств, но и многие погрязшие в коррупции политические элиты развивающихся стран), понимают необходимость изменения экологической ситуации – прежде всего не для будущего человечества, а для своего будущего. Но они желают возложить обязанность реализации этих изменений на чужие плечи, предпочитая оставаться в стороне.

Крайне ошибочно оправдывающее недостаток российского производства представление, будто Россия призвана вечно выкачивать нефть и газ, а другие страны призваны их покупать. Добыча нефти не простирается в вечность, так как

отсутствует достаточная компенсация вновь открываемыми месторождениями уже использованных, и эту истину поймут наши обнищавшие потомки. Вообще в медиасреде имеются разные оценки объема залежей природных ископаемых в России. В официальных СМИ фигурируют крайне оптимистичные оценки, которые объясняются тем, что СМИ принадлежат правительству и экспортерам ресурсов (что в принципе одно и то же); не будут же они, основывая экономику на сырье, говорить о недостатке этого сырья и тем самым возбуждать народное возмущение по отношению к самим себе. Но если мы прислушаемся к мнению А. П. Паршева [2005], то выводы относительно объема залежей будут не очень оптимистичными. Точные данные по их объему отсутствуют. И даже если бы он соответствовал самым оптимистичным прогнозам, нельзя выстраивать экономику на сырье (когда-нибудь оно все равно закончится) и, несмотря на крайне тяжелые для производства климатические условия в России, необходимо переориентировать экономику с сырьевого вектора на производительный.

Для поддержки отраслевой экономики необходимо модернизировать, а также инвестировать производство. Это требует серьезных финансовых и временны́х вливаний, причем нет гарантий, что получится создать качественный и конкурентоспособный продукт, который «с руками оторвут». А нефть «отрывают», и работать для ее продажи особо не требуется; сырьевая экономика, в отличие от отраслевой, дает возможность обогащаться здесь и сейчас. Она отдает большее предпочтение спекуляции, а не производству. Соответственно она выглядит более заманчивой. Но ее выбор идет рука об руку с лицемерным принципом «после нас хоть потоп». Даже при выборе между постройкой промышленного предприятия или торгово-развлекательного комплекса чиновники предпочитают выбирать второе, поскольку развлекательный комплекс даст прибыль немедленно, а промышленный объект – спустя значительное время; такой выбор вполне укладывается в рамки узкой и беспечной потребительской стратегемы «здесь и сейчас». Он реализует экономическую пользу для частных лиц, но не страны.

Маловероятно, но возможно, что в связи с нахождением экологически чистого заменителя нефть утратит свою нынешнюю ценность, упадет в цене и… окончательно погаснет звезда пленительного счастья российской экономики, если последняя к тому времени не перейдет с сырьевого на производительный вектор. С ростом конкуренции в области добычи нефти и газа или с появлением их заменителей российские (и арабские) газонефтяные ресурсы мало кому понадобятся и уже мало кто захочет быть зависимым от РФ. Призывы к полному отказу от нефти утопичны, так как она является не только источником для работы транспорта, но также сырьем для производства асфальта и пластмассы, а часть электроэнергии производится из нефтепродуктов. Однако менее утопичен прогноз о падении ценности нефти, что сильно повлияет на российскую экономику. В случае перехода мирового сообщества на более экологически чистое топливо природа вздохнет с облегчением, но российская экономика испытает серьезный удар из-за ее спекулятивности и ориентированности на краткосрочную выгоду. В случае же падения цен на нефть (выгодного нашим геополитическим конкурентам), даже без перехода человечества на альтернативные энергетические источники, российская экономика также потерпит крах. Именно этот сценарий наиболее вероятен в стране, где большее внимание удается спекуляциям, где призывы о модерниза-

ции раздаются разве что только в новостях и успешно компенсируются откатами, рейдерством и взяточничеством.

Упасть в цене «черное золото» может в том числе и под влиянием наших весьма сильных геополитических конкурентов, которые не заинтересованы в продаже Россией нефти по высоким ценам. А заменитель искать надо, поскольку вызванный антропогенным фактором экологический кризис все более привлекает к себе внимание. Возникает щекотливая ситуация, основанная на дилемме: *или экологически чистая бедность, связанная с недобычей и неиспользованием природных ресурсов, или экологически вредное богатство*. Поэтому полезным было бы политическое влияние на состояние экономики и экологии. К первому относятся отход от сырьевой ориентации и действительная модернизация. Ко второму следует отнести поиск «экологической чистоты» в секторах добычи и производства, (возможно) введение налога на эмиссию CO_2, влияние на корпорации, чтобы они инвестировали средства в новые экологически чистые технологии. Список, конечно, можно продолжить. При реализации этих стратегий, относящихся как к экономической, так и к экологической сферам, представляется возможным преодолеть противоречие между экологией и экономикой. При рекламируемом во всем мире либеральном режиме невмешательства государства в экономику это сделать будет сложно. Однако сегодня самое время говорить о необходимости нахождения принципиального заменителя, альтернативы вредному производству. И не просто о необходимости его нахождения, но и внедрения. Хоть сейчас и пишут об огромных месторождениях гелия-3 на Луне, 1 тонна которого дает столько же энергии, сколько 14 млн тонн нефти [Привалов 2009], пока неизвестно, чем закончится его добыча (если она и будет начата). Активный поиск новых ресурсов важен, но сам по себе, без совмещения с культурным переходом на непотребительские идеалы, он малополезен.

Сегодня участились разговоры о переходе автомобилей на «гибкое» топливо, которое будет приносить меньший вред атмосфере. Также говорят об усовершенствовании автомобилестроения таким образом, что автомобили, по-прежнему работая на бензине, будут более экономно расходовать данное топливо. Но переход на принципиально новое топливо повлечет за собой тотальную реконструкцию мировой инфраструктуры, а это потребует очень много времени. Да и вряд ли американский политический и экономический истеблишмент всерьез планирует переходить на новые энергоресурсы, и уж тем более он не заинтересован в том, чтобы на эти ресурсы переходили другие страны, конкуренты. Ведь не для того американцы вели затратные войны, влекущие долгожданный захват нефтяных месторождений, чтобы потом просто взять и перейти на альтернативные источники энергии. Этот переход обесценит львиную долю политических инициатив США, а также приведет к банкротству ТНК, специализирующихся на, скажем так, традиционной энергетике.

Потребление является причиной и условием кризиса личности, общества и природы. Когда в обществе нарастает удельный вес апологетов меркантильного потребления, социум заражается этой идеологией, что в конечном счете приводит не только к самодеградации, но и к хищническому отношению к природным богатствам. Большая доля ответственности за ухудшение экологии должна возлагаться в том числе на государство, задача которого – стимулирование инвестиций

в новые ресурсосберегающие и экологически чистые (биосферосовместимые) технологии. Эти технологии способны не только снизить оказываемое на природную среду давление, но и посредством инновационного потенциала, обеспечивающего ресурсоемкость, а потому и низкую себестоимость продукции без потери качества, увеличить конкурентоспособность отечественного товара. Речь идет прежде всего об инновационных проектах, связанных с использованием энергии солнца, ветра, приливов. Без грамотной государственной политики и вне взаимодействия с другими странами экологическую проблему решить невозможно. «Если раньше человечество испытывало локальные и региональные экологические кризисы, которые могли привести к гибели какой-либо цивилизации, но не препятствовали дальнейшему прогрессу человеческого рода в целом, то теперешняя экологическая ситуация чревата глобальным экологическим коллапсом, поскольку современный человек разрушает механизмы целостного функционирования биосферы в планетарном масштабе» [Горелов 2009]. В борьбе с масштабным экологическим кризисом частногосударственных средств явно недостаточно. Экология стала общенациональной проблемой, и соответственно реализация экологических проектов требует совместных действий правительств всех стран. Защита окружающей среды должна стать элементом политики любого государства. Так как каждая страна интегрирована в единую глобальную систему, забота о природе призвана быть одним из основных аспектов международного сотрудничества.

На некоторых научных конгрессах все чаще слышатся осознанные призывы к созданию мирового правительства, которое сможет совладать с возникшей экологической ситуацией. Однако эти легитимирующие идею формирования мирового правительства призывы нужны тем, кто стремится к мировому господству. Следует знать, что целенаправленная поддержка данной идеи ни к чему хорошему не приведет. В целях ее легитимации часто спекулируют на невозможности самостоятельного (национального) решения как экологических проблем, так и проблем, связанных с так называемым мировым терроризмом.

Проблема состояния окружающей среды не является сугубо политической, а потому не поддается решению одними лишь политическими средствами. Не стоит также забывать о том, что смягчение экологической опасности связано с соответствующими сдвигами в мировоззрении и образе жизни. Конституировать мировоззренческий переход от потребительских ценностей к ценностям умеренности, самоограничения и коллективизма у жителей развитых стран очень сложно. Они настолько глубоко интегрировались в жизнь представителей “welfare state” (или просто обществ, не являющихся благоденствующими, но пронизанных этой идеологией, как Россия), стали самой сутью человеческого существования, что подвергнуть их резкой трансформации не представляется возможным. Поэтому жители развивающихся и откровенно бедных стран, не привыкшие к роскоши, скорее всего, более лояльно относятся к факту каких-то материальных потерь, которые пойдут на общее дело. Но этот тезис не означает бесполезности и тщетности культурных сдвигов в среде потребительских обществ; несмотря на трудность их осуществления, а также и благодаря этой трудности, *необходимо сделать все возможное, чтобы потребительская идеология стала днем вчерашним в деле решения проблем сегодняшних и завтрашних, ибо сдержанность есть морально-психологический фундамент планетарной выживаемости человечества*. «По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым

понятием в котором будет предел (*limit*): роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, вооружения и т. д.» [Гринин 2008].

Не имея достаточного объема знаний о состоянии окружающей среды, человек не может переориентировать свой образ жизни в сторону инвайронментализма. Поэтому необходима качественная информатизация общества о проблемах экологии и особой актуальности этого вопроса на сегодняшний день. Информированность в результате должна не просто расширять знаниевую базу, а обогащать «практическое мировоззрение» и приводить к осознанию значимости роли даже одного человека в деле сохранения природы. Только при достаточной информированности вкупе с отказом от нарциссично-обывательской потребительской парадигмы система знаний способна перерасти в систему убеждений, которые, в свою очередь, сформируют соответствующий образ жизни. Приведем две цитаты. «Если не осознавать ценности самого “инвайронменталистского” образа жизни, ценности сохранения природы для каждого человека и общества в целом, то переход к экологически ориентированному образу жизни навсегда может остаться в сфере мечтаний и желаний, а не реальности» [Титаренко 2011: 35]. «…Экономическое сознание как сознание ответственное исходит из понимания факта ограниченности ресурсов и необходимости их наиболее рационального потребления. Но от экономического сознания до ответственности поведения субъектов хозяйственной практики дистанция огромного размера. Соблазны и искушения, страсти и эмоции постоянно заставляют человека отклоняться от первоначально установленного мотива поведения. Тем самым мотив не становится императивом, побуждение – нормой, установка – правилом, мысль – убеждением» [Матвеева 2011: 20].

Некоторые ученые, посвятившие свои труды проблематике потребительства и его влияния на экологию, настолько увлекаются критикой покупательского поведения человека, что молчаливо предлагают ни много ни мало вообще перестать покупать. Это предложение носит молчаливый характер потому, что его прямая вербализация выглядит крайне абсурдной. Однако впавшие в безудержную критику современной цивилизации экологи в своих умопостроениях приходят именно к такому выводу, который носится в воздухе, но не высказывается. Звучит он примерно так: «Хочешь сохранить природную среду – перестань покупать». Акцентируя внимание на большой совокупности природных ресурсов, необходимых для создания телевизора, компьютера, кофемолки и прочих изобретений техносферы, они намекают на отсутствие необходимости пользоваться этими изобретениями, а значит, их покупать и, соответственно, производить. Вряд ли эти авторы сами живут в пещерах, носят набедренные повязки и принципиально отказываются от использования в своей жизни данных технических гаджетов. Поэтому такой выходящий за рамки приличия морализм, пропитанный ханжеством и лицемерием, неуместен. Впадая в него, исследователь забывает различие между потребительством и просто покупательским поведением. Второе ориентировано на необходимость для жизни, обеспечение минимального комфорта и не имеет связи с модным расточительством, подчеркивающим статусность. Производство всех используемых человечеством гаджетов, да и само применение в повседневности некоторых из них, оказывает негативное воздействие на окружающую среду, последствия которого распространяются по всей экосистеме планеты. Однако *вынужденное воздействие является не потребительской тенденцией, а всего лишь*

средством существования. Реализовывать покупательское поведение необходимо каждому человеку, но оно должно быть рациональным, основанным на осознании действительной нужности тех или иных предметов и не должно перерастать в оголтелое потребительское поведение.

Жители стран, отличающихся высоким производством потребительских гаджетов, гордо заявляют, что у них наблюдается рост ВВП, улучшается экономика и т. д.; мол, потребление, постоянно стимулируемое у людей желание покупать вкупе с огромным массивом производимых товаров дают экономике возможность развиваться. Соответственно бесконечная и бессмысленная стратегия покупок не нужного, а рекламируемого, сопряженная с высокой покупательной способностью, заставляет экономику двигаться вперед. Но не является ли это движение, основанное на увеличении объемов производства и количества потребностей, таким же бессмысленным? Экономический рост трудно назвать самой главной ценностью, ради которой следует использовать любые средства. В эпоху, когда благодаря перепроизводству потребительская культура стала доминирующей культурной тенденцией, когда возросла актуальность экологического кризиса, связанного с превзошедшими порог собственной избыточности производством (перепроизводством) и потреблением, едва ли стоит закрывать глаза на явные негативные факторы (нравственно-экологические) и акцентировать внимание на позитивных (экономических). Все-таки экономика, нравственность и экология развиваются за счет друг друга, а не параллельно. Поэтому при наблюдении позитивных подвижек в одной сфере вовсе не обязательно возникнут такие же позитивные изменения в другой. Изобилие достигается дорогой ценой, и цель не оправдывает средства. ВВП растет за счет создания не только нужных товаров, но и фиктивных, за счет растущих свалок вследствие моды на смену товаров, за счет вырубки лесов, выкачивания нефти, ухудшения почвы и прочих экологически вредных антропогенных факторов. Поэтому растущий ВВП – не показатель здоровья нации. Экономический рост, устремленный в бесконечность, для планеты враждебен. К тому же он удовлетворяет те потребности, которые сам создает, и процесс удовлетворения не успевает за процессом создания. Поэтому он не делает людей более счастливыми.

Совокупный результат всей человеческой деятельности не способствует повышению жизнепригодных свойств среды. Если так будет происходить далее, человек закрепит за собой статус не только убийцы биосферы, но и самоубийцы, поскольку он является частью этой биосферы, а не демиургом, способным подчинить себе природу. Безудержное экономическое соперничество стран, сопряженное с растратой ресурсов и подстегивающее такое же безудержное потребление сейчас, обязательно приведет к необходимости расплачиваться потом. И эта расплата, возложенная на плечи будущего поколения, окажется крайне серьезной. Явно наши потомки не ответят нам благодарностью за те проблемы, которые мы создали и взвалили на них. Ставя под угрозу жизнь потомков, человек реализует негативно-опережающее действие (сначала делает, а потом осознает последствия), чем подавляет не только природный инстинкт самосохранения, но и всякое чувство ответственности перед будущими поколениями. *Принцип «Не навреди!» по отношению к окружающей среде безвозвратно устарел и должен смениться принципом «Спаси любой ценой!»*. Наличие планетарных экологических проблем, общих для всех стран, порождает нацеленность на их совместное решение и при-

дает международно-политической системе конструктивный стержень для экологической деятельности. *Необходимо создание не планетарной культуры, о которой много говорят и которая на практике сводится всего лишь к приведению многих культур к общему знаменателю, а планетарной экологической этики как некоей общекультурной универсалии, построенной на глубоком сходстве экологических ценностных ориентаций и стимулирующей соответствующее общесоциальное поведение. Она должна привести к регулированию отношений по защите экологии человеком от самого себя. Пусть экологическая этика будет представлять собой единство в культурно-национальном многообразии. Именно на ней как наднациональной системе регламентации должно основываться международное экологическое право – работающее, а не номинально созданное. И работающее явно не в одностороннем порядке, как происходит со многими соглашениями и конвенциями, а являющееся действующим результатом консолидированной воли мирового сообщества*.

Конечно, в политическом, идеологическом, экономическом и экологическом плане каждая страна сейчас, не отходя от принципа «с волками жить – по-волчьи выть», чтобы сохранить целостность и не попасть под внешний диктат, должна выстраивать стратегию национально ориентированного эгоизма. Именно национально, а не индивидуально ориентированного, как это делают некоторые диктаторы, забывающие про интересы народа и сохраняющие целостность страны не для народного процветания, а сугубо для личного благополучия. Однако этот путь хоть и имеет массу плюсов по сравнению с путем конформного следования директивам США, которые стремятся навязать выгодный для себя режим другим странам, все-таки соответствует стратегии занимания лучшего места в аду, где все обратились против всех. В идеальном смысле ад должен смениться чем-то бóльшим, миром, где не перекладывается по-детски ответственность с одних на других, когда одни говорят, что, мол, пусть сначала мои соседи снизят вредное производство, а потом уже этим займусь и я. В этом и заключается экологическая этика будущего. Экологическая безопасность не призвана обеспечиваться для какой-то одной страны и одного народа. Бессмысленно выстраивать эту безопасность в контексте национального эгоизма, так как она может быть лишь равной для всех акторов планетарной системы.

Литература

Барлыбаев Х. А. Глобализация: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 2. С. 12–20. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129849/

Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

Ванн Д., Нэйлор Т., Де Грааф Д. Потреблятство. Болезнь, угрожающая миру. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005.

Голубицкий С. Как зовут вашего бога? Великие аферы XX века. М. : Бестселлер, 2004. Т. 1.

Горелов А. А. Глобализация как объективная тенденция мирового развития [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2009. № 1. С. 79–90. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129906/

Гринин Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 1. С. 86–97. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129828/

Данилов-Данильян В. И. Глобальная проблема дефицита пресной воды [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 1. С. 45–56. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129824/

Дёжкин В. В., Снакин В. В., Попова Л. В. Восстановительное природопользование – основа устойчивого развития [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 2. С. 95–113. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129867/

Добровольский Г. В. Деградация почв – угроза глобального экологического кризиса [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 2. С. 54–65. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129855/

Козловский В. В. Общество потребления и цивилизационный порядок современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV 5(58). С. 55–65.

Матвеева А. И. Духовная природа личной ответственности: социально-онтологический и антропологический аспекты // Вопросы культурологии 2011. № 12. С. 17–21.

Николаевский Д. А. Демография и ресурсы: факторы цивилизационных перемен // Социс. 2010. № 3. С. 111–117.

Никонов А. Верхом на бомбе. Судьба планеты Земля и ее обитателей. СПб. : Питер; НЦ ЭНАС, 2008.

Новожилова Е. О. Социоэкологическая антропология // Социс. 2011. № 3. С. 13–22.

Паршев А. П. Почему Россия не Америка? Книга для тех, кто остается здесь. М. : Крымский мост-9Д, 2005.

Привалов Н. Г. О возможной катастрофе 2030–2050 гг. [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2009. № 1. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129898/

Титаренко Л. Г. Экологический образ жизни минчан // Социс. 2011. № 3. С. 32–37.

Фролова И. В. Современный человек и экология: на пути к новой этике // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 4. С. 1050–1052.

Beck U. From Industrual Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. February. Vol. 9. No. 1. P. 97–123.

МЕСТО СТАТИСТИКИ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Салин В. Н.
к. э. н., профессор, заведующий кафедрой статистики
Финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: salvini@rambler.ru

Попова А. А.
к. э. н., доцент кафедры статистики
Финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: popova9111@gmail.com

Шпаковская Е. П.
к. э. н., доцент кафедры статистики
Финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: epsh51@mail.ru

В статье рассматриваются влияние глобализации мирового экономического пространства на развитие статистики, истоки, становление и развитие макроэкономической статистики, международные стандарты статистического учета. Особое внимание уделяется методологическим проблемам национального счетоводства. Рассматриваются система показателей СНС, идеология макроэкономического анализа на основе консолидированных счетов, некоторые изменения, внесенные в международный стандарт по национальному счетоводству 2008 г.

Ключевые слова: *глобализация информационного пространства, статистика и управление экономикой страны, макроэкономическая статистика, система национальных счетов, макроэкономические показатели, консолидированные счета, статистическая методология, система статистических показателей, международный стандарт в области национального счетоводства.*

The article addresses influence of globalization of international economy on statistics, development of macroeconomic statistics, international standards of statistical accounting. Special consideration is given to complex methodological aspects of national accounting. It also reviews the System of National Accounts and approach to macroeconomic analysis based on national accounts, as well as series of amendments introduced to national accounting standards in 2008.

Keywords: *globalization of information space, statistic and state managerial economics, macroeconomic statistics, system of national accounts, macroeconomic indicators, consolidated accounts, statistical methodology, statistical indices, international standards in national accounts.*

В условиях глобализации мирового экономического пространства все больше внимания уделяется проблеме создания системы управления общественными

процессами на мировом уровне, «способной обеспечить принятие и исполнение управленческих решений <…> посредством формирования и эффективной работы соответствующих структур и механизмов» [Чумаков 2012: 32–34]. Необходимость глобального управления общественным развитием для сохранения современного мира как единой геобиосоциосистемы особенно остро понимается мировым сообществом в период экономических кризисов, природных катаклизмов, войн и других потрясений [см.: Он же 2010: 3–15].

Одним из необходимых условий управления мировым сообществом, регулирования тех или иных направлений его деятельности, самоидентификации стран в мировой экономике является глобализация информационного пространства, подразумевающая использование единой методологии статистического исследования, соблюдение единых принципов сбора информации, методов расчета и анализа статистических показателей, гармонизацию и унификацию состава и способов представления информации.

Идея измерения и описания экономических явлений и процессов возникла давно. Воплощение ее казалось изначально невозможным. Как свести в единую систему множество различных типов хозяйствующих субъектов, обладающих финансовыми и нефинансовыми экономическими активами, множество совершаемых ими экономических действий, множество результатов этих действий в виде создания, передачи, накопления стоимости? Как преобразовать это море разнообразнейших сведений в стройную систему показателей, характеризующих условия и результаты развития сначала национальной, а затем и мировой экономики, которые позволили бы оценить ее состояние и разработать меры по коррекции развития?

Но общественное знание не стоит на месте, и многие проблемы, неразрешимые вчера и сегодня, могут быть успешно решены завтра. Можно продолжить вслед за А. Б. Вебером: «Кто бы мог в середине XIX в. вообразить себе появление спустя сто лет Организации Объединенных Наций? Кто мог полвека назад представить себе, что из Европейского объединения угля и стали вырастет нынешний европейский союз?» [Вебер 2009: 15]. Кто бы мог подумать, что оценки национального дохода, предпринятые У. Петти и Г. Кингом в XVII в., «экономическая таблица» Ф. Кенэ в XVIII в., концепция сферы материального производства А. Смита, схемы простого и расширенного воспроизводства К. Маркса, расширенная концепция производства и подходы к определению годового дохода страны А. Маршалла, работы В. Леонтьева по изучению межотраслевых связей создадут основу, на которой расцветет макроэкономическая теория и будут созданы стройные статистические модели (баланс народного хозяйства и национальные счета), позволяющие описать кругооборот стоимости, потоки товаров и услуг, увязать ресурсы и результаты процесса производства, изменение доходов и запасов? Кто мог предположить, что появятся источники статистической информации, необходимые органам управления для принятия мер по государственному регулированию экономики, а затем в рамках ООН и других международных организаций (ОЭСР, МВФ, Мирового банка и др.) на основе обобщения накопленного в разных странах опыта будут созданы международные стандарты по макроэкономической статистике: СНС, Руководство по платежному балансу, методологические материалы для глобальных международных сопоставлений ВВП

и паритетов покупательной способности валют, исчислению индексов потребительских цен и индексов цен производителей, классификации товаров и видов деятельности и другие [Основы… 2013: 3, 35–37]?

Сегодня разработаны системы статистических показателей для количественной и качественной характеристики массовых явлений и процессов на микро- и макроуровнях. Центральное место в статистике стран с рыночной экономикой занимает система национальных счетов, поскольку она не только включает наиболее важные макроэкономические показатели, но и связывает другие разделы и блоки социально-экономической статистики, определяет содержание и методологию исчисления их показателей. Охватывая все сферы общественной жизни, процесс глобализации мировой экономики неизбежно приводит к гармонизации и унификации информационной среды. Именно СНС, ее согласованные на международном уровне понятия, концепции, определения, классификации стали универсальным языком, «на котором общаются экономисты и статистики различных школ и направлений, социологи, государственные деятели, политики, дипломаты, бизнесмены и представители средств массовой информации» [Там же: 5–6]. Использование стандартной терминологии, единой методологии исследования экономики дает возможность получать сопоставимую информацию об экономических процессах и их результатах по различным странам.

СНС возникла в ряде развитых западных стран как ответ на вызов времени, когда мировой экономический кризис в 30-х гг. XX столетия доказал неспособность рыночной системы самостоятельно выходить из кризисных ситуаций и возвращаться в состояние равновесия. Именно тогда была осознана необходимость активного государственного вмешательства для обеспечения стабильного процесса общественного воспроизводства. Одним из ученых, в работах которого возможности и способы государственного регулирования экономики получили теоретическое обоснование, был Дж. М. Кейнс. Он показал наличие связи между макроэкономическими показателями, возможность государственного регулирования экономики путем воздействия на одни переменные с целью изменения других. Поскольку формирование государственной экономической политики возможно только на основе анализа системы взаимосвязанных макроэкономических индикаторов, возросла потребность в статистической информации о процессах и явлениях на уровне национального хозяйства в целом, и прежде всего о национальном продукте и доходе. Появились работы, в которых обосновывалась возможность применения принципов бухгалтерского учета для отражения экономических операций по экономике в целом. Голландским экономистом Э. Ван Клиффом были предложены термины «национальные счета», «национальное счетоводство».

После Второй мировой войны внимание к макроэкономической статистике и, в частности, к национальным счетам усилилось. Огромные государственные инвестиции шли на восстановление разрушенной экономики. В решении проблем, порожденных войной, требовалось активное участие государства. В разработку методологии национального счетоводства включились и международные экономические организации. С учетом накопленного в разных странах опыта составления национальных счетов в 1953 г. под руководством Р. Стоуна был подготовлен и одобрен ООН первый международный методологический стандарт по нацио-

нальному счетоводству СНС-53. Он содержал несколько счетов, связанных с расчетом продукта и дохода по национальному хозяйству в целом. Вторая версия международного стандарта СНС была принята статистической комиссией ООН в 1968 г. В стандарте СНС-68 появились новые блоки макроэкономической информации (например, некоторые показатели национального богатства), счета для секторов экономики. В разработке третьей версии международного стандарта СНС-93 принимали участие пять международных организаций (ООН, МВФ, Мировой банк, ОЭСР, Евростат). В ней были уточнены определения показателей, классификации, структура счетов, в которой взаимоувязаны счета для экономики в целом, ее секторов и отраслей, разработана методология измерения национального богатства и способы его отражения в СНС, предусмотрен учет теневой экономики. В 2009 г. Секретариатом ООН опубликована четвертая версия международного стандарта в области национального счетоводства (СНС 2008 г.). Каждая новая версия сопоставима с предыдущими и является их развитием. При их разработке учитываются достижения в области теории и методологии макроэкономических расчетов, опыт внедрения рекомендаций по СНС в статистическую практику различных стран. Стандарт по национальному счетоводству становится более совершенным с точки зрения формулировок, определений, классификаций. Уточняются состав и методы исчисления показателей, вводятся новые показатели, расширяются круг объектов и субъектов экономических операций, отражаемые аспекты функционирования экономики. Проводится гармонизация и унификация содержания, методологии исчисления показателей с другими разделами макроэкономической статистики.

Современная система национальных счетов представляет собой систему *взаимосвязанных показателей, счетов и балансов*, в основе которой лежит *согласованная на международном уровне методология* макроэкономического анализа (система концепций, определений, классификаций, методов исследования) [Основы… 2013: 7]. Это дает возможность получать сопоставимую макроэкономическую информацию.

Основная задача СНС состоит в том, чтобы дать в упрощенной форме всеобъемлющую характеристику развития национальной экономики за год (производства и потребления, процессов образования и распределения доходов, состояния и изменения активов и пассивов, источников финансирования инвестиций и др.). Функционирование экономики описывается через взаимодействие экономических субъектов. В СНС используются два типа экономических единиц (институциональные единицы и заведения) и два вида их классификаций (по секторам и отраслям экономики). *Институциональные* единицы-резиденты, однородные с точки зрения выполняемых функций и источников финансирования затрат, объединяются в пять секторов национальной экономики: нефинансовые корпорации; финансовые корпорации; государственное управление; некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства; сами домашние хозяйства. Все институциональные единицы, не являющиеся резидентами страны, но имеющие с резидентами экономические отношения, включаются в сектор «остальной мир». Институциональная единица может состоять из одного или нескольких *заведений* (подразделений, расположенных в одном месте и занятых преимущественно одним видом деятельности). Совокупность заведений со сходными видами производственной деятельности объединяется в отрасли.

В основе СНС лежат понятия и категории экономической теории. От четкого определения их содержания зависят методология исчисления макроэкономических показателей и, соответственно, результаты международных сопоставлений. Действительно, от того, какие виды деятельности должны быть включены в границы экономического производства, что понимать под промежуточным и конечным потреблением, как провести различие между доходами, полученными от участия в процессе производства, и доходами, являющимися результатом перераспределительных процессов, зависит оценка объема произведенного продукта и дохода. Приведем несколько примеров. Следует ли относить к сфере экономического производства услуги финансовых организаций (Центрального банка, коммерческих и других банков, страховых компаний и др.), органов государственного управления, учреждений здравоохранения, образования, науки? Если да, как измерить результаты их деятельности в составе произведенного продукта? Должны ли учитываться товары и услуги, произведенные не для реализации другим хозяйственным единицам, а для собственного потребления или накопления (и если должны, то по какой цене)? Следует ли включать в границы экономического производства теневую экономику или производство, осуществляемое в рамках запрещенной законом деятельности (например, производство и реализацию наркотиков)? В каком объеме следует учитывать производство жилищных услуг (в полном или только по арендуемому жилью)? Если деятельность по приготовлению пищи в кафе или ресторане ничем не отличается от аналогичной деятельности в домашних условиях, то должна ли последняя учитываться при определении объема производства? Как рассматривать расходы на научные исследования и разработки – как промежуточное потребление или как накопление? Можно продолжить огромный список вопросов теоретического и методологического характера, рассматриваемых в стандарте по национальному счетоводству, от решения которых зависит получение сопоставимых по разным странам данных.

Институциональные единицы совершают множество различных экономических действий, результаты которых характеризуются показателями *потоков* и *запасов*. При этом если показатели потоков отражают экономические процессы за тот или иной период времени (объем производства товаров и услуг, выплату налогов, заработной платы и т. п.), то показатели запасов – состояние (наличие) активов или обязательств институциональных единиц на определенный момент времени. Потоки, возникающие по взаимному соглашению между институциональными единицами, называются в системе *экономическими операциями*. Изменение стоимости активов и обязательств институциональных единиц может происходить не только под влиянием экономических операций, но и в результате каких-либо политических или экономических событий (например, войн, забастовок), природных катастроф (землетрясений, наводнений и т. д.), а также изменения уровня цен. Подобные изменения стоимости активов называются «другими экономическими потоками».

Для анализа функционирования экономики в СНС разработан набор взаимосвязанных счетов и балансовых таблиц, в которых представлены обобщающие экономические показатели. Каждый счет предназначен для отражения определенной группы операций, а балансовые таблицы – для отражения запасов (активов и обязательств институциональных единиц на определенный момент времени). Счета и балансовые таблицы состоят из двух частей. На одной стороне счета,

называемой «Ресурсы», записываются суммы, полученные экономическими единицами в результате тех или иных операций, а на стороне «Использование» – суммы, выплаченные экономическими единицами. Баланс, математическое равенство между суммами двух сторон счета, достигается с помощью балансирующих статей, которые записываются на стороне «Ресурсы». При этом балансирующая статья одного счета становится первой записью в разделе «Использование» следующего по идеологии СНС счета. Более того, балансирующие статьи не только связывают счета в единую логическую систему, но и имеют самостоятельное значение как важнейшие макроэкономические показатели, дающие характеристику результатов экономической деятельности. В балансовых таблицах также предусмотрены две части: одна часть служит для отражения активов, а другая – обязательств институциональных единиц и чистой стоимости капитала (это балансирующая статья таблицы). Балансы активов и пассивов составляются на начало и конец периода. Их показатели связаны между собой показателями изменения активов и обязательств между этими моментами времени, которые отражаются в счетах экономических операций и других экономических потоков.

В СНС можно выделить следующие группы счетов и балансовых таблиц: консолидированные (сводные) счета и таблицы для экономики в целом; счета для пяти секторов внутренней экономики; счета для отраслей экономики; счета для отдельных видов экономических операций; счета для сектора «остальной мир». В методологическом стандарте представлены также таблицы «Затраты – выпуск», даются рекомендации по исчислению показателей в постоянных ценах, показателей, характеризующих население и затраты труда, рассматриваются вопросы, связанные с учетом ненаблюдаемой экономики, с согласованием показателей СНС и платежного баланса, с анализом социальных процессов и др.

В составе консолидированных счетов для экономики в целом с точки зрения характера отражаемых операций выделяют счета текущих операций и счета накопления. В счетах *текущих операций* описывается движение стоимости товаров и услуг от производства до конечного использования. Термин «текущие» означает регулярно повторяющиеся операции, непосредственно не затрагивающие стоимость активов и обязательств институциональных единиц. Первый счет в этой группе – *счет производства*. Методологические принципы его построения являются определяющими для других счетов, а его балансирующая статья – основа всей системы макроэкономических показателей. Для характеристики затрат и результатов производственной деятельности в ресурсной части счета показывается выпуск товаров и услуг в основных ценах, чистые налоги на продукты[1], а в разделе «использование» отражается промежуточное потребление (стоимость товаров и услуг, потребленных в текущем периоде в процессе производства: стоимость сырья, материалов, топлива, услуг транспорта и пр.). Балансирующей статьей счета, дающей представление о добавленной стоимости, созданной в процессе производства текущего периода, является *валовой внутренний продукт* в рыночных ценах. Это важнейший макроэкономический показатель результатов функционирования экономики, отражающий рыночную стоимость товаров и услуг, произведенных за рассматриваемый период резидентами страны для конечного использования.

[1] *Чистые* налоги в СНС – это разность между налогами и субсидиями.

Валовая добавленная стоимость является источником доходов участников процесса производства. Учитывая огромное значение, придаваемое изучению процесса распределения и перераспределения доходов в экономическом анализе, этот процесс в СНС разбивается на отдельные шаги, описываемые в разных счетах. Анализ распределительных операций начинается с составления *счета образования доходов*, в ресурсную часть которого переносится балансирующая статья предыдущего счета (счета производства) – ВВП в рыночных ценах. В разделе «использование» записываются суммы, которые должны быть выплачены производителями-резидентами другим участникам процесса производства – наемным работникам и государству. Источниками информации об оплате труда наемных работников и чистых налогах на производство и импорт служат отчеты работодателей о фонде заработной платы и выплатах социального характера, данные специально организованных выборочных обследований домашних хозяйств, отчеты об исполнении государственного бюджета и др. Балансирующая статья счета образования доходов – *валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы*. На основе этого счета определяется структура ВВП – доля образованных на стадии производства первичных доходов производителей, наемных работников и государства.

Описание распределительных процессов продолжается в *счете распределения первичных доходов*, в котором показывается, как первичные доходы, образованные на стадии производства, распределяются среди различных категорий их получателей. Кроме того, в этом счете отражаются операции, связанные с распределением валовой прибыли, валовых смешанных доходов и образованием другой группы первичных доходов, называемых доходами от собственности. К последним относятся доходы в виде процентов, ренты, дивидендов и пр., получаемые институциональными единицами за косвенное участие в процессе производства, то есть за предоставление другим институциональным единицам во временное пользование финансовых активов, земли и других нефинансовых непроизведенных материальных активов. В ресурсной части счета отражаются полученные резидентами страны первичные доходы (валовая прибыль экономики и смешанные доходы, оплата труда, чистые налоги на производство и импорт, доходы от собственности, полученные от «остального мира»), а в разделе «использование» – доходы от собственности, переданные остальному миру. На основе этих данных определяют *валовой национальный доход*, который представляет собой сумму первичных доходов, полученных резидентами страны в результате прямого или косвенного участия в производственной деятельности как в рамках национальной экономики, так и за ее пределами (балансирующая статья счета).

Значительная часть перераспределительных операций происходит в форме текущих трансфертов (в денежной и натуральной форме), а именно: в виде налогов на доходы и имущество, социальных пособий, страховых премий и возмещений, штрафов, пени, добровольных взносов, гуманитарной помощи и др. Эти операции происходят регулярно, влияя на доходы и не затрагивая активы институциональных единиц. Они отражаются в *счете вторичного распределения доходов* как полученные и переданные текущие трансферты. Балансирующая статья счета – *валовой национальный располагаемый доход* (ВНРД), характеризующий сумму текущих доходов институциональных единиц, которая может быть использована для конечного потребления и сбережения.

Под *конечным потреблением* (КП) понимается приобретение товаров и услуг (покупку, производство, получение в качестве оплаты труда в натуральной форме) для удовлетворения индивидуальных потребностей населения и коллективных потребностей общества в целом (потребностей в государственном управлении, обороне, науке, защите окружающей среды и т. п.). Основным показателем, характеризующим конечное потребление в СНС, является показатель расходов на конечное потребление. Однако доходы одних институциональных единиц могут использоваться для финансирования расходов на конечное потребление других институциональных единиц. Например, бесплатные услуги в области здравоохранения и образования используются домашними хозяйствами для удовлетворения своих индивидуальных потребностей, а соответствующие расходы несет государство. В связи с этим в СНС проводится различие между двумя понятиями – *расходами на конечное потребление* и *фактическим конечным потреблением*, что позволяет проводить анализ в двух направлениях: кто финансирует расходы на потребление и кто получает товары и услуги для конечного потребления.

Расходы на конечное потребление осуществляются институциональными единицами трех секторов экономики: домашними хозяйствами, государственными учреждениями и некоммерческими организациями, обслуживающими домашние хозяйства. Фактическое конечное потребление исчисляется для двух секторов: домашних хозяйств и государственных учреждений. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств включает стоимость товаров и услуг, приобретенных ими для индивидуального потребления за счет личных текущих доходов или произведенных для собственного потребления (например, полученных из личного подсобного хозяйства), а также полученных в виде социальных трансфертов в натуральной форме от государственных учреждений и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства. Фактическое конечное потребление государственных учреждений включает стоимость услуг, удовлетворяющих коллективные потребности общества в целом. По экономике в целом сумма расходов на конечное потребление равна фактическому конечному потреблению.

В *счете использования располагаемого дохода* в ресурсной части записывается ВНРД, а в разделе «использование» – расходы на конечное потребление указанных выше трех секторов экономики. Балансирующая статья счета – *валовое национальное сбережение*, представляющее собой часть валового национального располагаемого дохода, которая не израсходована на конечное потребление.

Следующая группа счетов – *счета накопления* – предназначена для описания операций и других экономических потоков, приводящих к изменению объема, состава и стоимости активов, обязательств и чистой стоимости собственного капитала. В нее входят счет операций с капиталом, финансовый счет, счет других изменений в активах, счет переоценки. В *счете операций с капиталом* показывается объем нефинансовых активов, приобретенных институциональными единицами за счет валового сбережения и капитальных трансфертов. Последние представляют собой безвозмездную передачу прав собственности на активы[2] или средств для приобретения одной институциональной единицей другой. В эту группу операций включают, например, налоги, связанные с наследством или да-

[2] Кроме наличных денег и материальных оборотных средств.

рением, инвестиционные субсидии и др. Приобретение нефинансовых активов характеризуется такими показателями, как валовое накопление основного капитала, изменение запасов материальных оборотных средств, чистое[3] приобретение ценностей, земли и других нефинансовых активов. Если по экономике в целом объем инвестиционных ресурсов (суммы национального сбережения и чистых капитальных трансфертов[4]) больше суммы расходов на чистое приобретение нефинансовых активов, то балансирующая статья счета (чистое кредитование) показывает объем ресурсов, предоставляемых страной «остальному миру». В противном случае балансирующая статья (чистое заимствование) равна объему ресурсов, предоставляемых стране «остальным миром».

Показатель чистого кредитования и чистого заимствования по секторам и экономике в целом характеризует конечный финансовый результат экономических операций институциональных единиц. *Финансовый счет* служит для отражения процесса перераспределения финансовых ресурсов между секторами–кредиторами и секторами-заемщиками. У первой группы секторов превышение собственных источников финансирования над расходами, связанными с приобретением нефинансовых активов, приводит к образованию свободных ресурсов, которые могут использоваться для приобретения новых финансовых активов или уменьшения своих финансовых обязательств. Вторая группа секторов, имеющая дефицит собственных источников финансирования, получает необходимые финансовые ресурсы путем принятия финансовых обязательств или уменьшения финансовых активов. При этом разность между изменениями в финансовых активах и финансовых обязательствах равна чистому кредитованию или чистому заимствованию.

Активы и обязательства могут изменяться не только в результате экономических операций. Для отражения этих изменений в СНС предусмотрены следующие счета: *счет других изменений в объеме активов* (в нем должны отражаться изменения в объеме активов в результате, например, открытия новых месторождений полезных ископаемых, природных катастроф, политических событий), *счет переоценки* (служит для учета таких изменений в стоимости активов и обязательств, которые вызваны изменением уровня цен).

Большое значение для анализа макроэкономических процессов имеет *счет товаров и услуг*. Он показывает источники формирования ресурсов товаров и услуг и направления их использования. Источниками ресурсов являются валовой выпуск и импорт товаров и услуг, а направлениями использования товаров и услуг – промежуточное потребление, конечное потребление, валовое накопление и экспорт. Счет товаров и услуг имеет общие статьи со счетами производства, использования доходов, операций с капиталом, внешних операций с товарами и услугами (одним из счетов операций с «остальным миром»). На его основе ВВП может быть исчислен двумя методами – производственным и методом конечного использования.

Как отмечалось выше, в настоящее время опубликована четвертая версия нового международного стандарта по национальному счетоводству (СНС 2008 г.).

---

[3] Под чистым приобретением в системе понимается разность между приобретением и выбытием активов.

[4] Чистые капитальные трансферты – разность между капитальными трансфертами, полученными от «остального мира», и капитальными трансфертами, переданными «остальному миру».

Сохраняя неизменными теоретические и многие методологические положения, в новой версии СНС нашли отражение те аспекты развития экономики, которые или вообще не рассматривались ранее, или отражались не в полной мере, но приобретают все большее значение для макроэкономического анализа [Иванов, Хоменко 2009: 19]. Кроме того, в ней даны необходимые разъяснения по целому ряду положений СНС. Цель пересмотра международного стандарта состоит в том, чтобы учесть изменения, произошедшие в современном мировом экономическом пространстве, потребности потребителей статистической информации, достижения в области статистической методологии. В СНС 2008 г. уточнены определения статистических единиц и их классификация по секторам экономики. Например, холдинговые компании в СНС 1993 г. относились к тому сектору экономики, в котором сосредоточена основная деятельность ее дочерних компаний. Теперь, в соответствии с положениями четвертой версии международной стандартной отраслевой классификации (МСОК), разработанной ООН в 2009 г., холдинговая компания, являющаяся держателем активов дочерних корпораций, рассматривается как единица, производящая финансовую услугу, и относится к сектору финансовых корпораций [Салин, Шпаковская 2001: § 4.54]. Ряд изменений, предусмотренных в СНС 2008 г., повлияет на величину и структуру ВВП. Так, согласно СНС 2008 г. затраты на научные исследования и разработки теперь должны относиться к валовому накоплению (в предыдущей версии – к промежуточному потреблению), а в классификации активов их выделили в отдельную позицию в составе основных фондов [Там же: § 6.207, A3.51]. В СНС 2008 г. расширены определение и виды финансовых услуг, классификация сектора финансовых корпораций приведена в соответствие с другими системами денежной и финансовой политики, уточнен метод исчисления услуг финансового посредничества, выпуска центрального банка, услуг страхования [Там же: § A3.19, 24–33]. Учитывая большую роль НКО в формировании «гражданского общества», в СНС 2008 г. предусмотрена возможность составления дополнительных таблиц, в которых охватывается деятельность всех некоммерческих организаций, относимых к разным секторам экономики. Для этого рекомендуется в составе секторов корпораций и государственных учреждений выделять НКО в отдельные подсекторы [Там же: § A3.17]. Процессы глобализации мировой экономики потребовали уточнения критерия определения резидентской принадлежности институциональных единиц, выделения корпораций, находящихся под иностранным контролем, в отдельный подсектор. Кроме того, с учетом значительного роста трансграничных финансовых потоков и, в частности, прямых инвестиций в стандарте появилась новая глава, в которой в числе прочих рассматриваются вопросы измерения степени глобализации, ее изменения за текущий период и влияния на экономику страны. Эти расчеты основаны на данных о прямых иностранных инвестициях и ВВП [Там же: гл. 21]. Мы упомянули только некоторые дополнения и изменения в новом международном стандарте по национальному счетоводству.

В России на протяжении почти 70 лет для проведения макроэкономического анализа использовался баланс народного хозяйства (БНХ), который в большей степени соответствовал потребностям государственного управления, основанного на принципах централизованного планирования и распределения ресурсов. Сис-

тема макроэкономических показателей БНХ охватывала только сферу материального производства, отражала процессы производства, распределения, потребления и накопления материальных благ, услуг и связанное с ними движение доходов. Это согласовывалось с задачами, которые стояли перед статистикой: контролировать выполнение планов, анализировать наличие ресурсов, их изменение за счет производства материального продукта, его потребления и накопления. Переход к рынку, коренные изменения в общественной и экономической жизни государства поставили перед статистикой иные задачи, выдвинули на передний план финансовый аспект анализа процессов воспроизводства, подразумевающий изучение прежде всего потоков доходов и расходов, а не движения материальных благ. С изменением требований к макроэкономическому моделированию, усилением процессов интеграции России в мировую экономику возникла потребность в системе национальных счетов, используемой для описания и анализа макроэкономических процессов в странах с рыночной экономикой. В настоящее время система национальных счетов России, основанная на методологии международного стандарта 1993 г., включает в себя основные консолидированные счета, счета для институциональных секторов экономики, отраслевые счета (по видам экономической деятельности). Публикуются данные о ВВП в текущих и сопоставимых ценах, показатели структуры ВВП по направлениям использования, квартальные показатели ВВП и его элементов, показатели динамики объема выпуска, валовой добавленной стоимости, цен, ВВП. Одной из перспективных задач Росстата является внедрение положений СНС 2008 г. [Национальные… 2012]. В этой связи возникает множество проблем практического характера, связанных с совершенствованием статистической, бухгалтерской, финансовой отчетности, других форм статистического наблюдения, решение которых зависит не только от статистических служб, но и от других ведомств, влияющих на формирование информационной базы.

Система национальных счетов имеет большое значение в экономической жизни общества. Описывая происходящие экономические процессы и явления, СНС является не только инструментом познания национальной экономики, оценки результатов ее развития, но и позволяет прогнозировать значения макроэкономических переменных, возможное влияние тех или иных решений органов государственного управления на их сбалансированность [Основы… 2013: 88–91]. СНС обеспечивает информацией не только органы государственного управления для формирования экономической политики, но и других потребителей информационных услуг: предпринимателей для разработки стратегии своего поведения с учетом инвестиционного климата, экономической конъюнктуры, финансового состояния; аналитиков-практиков и научной общественности для изучения теоретических аспектов макроэкономики, прогнозирования воспроизводственных процессов, анализа уровня жизни, проведения международных сопоставлений и выработки рекомендаций органам управления; общественным организациям, партиям и движениям, заинтересованным в оценках социально-экономического положения страны; международным организациям при определении направлений и форм международного сотрудничества, координации экономической и политической деятельности и решения других проблем.

Литература

Вебер А. Б. Современный мир и проблемы глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1(3). С. 3–15.

Иванов Ю. Н. Вопросы применения СНС 2008 в странах СНГ // Вопросы статистики. 2013. № 3. С. 12–19.

Иванов Ю. Н., Хоменко Т. А. Обзор основных положений пересмотренной системы национальных счетов 1993 года (СНС 2008 года) и перспективы их поэтапного применения в статистике стран СНГ // Вопросы статистики. 2009. № 3. С. 19–31.

Национальные счета России в 2004–2011 годах: стат. сб. М. : Росстат, 2012.

Основы национального счетоводства (международный стандарт СНС 2008 г.): Учебник / под ред. Ю. Н. Иванова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2013.

Пономаренко А. Н. Оперативная бизнес-статистика и национальные счета: проблема согласования. 2008. № 8. С. 7–12.

Пономаренко А. Н. О возможных направлениях модернизации национальной статистической системы. 2010. № 4. С. 14–18.

Салин В. Н., Кудряшова С. И. Система национальных счетов: уч. пособ. М. : Финансы и статистика, 2006.

Салин В. Н., Шпаковская Е. П. Социально-экономическая статистика: учебник. М. : Юристъ, 2001.

Система национальных счетов 2008. Нью-Йорк : ООН, 2009.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 3–15.

Чумаков А. Н. Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2(10). С. 32–42.

АНТРОПОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ*

Иоселиани А. Д.
д. ф. н., профессор Московского финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: aza-i@yandex.ru

В статье раскрывается коммуникативная сущность человека глобального инновационного общества, анализируются формы социальной адаптации личности к информационной реальности, показывается, что важнейшим источником и продуктом этой адаптации являются жизненные ценности и идеалы человека. В работе особое внимание уделяется свободе и выбору стратегии развития «информационного субъекта» в новой повседневности и глобальной сети Интернет.

Ключевые слова: *глобализация, человек, информационное общество, практическая деятельность людей, коммуникативная интеракция, социальный контекст, «информационный субъект», новая повседневность, глобальная сеть Интернет.*

The article explores the communicative essence of an individual in innovative global society, analyses the forms of individual social adaptation to the informational reality, and shows that individual's life values and ideals are the major sources and products of his adaptation. Special attention is given to freedom and choice of strategy for an "information subject" in the new daily life and the global Internet network.

Keywords: *globalization, individual, information-oriented society, practical activities of the people, communicational interaction, social context, "information subject", new daily life, the Internet.*

Тенденции в развитии современной антропологии и научной мысли затрагивают множество проблем бытия человека в глобальном техногенном мире. Для нас вполне очевиден круг проблем, находящийся на пересечении постиндустриальной, глобализирующейся цивилизации и трансформирующей человеческой природы, самосознания, ментальности, ценностей и идеалов.

Масштабы трансформаций в современном мире, в том числе в природе, обществе и мышлении человека, за последнее время привлекли большое внимание ученых, специалистов и вызвали шквал публикаций [Миронов 2012; Маликова 2012; Лал 2011; Бергер 2004; Чумаков 2005; 2006]. Сегодня каждая область со-

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ 2013 г.

циогуманитарного знания вырабатывает свое представление о глобализации. Широко обсуждаются социальные, онтологические, гносеологические, историко-философские и другие аспекты глобализации.

Актуальность вопросов и острота проблем, связанных с усугубляющимся антропогенным давлением на природу, глобальностью трансформаций, нарастанием противоречий разного характера, обусловили необходимость анализа цивилизационного сдвига.

Зарождение постиндустриального информационного общества повлекло за собой целый каскад изменений в бытии человека, а главное – в самом человеке, *субъекте*, действующем в радикально новых условиях жизни, *на новом уровне общения*. Эти изменения настолько глубокие и существенные, что можно говорить о рождении качественно другого, *нового субъекта деятельности и общения*. Это, по сути, есть проблема самосознания человека в информационной реальности. Оценка проблемы невозможна без обращения к такому важному пласту социальной реальности и гибкой универсальной онтологической структуре в современном постиндустриальном мире, как повседневность. Внедрение международной паутины *Internet* в каждодневную жизнь человека радикально меняет формы и способы повседневной межличностной коммуникации и социальной адаптации. Изучение информационных корректив повседневности позволяет проанализировать и оценить новые культурные традиции, содержание инноваций, смысл новых материальных и духовных реалий бытия и тем самым выявить особенности эволюции человека и того общества, которое он создал и в котором он как личность функционирует.

Человек в глобальном информационном обществе приобретает такие качественные параметры, новые черты, которых у него не было в индустриальном обществе.

Человек есть деятельное и коммуникативное существо, и именно эти качества имеют особую значимость в современном техногенном мире.

Становление человека в глобальном информационном обществе есть процесс переосмысления индивидом структурных образующих: цели, задач, способов, смысла преобразования объективного мира, интеграции привычных, несетевых средств коммуникации с глобальной информационной реальностью. Практическая сторона взаимодействия с новой информационной реальностью позволяет подойти к человеку как субъекту качественно иной интерактивной деятельности, субъекту действия в формировании и развитии глобальной коммуникативной социальной действительности.

Деятельность человека в глобальном информационном социуме имеет определенную, можно сказать, классическую структуру, которая носит преемственный характер. Она состоит из цепочки: *потребности – мотивы – цели – условия достижения цели,* с одной стороны, и с другой – соотносимых с ними: *деятельность – действия – операции*. Эта структура, разумеется, характерна не только для информационного социума, но в глобальном информационном обществе она приобретает качественно новые значения.

Первая цепочка структуры (потребности – мотивы – цели – условия) составляет содержание деятельности человека. Этот пласт есть внутренний план осуществления деятельности, ее образ, это то, на основе чего она строится.

Вторую цепочку, второй пласт (отдельная деятельность – действия – операции) составляют структурные элементы, реализацию деятельности – сама деятельность как таковая. В совокупности эти два пласта деятельности составляют ее психологическое содержание.

В деятельности может выделяться и третий пласт: взаимные превращения или переходы ее отдельных структурных элементов, например мотива – в цель и соответственно деятельности – в действие, цели – в условие ее реализации и т. д. А это уже динамика деятельности, ее трансформация.

Как известно, одна из самых важных потребностей человека – коммуникация. В глобальном мире удовлетворение этой потребности происходит на таком уровне, объеме и скорости, которых не было во время существования цивилизации.

В процессе коммуникации наиболее часто встречаются следующие типы общения, диалога: фатический, информационный, дискуссионный и исповедальный.

Фатический тип общения – это обмен речевыми высказываниями единственно для поддержания диалога, разговора. В некоторых культурах фатическое общение имеет характер ритуала, так как дает индивиду ощущение сопричастности к своим соплеменникам.

Информационный диалог – это обмен информацией самого различного характера. Информативная коммуникация чаще всего не требует ответных и тем более ответственных действий со стороны того, кому она предназначена, и поэтому несет в себе рекомендательное начало. Примером такой коммуникации может служить обмен информацией на форумах и блогах в сети Интернет.

Дискуссионный тип коммуникации возникает при столкновении различных точек зрения, когда проявляются различия в интерпретации тех или иных явлений, фактов, событий и т. п. Участники дискуссии воздействуют друг на друга, убеждают друг друга, стремятся достичь желаемого результата. Дискуссионный диалог сопутствует человеческому общению во всех сферах жизнедеятельности, поскольку взаимодействие в каждой из них обычно требует согласования индивидуальных усилий оппонентов, что, как правило, происходит в процессе дискуссии.

Что же касается исповедального типа диалога, то он есть самое доверительное общение, которое происходит в том случае, когда человек стремится выразить и разделить с другим свои глубокие чувства и переживания. Это, по сути, интимное общение, основанное на взаимопринятии индивидов, на разделении ими общих смыслов и ценностей жизни.

Характер и перспективы изменений человеческой деятельности и коммуникации в эпоху постиндустриализма приобрели новые качественные параметры, обусловленные глобализацией информационной составляющей цивилизации. Информация стала базовым параметром постиндустриальной, глобализирующейся цивилизации, она и становится вторым «Я» для человека. Если наука, знания становятся главным ресурсом развития социальности, то эти же ресурсы применимы к социальному индивиду. Внедрение «гена» научного знания в каждую клеточку общественного организма посредством информационных технологий приводит к возможности созидания общества, основанного на знаниях. Возрастает доля «знаний» в услугах; главными активами каждого предприятия становятся интеллектуальные активы; средства производства из предметной области постепенно перерастают в область человеческих отношений, возникает виртуальная реаль-

ность, виртуальное бытие – глобальная компьютерная сеть. В результате складывается особая информационная среда, интегрирующая сферы коммуникации, вычислительной техники и информационного наполнения, которые в свою очередь развивают вычислительные сети с глубокими и разносторонними связями внутри организаций и между ними. Работу можно выполнять независимо от местонахождения субъекта деятельности. Сеть приобретает функции огромного банка, хранилища информации. Информатизация, как говорил в конце XX столетия А. И. Ракитов, есть «процесс, в котором социальные, технологические, экономические, политические и культурные механизмы не просто связаны, а буквально сплавлены, слиты воедино» [Ракитов 1991: 34].

Глобальная сеть есть результат революции в области информационных технологий, создавшей материальную основу глобализации общества, то есть появления новой, отличной от ранее существовавшей реальности. Впервые за всю историю цивилизации человеческая мысль прямо выступает в роли производительной силы, а не просто определенного элемента социально-производственной системы.

Информационно-технологическая революция от ее исторических предшественников принципиально отличается тем, что прежние технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, а новые информационные технологии почти мгновенно охватывают всю планету. При этом существуют значительные области, не включенные в современную технологическую схему. Более того, скорость технологической диффузии и охвата выборочна как социально, так и функционально. Различное время доступа к информационным инновациям и технологиям для людей стран и регионов становится критическим источником неравенства в современном мире, вплоть до исключения ряда региональных, национальных и даже континентальных сообществ из мировой информационной системы. Дело в том, что теперь ни одно государство или регион не могут выбирать темп, последовательность или объем подключения к глобальной сети, так как мировые силы сделают это за них, даже не советуясь с ними.

С внедрением в обыденную жизнь Интернета и его расширением меняются формы и способы повседневной межличностной и социальной коммуникаций и адаптации, вносятся коррективы в традиции и культуру, возникают инновации, материальные и духовные реалии бытия, формируются новые принципы жизни, иная реальность, сопровождающая повседневную практическую деятельность людей.

Всемирная сеть Интернет, глобализация средств коммуникации в этой сети разрушают социальные барьеры, но в то же самое время рушатся и традиционные формы социальных связей, уступая место внесистемным формам повседневного межличностного общения.

Проблема взаимосвязи людей в повседневной жизни приобретает новые черты в контексте теории Интернета, форм коммуникации, виртуальных сообществ и социальных сетей. Техносфера, глобальные интеграционные процессы, инфосфера[1] – это те корреляты, которые переформатируют пространство повседневного опыта, бытия человека.

[1] Эти корреляты нашли отражение в наших статьях, см.: Глобалистика… 2006.

Современная эпоха глобализации от всех прежних исторических эпох отличается несколькими существенными чертами: *во-первых*, разрастанием всемирной глобальной паутины Интернета, развертыванием и ускорением научно-технического прогресса; *во-вторых*, возникновением новых социальных проблем и обострением взаимоотношений человека с людьми, с самим собой, обществом и природой.

Уже не секрет, что всемирная паутина Интернет затрагивает абсолютно все сферы социальной жизни. Говоря о социальных проблемах, связанных с развитием глобальных инновационных коммуникативных средств, мы прежде всего обращаем внимание на то, как меняется повседневная жизнь людей, членов общества. Вопросы коммуникации, приобретения товаров, работы, образования, услуги, получения информации и многое другое связаны с выходом в цифровое, виртуальное пространство.

В XXI в. люди восторженно обсуждают достоинства и возможности новых компьютеров, айпадов, айфонов, программ и технологий, которые развиваются невероятно быстро, а проблема изменения социальных свойств самих пользователей, их сообществ, всей системы новых социальных отношений, которые базируются на инновационных формах электронно-цифровой коммуникации, сегодня все еще остаются за рамками серьезных социальных исследований.

В современной социальной философии пока еще не сложилась традиция рассмотрения социальных трансформаций, связанных с возникновением социальных сетей, новых электронных сообществ. Чаще всего ставится вопрос лишь о том, как изменяющиеся техника и технологии требуют новых подходов и способствуют изменению форм работы с ними. Но сегодня все более актуальным становится исследование другого вопроса – об изменении в самих процессах общения и в социальных связях на основе глобальных информационных технологий. Другими словами, новые техническая и социальная среды и внедрение новых технологий формируют новый социальный порядок и нового человека.

В качестве примера такого порядка можно назвать социальную сеть Интернет, взятую не в качестве метафоры, а в качестве уже повседневной реальности особого типа. Сегодня количество пользователей в социальной сети Facebook составляет около 500 млн человек в мире.

Понятие «социальная сеть Интернет» в современное социальное познание введено для обозначения сообщества пользователей системы Интернета. В этой перманентно возрастающей глобальной сети осуществляется специфический вид коммуникации. Массовое использование электронных средств коммуникации (проводных и беспроводных) приводит к сложнейшим процессам трансформации общества, процессам изменения повседневности и деятельности человека. Рассмотрение виртуальных сообществ пользователей, анализ процессов социальных отношений возможны в рамках этого сетевого сообщества. При этом сетевое сообщество выступает в качестве коммуникативного и интерактивного партнера для каждого его члена.

Философы, социологи, исследователи современного общества сегодня говорят об обществе СМИ как о свершившемся факте, что следует понимать прежде

всего как реакцию на то, что действительно свершился прорыв в цифровых носителях информации, революционный эффект. Это явление можно отнести к первому этапу революционных изменений. Второй же этап – это уровень изменившейся коммуникации. Речь идет не только о доступе к электронной информации, знаниям и об электронном пространстве, но прежде всего о создании информационной сети, использовании носителей информации при создании коммуникативных связей в обществе и формировании инновационного вида культурного общения. Этот вид инновационного общения может быть назван «культурной техникой на основе электронных средств информации». А это уже совершенно другая интерактивная парадигма коммуникации.

Предпосылками новой парадигмы интерактивной коммуникации могут быть возникновение сетевых, виртуальных сообществ, совершенствование интерактивных форм коммуникации, а также развитие технических средств и цифровых технологий, которые приведут к распаду существующих массовых коммуникативных систем (например, линейные аналоговые средства связи).

Современные виртуальные сообщества можно представить как самоорганизующиеся сети, которые возникают и связываются друг с другом при помощи коммуникативных технологий в совместном их использовании. Такие социальные сети, несмотря на постоянно изменяющийся состав их членов, существуют как достаточно устойчивые и постоянные.

Интегративные интернет-сообщества, возникающие в коммуникативных сетях, подразумевают наличие также отдельных малых коммуникативных сетей, которые выступают в качестве технического базиса для этих сообществ. На этом социальном сегменте и техническом базисе возникают многочисленные дискуссионные группы, у которых свои правила, руководства, формы общения. Они связаны между собой определенным интересом научного, повседневного, личностного или другого характера.

Тематизация групп участников выражает факт сегментирования и дифференцирования коммуникативных интернет-сообществ в мировой сети. К этим сегментам можно отнести, например, пользователей *E-mail* (электронной почты), *News Groups* (новостей), *IRC*, *ICQ*, (программ общения в режиме реального времени), *Одноклассников*, *Facebook*, *Twitter* и т. д.

Всех участников этих видов коммуникации объединяют общие потребности, и таким образом формируются общие функции самой сети коммуникативных партнеров. В начале коммуникации в сети Интернет участники общения могут иметь различные интересы, цели и задачи, а также социальное положение, но они объединяются общими потребностями.

Масштабы и объемы объединений пользователей в сети Интернет растут очень быстро. Характерно, что участники такого общения находятся за сотни или тысячи километров друг от друга, в разных социальных системах и средах. Однако это не является помехой для вступления в отношения в рамках сложившегося нового коммуникативного пространства.

Если обратить внимание на динамику роста интернет-сообщества, то только в России оно расширяется небывалыми темпами (см. таблицу ниже).

Таблица

Динамика роста пользователей Интернета в России

Дата	Количество пользователей Интернета в России	Процентное соотношение к населению	Источник статистических данных
Сентябрь 2012	60 млн	–	ПРАЙМ-ТАСС
Декабрь 2010	57 млн	–	ПРАЙМ-ТАСС
Январь 2005	19 млн	14,33	Monitoring.ru
Декабрь 2001	18 млн	12,42	ROCIT
Август 2000	9,2 млн	6,3	Monitoring.ru
Апрель 2000	6,6 млн	4,52	Monitoring.ru
Декабрь 1999	5,4 млн	3,69	Monitoring.ru
Декабрь 1998	1,2 млн	0,8	IDC Research
Июль 1998	1 000 000	0,67	Russian Non-Profit
Октябрь 1997	600 000	0,40	Russian Non-Profit
Январь 1997	200–300 000	0,15	Foreign Broadcast

Прогноз Прайм-ТАСС: число пользователей Интернета в России в 2014 г. вырастет до 80 млн человек.

В таблице показано, что за последние годы количество пользователей Интернета в России увеличилось с 200 тысяч до 60 млн. В декабре 2005 г. *фонд «Общественное мнение»* (ФОМ)[2] опубликовал данные исследования журнала «Интернет в России», которое проводилось с осени 2002 г. Данные этого исследования, полученные в ходе последних опросов ФОМ, касаются демографии *Рунета* по состоянию на январь 2005 г. Абсолютная численность пользователей Интернета в России к началу 2005 г. составила, по оценке ФОМ, 19 млн 600 тыс. человек. Это на 300 тыс. больше аналогичного показателя прошлогодней осени и вдвое выше показателя двухлетней давности.

Как показывает динамика развития новых социально-коммуникативных отношений, темпы расширения масштабов и объемов интернет-коммуникаций не только в России, но и в мире (особенно в развитых странах) невероятно ускоряются и становятся массовыми. Уже этот факт говорит о необходимости активации глубокого, всестороннего социально-философского анализа происходящего в современном обществе.

Изучение нового социального порядка, исследование современной социально-коммуникативной реальности, складывающейся в отдельной области социальных отношений, позволяет сделать прогнозы и в других сферах общественного развития.

Как известно, любая социальная сеть, окружающая личность, состоит из определенных зон, пространств, которые отличаются друг от друга по их приближенности к «Я». Каждый участник коммуникации выделяет для себя зону, которую он ощущает ближе всего. В этой зоне объединены люди, с которыми личность чаще всего встречается и вступает в наиболее тесные взаимоотношения. К этой зоне могут относиться прежде всего члены семьи и друзья, которые поддерживают человека эмоционально, являются партнерами по жизни, а также партнерами для свободного времяпрепровождения. В этом кругу общения осуществляются финансовая помощь, поддержка в случае беды и болезни и т. п.

[2] См.: Ежеквартальный… 2005, а также электронные версии издания последних лет.

Если проводить параллели с отмеченным слоем социальной сети, модель соединения партнеров в сети Интернет можно представить следующим образом: у каждого участника имеется свое персональное отношение к другим людям, его личное поле взаимосвязи. Человек может находиться в нескольких таких личностных, дружеских контактах. В другом обществе, в другой сети также находятся родственники, друзья, коллеги по работе и знакомые.

Повседневная жизнь человека в современном, глобальном информационном обществе протекает в рамках контактов в микромирах, складывающихся по месту жительства, и в контактах с друзьями и родственниками, которые сохраняются даже на значительном расстоянии. В этих непосредственных контактах и окружении, которые составляют личностный ресурс человека, он может совершать свои коммуникативные интеракции.

Контакты человека с друзьями в виртуальном пространстве, а также количество этих контактов изменяют структуру самой персональной социальной сети.

Следует отметить, что персональная сеть реагирует на изменения двояко: с одной стороны, она увеличивается в объеме, но с другой – уменьшается ее плотность. При расширении персональная интернет-сеть все больше устремляется к своим внешним границам. И на каком-то этапе возникает ситуация, когда человек достаточно отчетливо воспринимает некую зону, внутри которой ему не совсем ясно, является ли представителем его сети участник, вновь появившийся в *online*-сообществе. В таких случаях человек не понимает, можно ли этого участника коммуникативного процесса причислить к своей корпоративной коммуникативной сети.

Такое свойство персональной сети Интернет дает возможность предположить, что ее внутренние структурные линии, пересечения различных сегментов все больше и больше будут персонифицированы и индивидуализированы. Также можно предположить, что интересы, способности и склонности в различных областях сети будут увеличивать взаимосвязь между участниками коммуникации в конкретной интернет-сети.

Качественные и сущностные изменения, которые происходят на основе создания новых, быстрорастущих коммуникативных сетей, приводят к трансформации традиционных обществ. Повседневность выступает базисом когнитивных отношений, интеракций, новых форм коммуникаций и форматирует параметры тех свойств, которыми обладает «новая повседневность».

Формирование новых видов повседневной коммуникации и новой социальной среды не только кардинально меняет социальные, экономические, этические аспекты жизни и деятельности человека, но и вызывает глубинные изменения личностных установок, потребностей и интересов. Появившиеся личностные и типологические особенности также детерминируют полную перестройку психологической структуры повседневной деятельности человека и отношения к другим и самому себе.

В глобальном мире Интернет стал повседневностью для подавляющего большинства населения. К этому сегменту могут быть применимы соответствующие методы исследования повседневности в глобальном обществе при допущении, что базисные структуры отражают реальную специфику виртуального сообщества, построенного на коммуникации, опосредованной новейшими техническими средствами.

Кабельное телевидение и компьютерный текст, столь характерные для цифровых носителей, примерно 45 лет назад стали основанием для постановки вопроса об индивидуализации средств массовой информации. Социологи, зарубежные и отечественные ученые поставили радикальный вопрос: приведут ли внедрение новых коммуникативных сетей, приобретающее большие масштабы, бурное развитие информационных технологий и становящиеся массовыми сверхсложные компьютерные технологии к превращению существующего типа общества в качественно другой, новый тип сообщества людей – «информационное общество»[3] (О. Тоффлер), которое точнее других определений[4] отображает суть эпохи?

О. Тоффлер традиционным большим корпорациям противопоставляет «малые» формы сообществ – индивидуальную деятельность на дому, «электронный коттедж». Эти формы новых сообществ являются элементами общей структуры информационного общества с его «инфо-», «техно-» и другими сферами повседневной жизни человека. Предлагается проект «глобальной электронной цивилизации», фундаментальной базой которой является синтез телевидения, компьютерной службы и энергетики – «телекомпьютерэнергетики» (Дж. Пелтон).

«Компьютерная революция», технический прорыв постепенно приводят к замене традиционной печати «электронными книгами», изменяют идеологию, превращают безработицу в обеспеченный досуг (Х. Эванс).

В теории информационного общества глубокие социальные и политические изменения понимаются как результат «микроэлектронной революции». Перспективы развития демократии связываются с расширением и распространением информационной техники и технологий. Е. Масуда утверждает, что информационные технологии характеризуются революционизирующим действием, которое может привести к замене классов социально недифференцированными информационными сообществами. У. Дайзард считает, что осуществление перехода к информационному обществу уже началось. Он солидарен с Тоффлером и Беллом в признании трехстадиальной концепции и сосредоточивает внимание на трансформации последней, «информационной», стадии развития цивилизации. Дайзард отмечает, что эта трансформация напрямую зависит от разрастания и расширения всемирной сети Интернет. «Современная технология, – пишет он, – предлагает нам более значительные коммуникационные и информационные ресурсы, чем когда-либо имело человечество. Эти ресурсы столь велики, что очевидно: мы вступаем в новую эру – информационный век» [Дайзард 1986: 343–344].

---

[3] Информационное общество – это футурологическая концепция, полагающая главным фактором социального развития использование научно-технической и другой информации. Основу концепции информационного общества заложили З. Бжезинский, Д. Белл, О. Тоффлер.

[4] Никто из философов, писавших о данной проблеме, не сомневался в радикальном обновлении всей жизни человечества в рамках этой новой формации, но большинство из них анализировали проблему односторонне, будь то с политической, экономической или социальной точки зрения. Это породило огромное количество разнообразных названий и определений, о которых говорит У. Дайзард: «Дж. Лихтхайм говорит о постбуржуазном обществе, Р. Дарендорф – посткапиталистическом, А. Этциони – постмодернистском, К. Боулдинг – постцивилизационном, Г. Кан – постэкономическом, С. Алстром – постпротестантском, Р. Сейденберг – постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп прагматическую нотку, предлагая термин “постнефтяное общество”. Большинство этих эпитетов восходят к понятию “постиндустриальное общество”, популяризованному десятилетие назад гарвардским социологом Д. Беллом. Общая приставка этих терминов отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, – ощущением конца» [Дайзард 1986: 343–344].

Глобальное социальное пространство Интернета, а также повседневная коммуникация в нем имеют свою специфику. К особенностям интернет-пространства и общения в нем можно отнести такие характеристики, как: бестелесность участников в процессе общения, анонимность и возможность замаскироваться, место локализации, несинхронность коммуникации во времени, ограничение форм самовыражения содержанием текста, отсутствие субординации и возможности статусного взаимодействия. Все эти особенности, безусловно, имеют качественный характер.

Рассмотрим указанную специфику интернет-среды более подробно.

Одной из самых ярко выраженных свойств коммуникации в глобальной сети Интернет является *бестелесность* взаимодействующих интернет-партнеров, участников. В сетевом пространстве собеседники встречаются виртуально, и они могут никогда не появляться друг перед другом в физической, реальной телесности.

Современные высокие технологии, программные продукты (*ICQ Pro, Trillian, Lite, Miranda, QIP, Skype, Same-Time, MSN messenger* и др.), предложенные интернет-индустрией, дают возможности передачи видеоизображений и интернет-телефонии, однако в виртуальном пространстве Интернета в процессе коммуникации телесности нет.

Следует отметить, что бестелесная форма коммуникации обладает определенными преимуществами. В качестве положительных моментов и психологического комфорта в виртуальном общении можно отметить отсутствие: *во-первых*, телесного давления, *во-вторых*, формы телесного контроля со стороны других участников и, *в-третьих*, определенных социальных ограничений в процессе коммуникации.

Второй специфической чертой нового социального порядка повседневной коммуникации в виртуальной глобальной сети Интернет является *возможность надеть маску и спрятаться под ней.* Находясь под маской в мнимом пространстве, человек может реализовать свои настоящие потребности, *общаться в сети анонимно.* Можно в течение долгого времени общаться, скрываясь под вымышленным именем, можно выбрать пол, придумать род занятий, скрыть возраст и т. д. Однако данный фактор может иметь негативные тенденции и отрицательные стороны. Например, может изменить отношение человека как к виртуальным партнерам, так и к самому себе, повлиять на психологический настрой. Может также выработать психологическую зависимость от виртуального общения. Современная медицина уже находит схожие признаки у интернет-зависимости и наркозависимости и приравнивает их друг к другу.

Третьей особенностью общения в глобальном пространстве Интернета является *нарушение временных рамок коммуникации*, то есть асинхронность общения. Коммуникация посредством электронной почты (*E-mail*) и всемирной глобальной сети (*World Wide Web*) происходит несинхронно: отправитель оставляет сообщение в одном временном отрезке, тогда как адресат получает, читает и обрабатывает его в другое время.

Четвертой, довольно ярко выраженной спецификой повседневной коммуникации в глобальной сети Интернет является *отсутствие каких-либо ограничений в выборе места коммуникации.* Сетевой мир Интернета не привязан к какому-либо пространству. Коммуникация в сети Интернет не зависит от локализации

участников коммуникации. Единственной формой ограничения коммуникативной сферы является выбор точек коммуникации.

Пятой отличительной особенностью повседневной коммуникации в глобальной виртуальной сети Интернет является широкий спектр возможностей для *обмена информацией.* Текст и его содержание являются формами самовыражения человека в виртуальной среде.

И, наконец, шестая, немаловажная специфика сетевой коммуникации состоит в *отсутствии статусного взаимодействия*. В виртуальной среде Интернета оценка участниками своих партнеров осуществляется через оценку содержания интеракции.

В связи с тем, что дистанционная коммуникация снимает некоторые социальные и психологические проблемы человека, все отмеченные выше особенности сетевого общения в изучении социальных отношений приобретают огромное значение. Ставшие современным средством и способом повседневного общения людей, интернет-коммуникации и их специфические характеристики в кругах исследователей не находят однозначной оценки. По мнению многих ученых, сетевое общение и образование виртуальной реальности могут иметь негативные социальные и психологические последствия, но это тема отдельного исследования.

Глобальное интернет-пространство создает своеобразную коммуникативную культуру. В этой культуре существуют специфические роли и личностные отношения партнеров, участников интеракций. Выполнение повседневных ролей и придает общающимся в конкретной сети определенную идентичность.

Коммуникацию в глобальной сети Интернет можно рассматривать как изменение не только текста, но и течения мыслей, изменение смыслов и представлений. Язык – живой организм и как «форма выражения мысли» (В. И. Ленин) быстро и достаточно чутко реагирует на происходящие в интеракциях изменения. В результате этого в язык внедряются иностранные слова и выражения, вкрадываются специфические сленг, понятия и термины. А эти явления мешают расшифровке текстов и затрудняют понимание их содержаний.

Подытожим все сказанное.

Можно заключить, что современная глобальная информационно-коммуникативная сфера Интернет – это особая форма взаимодействия людей, которая может пользоваться традиционными средствами общения, но одновременно может строить альтернативные системы и формы передачи информации, вводить новые элементы понятийного аппарата. При этом отмеченные формы и средства взаимодействия одновременно имеют и смысловую нагрузку, так как они не могут быть лишь техническими формами коммуникаций.

Формы коммуникаций, свойственные для глобальной сети Интернет, можно назвать интертекстуальными. Они позволяют нам судить о качественном изменении отношений между участниками коммуникации. И это дает нам право называть отношения в глобальной сети «контекстными», «контекстным отношением», которое подразумевает обязательное наличие доступных ссылок, обмен и пользование ими, а также наличие соответствующих текстов – наполнителей ссылок. На наш взгляд, правильно будет понимать Интернет как электронную текстуальность. Так, в современном обществе интернет-сеть не только выполняет функцию богатейшего источника необходимой информации, но и превращается в уникаль-

ное средство профессионального, научного общения, а также средство создания сообщества, сущность которого, на наш взгляд, достаточно адекватно отражает синтетическое выражение «медийный тип сообщества».

Межличностные отношения, складывающиеся в интернет-среде, можно понимать двояко: как отношения, формирующиеся, с одной стороны, между личностями, и с другой – между личностью и текстом, а также между текстами.

Хотелось бы вспомнить слова Бердяева, который уверяет нас, что «душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации... сердце не может жить в металлической среде» [Бердяев 1989: 156]. Но современный человек уже не в состоянии поддерживать жизнь, не ставя между собой и природой как источником сырья технические средства. По словам Х. Ортеги-и-Гассета, техника служит средством приспособления среды к человеку и тот не в состоянии отвергнуть связь с ней. Однако человек способен преобразовывать технику, сохраняя свою идентичность.

Ясперс же уверен в том, что «судьба человека зависит от того способа, каким он подчинит себе последствия технического прогресса, <...> как человек, подчинившийся технике, станет господствовать над ней» [Ясперс 1994: 221].

Литература

Бергер П. Многоликая глобализация. М. : АспектПресс, 2004.

Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147–162.

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.; СПб.; Нью-Йорк : Элима, Питер, 2006.

Дайзард У. Наступление информационного века // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М. : Прогресс, 1986.

Ежеквартальный журнал «Интернет в России». 2005. Вып. 10.

Лал Д. Похвала империи. Глобализация и порядок. М. : Новое издательство, 2011.

Маликова Н. Р. Социальное измерение глобализации. М. : РГГУ, 2012.

Миронов А. В. Технократизм – вектор развития глобализации. М. : Книга по требованию, 2012.

Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М. : Политиздат, 1991.

Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Проспект, 2005.

Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М. : Канон+, 2006.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994.

НАЦИЯ И ЭТНОС В ЕДИНОМ МИРЕ

Сафонов А. Л.
к. т. н., проректор по международным отношениям
Московского государственного индустриального университета,
доцент кафедры истории и социологии.
E-mail: zumsiu@rambler.ru

Орлов А. Д.
к. т. н., доцент кафедры «Гуманитарные науки»
филиала Московского государственного
индустриального университета
г. Жуковский Московской области.
E-mail: aorlov2004@rambler.ru

Актуализация этничности – одна из ключевых тенденций (проблем) глобализации. Выдвинута гипотеза, что нация и этнос – различные по генезу и механизмам функционирования социальные группы, в которых индивид участвует одновременно. Феномен одновременного участия в социальных группах с различными социальными статусами и ролями раскрывает механизмы реактуализации этничности и других дивергентных процессов, характерных для глобализации.

Ключевые слова: *глобализация, этнос, этничность, нация, национальность, государство, социальная группа, реактуализация, конец истории, идентичность, дивергенция.*

Actualization of the ethnicity is one of the key trends (issues) of globalization. The author hypothesizes that a nation and an ethnic group are different in the genesis and functioning social groups in which an individual participates simultaneously. The phenomenon of simultaneous participation in different social groups with different social statuses and roles reveals the mechanisms of reactualization of ethnicity and other divergent processes characteristic of globalization.

Keywords: *globalization, ethnos, ethnicity, nation, nationality, the state, social group, reactualization, the end of history, identity, divergent.*

Один из ключевых вопросов социальной теории глобализации – вопрос о соотношении этноса и нации как системообразующих социальных групп.

В европейской научной традиции Нового времени процесс исторического развития мыслится как поэтапное слияние низших, эволюционно более ранних общностей с образованием новых, более широких, и «отмиранием», деактуализацией, предшествующих. В частности, гражданская нация рассматривалась как трансформированный в ходе социального прогресса этнос, а существующие этносы – как реликты или пережитки догосударственных и раннегосударственных

стадий развития, не сумевшие развиться в государства и сохраняемые вместе с остатками докапиталистического уклада.

Такая модель поэтапного перехода к высшей стадии общественного развития через слияние частей в качественно новое однородное целое приводила к выводу, что на следующей, глобальной, стадии развития экономики с неизбежностью произойдет следующий этап унификации – слияние и, как следствие, «отмирание» базовых институтов предшествующей индустриальной эпохи – национального государства и наций, результатом чего будет возникновение глобального общества.

Очевидным недостатком модели развития через слияние более ранних общностей было игнорирование устойчивой этнокультурной мозаичности мира, включая Европу как лидера индустриального и постиндустриального развития: этнокультурная унификация всегда была существенной, но далеко не абсолютной тенденцией исторического развития.

Характерно, что сама идея необратимой трансформации этносов в нации демонстрирует явные признаки нормативного подхода, не столько описывая, сколько предписывая генеральное направление социального развития индустриальной эпохи – вовлечение социальной (аграрные общины и регионы) и этнической периферии в экономическую социальную и культурную жизнь национального государства.

При этом часто забывается, что характерная для индустриализма деактуализация этничности в XIX–XX вв. была не только и не столько результатом, сколько политическим инструментом формирования гражданских наций. Таким образом, характерная для Нового времени деактуализация этничности и религиозности отнюдь не доказывает, что механизм формирования наций можно свести исключительно к образованию национального рынка, объединяющего этнические территории, и конструированию политической вертикали «сверху».

Характерный для европейской социальной теории экономический детерминизм трактует глобализацию как непреодолимый, необратимый и безальтернативный процесс глобальной конвергенции. Считается, что растворение границ, размывание и атомизация национальных элит, монетизация всех неэкономических аспектов жизни уже в ближайшем будущем не оставит места для сколько-нибудь сложных и стабильных локальных общностей. **Таким образом, провозглашается не только «конец истории» (Фукуяма), но, по сути, и «конец социальных структур», «конец традиции» и как следствие – конец всей «цветущей сложности» как атрибута социальной формы развития материи.**

В итоге перспектива поэтапной конвергенции и социокультурной унификации локальных общностей вплоть до образования глобального сверхобщества с единой «общечеловеческой» идентичностью считается единственно возможной не только творцами и теоретиками западной модели глобализации с характерным для нее экономическим редукционизмом, но и ее критиками.

Между тем реальная глобализация с характерным для нее кризисом национального государства и национально-гражданской идентичности не только не ускорила «отмирание» этноса, но привела к неожиданному глобальному всплеску этничности и религиозности, их трансформации в новые виды социальных практик, устойчивой тенденции к росту многополярности и многосубъектности мирового развития [Сафонов, Орлов 2011а: 3–7].

Таким образом, вопреки ожиданиям конца XX в., одним из ключевых вызовов эпохи глобализации стала трансформация и реактуализация этничности в качественно новых условиях распада национальных государств и формирования единой мир-системы.

Неожиданный ренессанс этничности на рубеже XXI в. показал недостаточность, противоречивость и фрагментарность как конвергентной модели глобализации, так и социальной теории в целом, не сумевшей не только заранее предсказать глобальный кризис этноконфессиональной сферы, но и осознать его постфактум.

К основным теоретическим направлениям, объясняющим возникновение и развитие структурных объединений людей, таких как народности, этносы и нации, относятся примордиализм и конструктивизм. Примордиализм [Бромлей 1970: 51–55; 2009] рассматривает этносы и нации как непрерывно и преемственно возникающие и эволюционирующие социально-исторические организмы. Однако примордиализм более адекватно объясняет генез развития этносов на догосударственной и раннегосударственной стадиях, нежели особенности развития этноса на стадии индустриализма.

Конструктивизм рассматривает этнос и нацию как в основном искусственный политический и идеологический конструкт, создаваемый и трансформируемый элитами в ходе государственного строительства и политической борьбы [Тишков 1998; 2001].

Несколько особняком стоит близкая к примордиализму теория Гумилева с характерным для нее экологическим детерминизмом, рассматривающая этнос как устойчивый социобиологический субъект, проходящий сквозь социально-экономические формации [Гумилев 1970, № 1: 46–55; № 2: 43–50].

К разновидности примордиализма следует отнести цивилизационный подход, фиксирующий и акцентирующий, но не объясняющий устойчивое сохранение этнокультурных особенностей при смене экономических формаций и политических институтов.

Своеобразным «нулевым», тривиальным вариантом теории генеза этноса и нации является неолиберальная доктрина, считающая этническое и национальное второстепенными и преходящими локальными особенностями, исчезающими по мере формирования глобальных рынков и глобальных элит и не влияющими на объективно предопределенный результат мирового развития.

Теория этноса, основанная на стадиальном (формационном) подходе, рассматривает национальное как позднюю историческую стадию развития этнического. Соответственно, этнос рассматривается как потенциальная нация, находящаяся на раннегосударственной стадии развития, не успевшая или не сумевшая развиться, а нация – как *бывший* государствообразующий этнос, трансформированный и адаптированный в ходе становления более развитой общественно-экономической формации. Культурная преемственность обеспечивается через механизм трансформации этноса в гражданскую нацию, в ходе которой этнос отмирает, оставляя историческую память, интегрированную в национальную культуру [Бромлей 2009].

Формирование наций рассматривается как генетическое продолжение исторической эволюции первичного этноса в условиях сначала феодального, а в дальнейшем – буржуазного национального государства, в результате чего этнос «от-

мирает», постепенно перерождаясь в нацию, генетически связанную не с патриархальными, но с государственными социальными институтами.

Соответственно этническая идентичность рассматривается либо как «пережиток» патриархальности, культурный атавизм, закрепившийся в культурной «надстройке», либо как «недоразвитое» национально-государственное сознание культур-аутсайдеров. На этом убеждении, в частности, строилась концепция «национального строительства» в СССР на основе догосударственных и раннегосударственных этносов, а также концепция «национального освобождения» бывших колоний, до колонизации находившихся на догосударственной или раннегосударственной стадии развития.

Таким образом, основанная на экономическом детерминизме логика примордиально-стадиального подхода предполагает не только «отмирание» этноса по мере «превращения» в нацию, но и «отмирание» нации по мере становления глобального рынка и глобального информационного пространства. Из тенденции экономической глобализации делается вывод о неизбежности глобальной и тотальной этнокультурой конвергенции. Тезис об отмирании этноса и нации характерен и для современного отечественного конструктивизма [Тишков 1998].

Однако общественная практика последних двух десятилетий предметно доказала, что упрощенная логика привязки этнического и национального сознания к экономическому строю не согласуется с тем, что по мере развития экономической глобализации «пережитки» и «атавизмы» раннебуржуазной, феодальной и даже догосударственной эпох оказывают все большее влияние на массовое сознание и мировое развитие.

Убеждение в экономически и технологически (информатизация) предопределенном «отмирании» этнической и национальной идентичности с формированием глобально усредненного, хотя и стратифицированного, мирового социума характерно не только для последовательных глобалистов и неолибералов (в варианте Ж. Аттали – «бедные кочевники» и «богатые кочевники»), но и для их оппонентов левомарксистского толка – антиглобалистов и альтерглобалистов, предлагающих альтернативу неолиберальной социальной модели, но исключительно в рамках неизбежной, по их мнению, однополярной глобальной «Империи», тотальная власть которой не ограничена пространственными, социальными и даже временными рамками [Хардт, Негри 2004: 14].

Между тем оказалось, что по мере углубления глобализации и кризиса национальных государств этническая принадлежность не «сглаживается», не «ассимилируется» и не интегрируется в глобальную «мультикультурную» среду. Напротив, на фоне кризиса институтов национального государства все формы этнизма переживают период небывалого подъема и активно востребуются еще вчера пассивными, деидеологизированными и атомизированными массами.

В конечном счете предсказать или хотя бы объяснить постфактум «возвращение» этносов на историческую арену вопреки глобализации рынков экономический детерминизм не сумел.

Явная и повсеместная реактуализация этноса позволяет сделать вывод, что этническая и национальная (национально-государственная) идентичность, этнос и политическая нация – тесно связанные, но не тождественные социальные явления, ассоциируемые с различными социальными группами и социальными ролями.

Этнос и нация развиваются параллельно, но достаточно независимо и друг от друга, и от экономической сферы, составляющей для них внешнюю среду, безусловно влияющую на ход развития, но не определяющую его.

Иначе говоря, для современного этноса экономическая среда, определяющая физическое потребление и условия жизни – такая же внешняя среда, какой для более ранних форм этноса является природная экосистема (ландшафт), в которой различные этносы могут занимать различные социальные ниши, позволяющие извлекать жизненные ресурсы.

Вторая ключевая проблема социологии глобализации – вопрос о современном бытии крупных государствообразующих этносов как массовых социальных групп, составляющих достаточно независимую от политической и идеологической оболочки основу социума.

Своеобразным ответом на вызовы глобальной этнизации и ограниченность экономического детерминизма стал конструктивистский подход. Все более интенсивная политическая эксплуатация этничности создает ложное впечатление, что современная этническая идентичность – не более чем навязанный локальными элитами искусственный идеологический конструкт, продукт современных политических манипуляций, не имеющий глубоких исторических и социальных корней в связи с отсутствием, «отмиранием» самого этноса как живой и активной социальной общности.

Конструктивизм удовлетворительно описывает национальное строительство и генез политических наций, но не учитывает целого ряда особенностей современных процессов этногенеза и деструкции наций, в частности игнорирует современный этнос как объективно существующую социальную группу.

В целом известные теоретические подходы к проблеме этноса, сформировавшиеся до эпохи глобализации, объединяет неспособность предсказать реальные процессы этногенеза и социогенеза в качественно новых условиях глобального кризиса.

Таким образом, для построения адекватной теории современного этноса необходимо четкое разграничение сфер этнического и национального, основанное не на внешних атрибутах, а на сущностных особенностях этноса и нации как социальных групп. В частности, ранее авторами были предложены следующие тезисы [Сафонов, Орлов 2011в: 218–232]:

- Этнос и нация – не сменяющие друг друга стадии развития, но параллельные и часто конкурирующие сферы социального бытия: доминирование этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот, причем индивид входит как в нацию, так и в этнос. Этносы сохраняются, несмотря на глобализацию, и сохраняют культурно-историческую преемственность при смене общественных формаций, охватывая большинство населения. Государствообразующие этносы продолжают латентное (скрытое) функционирование, обратимо уходя в тень наций, и вновь проявляются при кризисе институтов национального государства – локальном или глобальном.
- Этнос и нация – качественно различные социальные группы, связанные с различными социальными позициями (социальными ролями), имеющие разный генезис и динамику развития.

• Различие феноменов этноса и нации заключается не во внешних атрибутах, а в механизме воспроизводства и функционирования этноса и нации как социальных групп. Механизм воспроизводства этноса – трансляция этничности через образ (способ) жизни и «структуры повседневности» [Бродель 1986].

• Механизм воспроизводства нации – взаимодействие индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию как общность, осознающую себя через наличие общих (национальных) интересов, опосредованных национальным государством.

Проблема соотношения этноса и нации актуальна не столько для объяснения прошлого постфактум, сколько для анализа повсеместно нарастающего кризиса этнонациональных отношений как одной из ведущих угроз глобального «мультикризиса» [Сафонов, Орлов 2012: 114–125].

Вне поля зрения теории остаются механизмы и движущие силы этнизации и ее связь с кризисом национальных государств и национальной идентичности. В частности, на фоне всплеска этничности меньшинств и диаспор не осознавался рост проявлений этничности крупных государствообразующих этносов.

В качестве объективной движущей силы конкуренции и коэволюции этноса и нации следует рассматривать динамику их сравнительной социальной привлекательности и востребованности, то есть способности данных социальных групп инкорпорировать новых членов, удовлетворяя их существенные социальные потребности и интересы [Они же 2011б: 17–23].

Предпосылкой кризиса современных наций стало резкое сужение социальных функций государства, связанное с экономической глобализацией и размыванием среднего класса как массовой социальной базы нации. В достаточно короткий период государство утратило или резко сократило целый ряд жизненно важных для граждан функций и социальных гарантий.

Это привело к обесцениванию, деактуализации нации как интегрирующей социальной общности, сбалансированно обеспечивающей индивидуальные и групповые интересы своих членов.

Характерный для неолиберальной социальной политики «отказ от государственного патернализма», ставящий членов гражданского общества в ситуацию перманентной социальной нестабильности и тотальной взаимной конкуренции, оборачивается вынужденным отказом от лояльности государству и от потерявшей смысл гражданской солидарности, что также создает предпосылки для фрагментации нации и актуализации альтернативных социальных групп – прежде всего этнических и религиозных.

Часто высказывается мнение, что в условиях глобализации «наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности» [Данилова, Ядов 2004: 30]. Теряющие социально-экономическую и психологическую опору члены обесцененной гражданской нации вынуждены искать новые, альтернативные социальные группы и идентичности, способные обеспечить их интересы в новых условиях, в результате чего идентичность индивида становится все менее стабильной и даже множественной [Тишков, Кисриев 2007: 96–115].

Тем не менее на практике выбор ведущей идентичности предельно узок и ограничен теми социальными группами, с которыми индивид и его окружение

уже связаны генетически и повседневно, и предрешен наличием у индивидов второй, этнической (и связанной с ней религиозной), идентичности, которая выходит из тени национальной и становится ведущей.

И действительно, практика глобализации, и, в частности, этнополитические процессы в постсоветских государствах, показывает, что **при распаде или ослаблении политической общности индивид «выбирает» свой этнос – «параллельную» нации социальную общность, в которой де-факто существует с рождения и с которой связывает будущее своих потомков независимо от трансформаций социальной среды**. Соответственно выбор религии также определяется прежде всего этнической принадлежностью. По сути, ситуация выбора этнической идентичности возникает только у детей от межэтнических браков.

Иначе говоря, глобализация, ослабляя формирующие нацию и национальное сознание гражданские и политические институты, ведет к замещению их институтами традиционного общества и обычным правом, то есть к распаду политических наций на этносы, которые все больше делокализуются, выходят за пределы этнических территорий и приобретают форму глобальных этносов, глобальных этнических диаспор, которые все чаще конкурируют с государствами и транснациональными корпорациями не только за ресурсы, но и за политический контроль.

Противоречие глобализации заключается в том, что этнос, включая его современные формы, адаптированные к глобальной социально-экономической среде, не может служить социальной основой для современной глобальной экономики и ее технологической инфраструктуры, обеспечивающей сравнительно устойчивое и мирное сосуществование 6 млрд людей, принадлежащих к разным этносам.

Выйдя из тени гражданского общества, современный этнос остается продуктом достаточно архаичной самоорганизации на основе родственных и клановых связей и донаучных форм общественного сознания и ориентирован на присваивающие формы хозяйства и жесткую межэтническую конкуренцию как единственный способ расширения ресурсной базы этноса.

На практике это означает, что в условиях глобализации **политической и экономической формой существования современных этносов и этнических диаспор часто становятся этнокриминальные сообщества.** Так, ярким примером институализации современного этноса в условиях глобального мира может служить албанская диаспора, в исторически короткий срок после открытия границ резко усилившая позиции в международной криминальной экономике, доходы которой многократно превышают национальный доход Албании как государства.

Таким образом, на постиндустриальном этапе мирового развития этнизация зачастую становится индикатором и одной из форм системного социального регресса, массовой десоциализации, маргинализации и криминализации населения, а часто – катализатором необратимого распада гражданских наций.

При этом современные этносы, возвращаясь на историческую арену в качестве политических субъектов, акторов мирового процесса, всегда сохраняют прямую генетическую преемственность по отношению к более ранним формам бытия, характерным для доиндустриального, традиционного общества.

Вопреки утверждениям конструктивистов о возможности «конструирования» современного этноса по аналогии с гражданской нацией, достоверно установленных случаев «конструирования» совершенно новых этносов конструктивисты

не приводят. Обычно «конструирование» этносов на поверку оказывается политизацией или актуализацией уже существующих этнических групп, либо трансформацией этнических элит. Таким образом, применительно к этносам, политическое конструирование позволяет влиять на трансформации уже существующего этноса, но не создавать его произвольно, как политические и корпоративные социальные группы.

В результате глобализация и вызванный ею кризис гражданских наций и социального государства создают ситуацию, когда этнизация и сопутствующая ей клерикализация общества с его распадом на враждебные религиозные общины дополнительно ускоряют и углубляют порождающий их кризис гражданских наций.

С точки зрения современной общественно-научной традиции устойчивое существование этносов и наций (этнической и национальной компонент) на протяжении ряда социально-экономических формаций, включая современный период глобализации, кажется далеко не очевидным.

С одной стороны, осознанию сосуществования этноса и нации как самостоятельных социальных институтов мешала категориальная неопределенность, связанная с эволюцией соответствующих понятий (нации и национального, этноса и этнического). Так, само понятие «этнос» вошло в широкий научный обиход только в конце XX в.

Основным препятствием для осознания устойчивого бытия этничности в условиях индустриализма и постиндустриализма было убеждение в «остаточности» и соответственно все меньшей актуальности этничности, якобы быстро и необратимо уничтожаемой по мере изменения образа жизни (урбанизация, миграция), унификации массовой культуры сначала на национально-государственном, а затем и на глобальном уровне.

И действительно, первичный, «примордиальный» этнос в качестве предмета классической этнографии с такими его атрибутами, как устная эпическая традиция, этническая обрядность с песнями и танцами, ремесла, языки и локальные диалекты, в течение XX в. действительно прекратил существование. Общеизвестны и причины – всеобщее образование, урбанизация и миграция, всеохватывающие электронные СМИ, а в последние десятилетия – глобализация, существенно усилившая все унификационные социальные механизмы. Таким образом, с точки зрения этнографии и фольклористики этносы, особенно государствообразующие, «исчезли» еще в середине прошлого века.

Характерно, что большинство институтов национального государства, определяющих социальную позицию индивида, нечувствительны к этнической принадлежности. Провозглашая равноправие граждан независимо от альтернативной групповой принадлежности, национальное государство целенаправленно деактуализирует все параллельные властные и социальные институты, включая не только религию и сословность, но и этническую принадлежность. Деактуализация этничности была и остается одним из базовых инструментов формирования гражданских наций и других политических общностей.

Между тем далекие от философских обобщений полевые социологические исследования, включая переписи, уверенно фиксируют наличие у подавляющего большинства населения, включая население мегаполисов, отчетливой и устойчивой этнической идентичности, отличной от национально-государственной [Старовойтова 1987: 125–126].

В конечном счете в ходе политического строительства этнос не «отмирает» и не трансформируется в нации, а обратимо вытесняется из сферы политических и производственных отношений в сферу частной и семейной жизни. Однако такое вытеснение на латентный уровень, «маскируя» этнос, придает ему гораздо большую стабильность и независимость от социальных кризисов и трансформаций экономического и социального порядка.

Очевидно, суть феномена этничности и его независимости от государственно-гражданской сферы – не столько во внешних атрибутах, сколько в механизме воспроизводства этничности – непосредственной социальной наследственности, не опосредованной внешними социально-политическими институтами и включающей в себя трансляцию этнической идентичности и характерных для этноса образа жизни, ценностей и моделей социального поведения через механизмы длительного, повседневного повторяющегося взаимодействия, подражания и социально-ролевого поведения в ближайшем, как правило, родственном и соседском социальном окружении. На социальную основу современной этничности, принципиально отличную от политических институтов гражданского общества, обратила внимание школа Фернана Броделя, который ввел понятие «структур повседневности», хотя последовательно стоял на позициях экономического детерминизма.

Иначе говоря, этничность воспроизводится через длительное погружение личности в образ жизни и «структуры повседневности» этноса. Более того, именно в «структурах повседневности» и социальных сетях семьи и ближайшего социального окружения идет само становление личности с первых месяцев жизни, в том числе формирование структур и функций головного мозга, импринтинг идентичности и поведенческих стереотипов.

Соответственно внешние атрибуты этноса – этническая территория, язык, религия, культура – оказываются лишь производными от основы этничности – непосредственной межпоколенной социальной наследственности, основанной на длительном и тесном социальном взаимодействии в рамках «структур повседневности» и образа жизни.

Из природы этничности, основанной на образе жизни, массовых и повседневных горизонтальных социальных взаимодействиях, вытекают характерные для этноса как типа социальной группы свойства – высокая инерционность, эволюционный, непрерывный и преемственный характер изменения, сохраняющий не только символическую, но и прямую преемственность современных этносов по отношению к исходным, примордиальным, этносам далекого исторического прошлого.

Создание политической нации не уничтожает государствообразующий этнос, а вытесняет его в сферу частной, повседневной жизни, используя для государственного строительства язык, территорию, культурные особенности и самое главное – человеческий ресурс государствообразующего этноса.

Это означает, что **и в эпоху глобализации этнос с его механизмами горизонтальных децентрализованных связей и социальных сетей далек от исчезновения хотя бы в силу того, что составляет повседневную социальную среду индивида вне зависимости от одновременного участия индивида в других социальных группах**.

Сосуществование этноса и нации как взаимодополняющих социальных институтов дает возможность по-новому взглянуть на динамику социальных кризисов и катастроф, таких как революции, реформы и внешние завоевания.

В частности, в период социальных кризисов и катастроф именно социальная активность государствообразующего этноса позволяет возобновить национально-политическую надстройку и сохранить культурно-историческую преемственность даже при радикальном обновлении элит, смене государственной идеологии или внешнем завоевании.

Образуя видимую целостность (единство языка, территории, культуры…), государствообразующий этнос и соответствующая ему политическая нация сохраняют свою разнокачественность и самостоятельность, развиваясь с разной динамикой и инерционностью. Из разнокачественности и конкурентности сфер этнического и национального вытекает и наблюдаемая сегодня глобальная этнизация обществ как объективное следствие кризиса гражданских наций и разрушения социальных институтов.

Одним из практических доказательств параллельного существования нации и этноса как самостоятельных социальных групп является широкая распространенность полиэтнических наций и полинациональных этносов: границы этноса могут включать более одной гражданской нации, границы нации обычно шире отдельного этноса.

Так, большинство европейских наций включают заметную долю иноэтнического населения, представляющего, в частности, государствообразующие этносы соседних государств, но при этом полностью интегрированных в гражданскую нацию государства проживания, как, например, проживающие во Франции итальянцы. Нация швейцарцев состоит из этнических германцев и этнических французов, финская нация включает заметный процент неассимилированных шведов и т. п.

К типичным полиэтническим нациям, члены которых устойчиво сохраняют групповую этническую идентичность, можно отнести американскую нацию. Успешным примером национального строительства, опровергающим распространенный после распада СССР тезис о «неизбежности» распада «империй», под которыми понимаются полиэтнические государства с компактным расселением этнических меньшинств, может служить Индия, где этносы, в отличие от США, расселены в пределах исторически сложившихся этнических территорий.

В целом примеры США и Индии позволяют сделать вывод, что известная теория национального государства как «плавильного котла», некритически переносимая на глобальный уровень, не работает даже на уровне полиэтнических наций.

Одно из доказательств самостоятельного бытия этноса и нации как пересекающихся, но нетождественных социальных групп – несовпадение связанных с ними социальных статусов и ролей, что известно в социологии как «феномен одновременного участия» [Штомпка 2005: 199–201]. В условиях социальной нестабильности проявлением этого феномена становится конфликт социальных статусов, связанных с различными группами [Сафонов 2012: 13–16].

Так, примером феномена одновременного участия индивида в нации и в этносе как двух самостоятельных и различных по социальной природе социальных группах является **распространенность многонациональных этносов, то есть**

этносов, составляющих существенную долю населения более чем одного государства. В целом этносы, разделенные между несколькими государствами и входящие в состав соответствующих наций, – распространенное в мире явление [Балашов 2008: 3–10].

По сути, в условиях глобализации этносы становятся не просто «полинациональными», а все больше отрываются от своих этнических территорий пространственно, усиливая интеграцию за счет глобальной экономической и информационной связности.

Предлагаемое разграничение этноса и нации как пересекающихся, но различных по природе и функциям социальных групп позволяет уточнить области применения известных концепций этногенеза и социального развития.

Таким образом, **в условиях глобализации и даже «постглобализации», то есть уже сформированной глобальной экономической и социальной среды, этносы не только выходят из тени гражданских наций, но и закономерно приобретают форму глобальных политических акторов, участвующих в мировых процессах наряду с государствами и корпорациями**. Одной из значимых форм реактуализации этносов становится этнический и религиозный фундаментализм.

В то же время современные этносы, тяготеющие к сфере распределения и присваивающим формам хозяйствования, как и корпоративные структуры, не обеспечивают полноценного воспроизводства современных производительных сил и социальных институтов, необходимых для устойчивого развития экономики и базовой социальной инфраструктуры. Снижая значимость нации и связанных с ней социальных ролей и статусов, этнос не способен адекватно ее заменить, так как основа сложнейшей системы разделения и кооперации труда, необходимая для воспроизводства техносферы, связана с институтами государства.

Предлагаемая модель одновременного участия индивида в нации и этносе как несовпадающих социальных группах позволяет четко определить и разграничить понятия этноса и нации, уточнить области применимости известных социологических концепций, а также объяснить парадоксальный характер и движущие силы современного этногенеза.

Литература

Балашов Ю. А. Разделенные народы в мировых политических процессах: история и современность. Н. Новгород : Медина, 2008. С. 3–10.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986.

Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2. С. 51–55.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 46–55; № 2. С. 43–50.

Данилова Е. Н., Ядов В. А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социс. 2004. № 10. С. 27–30.

Сафонов А. Л. Национальное и этническое: феномен одновременного участия // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации:

сб. науч. трудов: в 2 ч. Ч. 1 / науч. ред. Д. Ш. Цырендоржиева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. С. 13–16.

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Глобализация и проблема предзаданности мирового развития // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 14. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011а. С. 3–7.

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2011б. С. 17–23.

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2011в. № 4. С. 218–232.

Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Глобализация: кризис мировой системы как система кризисов // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2. С. 114–125.

Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном городе. Л., 1987.

Тишков В. А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.

Тишков В. А. Этнос или этничность? Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001.

Тишков В. А., Кисриев Э. Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96–115.

Хардт М., Негри А. Империя / пер. с англ. под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М. : Праксис, 2004.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТЬ – ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА РОССИИ

Авилов В. И.
д. т. н., академик РАЕН, главный научный сотрудник
Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН
Авилова С. Д.
д. б. н., академик РАЕН, главный научный сотрудник
Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.
E-mail: avands@yandex.ru

Наличие природных богатств является необходимым, но не единственным условием обеспечения безопасности нашей страны. Разумное владение ресурсами в интересах общества создает основу энергобезопасности государства. Анализ экосистемных взаимодействий в социосфере планеты дал возможность выдвинуть новые принципы более четкой структурной организации общества, основанной на разделении собственности как продукта, произведенного из природных ресурсов. Внедрение принципов отнесено к приоритетным задачам власти по обеспечению безопасности страны.

Ключевые слова: *социум, энергобезопасность, собственность, экосистемный анализ.*

Natural resources are a necessary but nota single condition of our state security. Reasonable exploitation of resources for society interests forms the basis for state energy security. The analysis of ecosystem interactions in the planet sociosphere enables to suggest new principles of a clearer social structure, based on division of property as a product made from nature resources. Introduction of these principles is among the state priority security tasks.

Keywords: *society, energy security, property, ecosystem analysis.*

Системность проблемы. Вопрос о безопасности России постоянно находится в центре внимания общества. Одним из первых был принят Закон РФ «О безопасности» (1992 г.), в котором рассмотрены разнообразные угрозы национальной безопасности и названы силы и средства ее обеспечения. Создан и постоянно действует Совет безопасности РФ. Названы и развиваются такие направления, как военная, экономическая, экологическая, социальная безопасность и т. п. Все они вносят свой вклад в решение проблемы, являясь компонентами единого механизма управления экономикой страны и обществом. В работу вовлечены многочисленные общественные фонды и организации социальной и экологической направ-

ленности. Значительная часть населения в той или иной степени занята вопросами обеспечения безопасности страны.

Предпринятые усилия подняли безопасность России на должный уровень, но ситуация быстро меняется. Анализ сложившихся взаимозависимостей приводит к выводу о доминировании за последнее десятилетие в механизме национальной безопасности экономической компоненты. Одномоментно с несомненным успехом – устранением угрозы распада страны и укреплением государства – обострились противоречия между отдельными составными частями системы безопасности. Об этом свидетельствуют недавние предвыборные баталии, обозначившие диспропорции в политической, социальной и энергетической сферах. Политические разногласия быстрыми решениями сведены властью до минимума. Причины несоответствий в других сферах лежат гораздо глубже. Для анализа причин возникновения противоречий и последствий их действия выбираем наиболее значимые проблемы на современном этапе. Таковые сконцентрированы в вопросах владения природными ресурсами.

Принципиальные вопросы природопользования в России в целом и по отдельным ресурсам регламентированы принятым законодательством (ФЗ «Об охране окружающей среды», Водный, Лесной, Градостроительный кодексы РФ и т. д.). Практическая деятельность по разработке и освоению ресурсов часто вступает в противоречие с законодательными нормами, ставя под сомнение заложенные в федеральных законах и кодексах принципы. В России, где по оценке примерно 60 % территории занимает первозданная природа, бытует пренебрежительное отношение к экологическим ограничениям, которые просто мешают бизнесу. В сфере производства наблюдаются случаи, когда принимают подзаконные акты, методические, предынвестиционные и иные документы, противоречащие существующему федеральному законодательству, направленному на реализацию прагматических интересов страны в долгосрочной перспективе [Коренева 2010]. Конфликт интересов порождает разнообразные негативные явления, но главное, приводит к хаотичному, слабо управляемому процессу развития ресурсодобывающей отрасли и инфраструктурных объектов. Получаем активно действующую сырьевую экономику с элементами стихийного управления, сопровождаемую обострением противоречий в обществе. Возникшая ситуация далека от оптимальной и таит определенную опасность, но по-своему закономерна, так как характерна для многих стран, в которых преобладает экспортно ориентированная сырьевая экономика. Однако выход из нее не очевиден. Наилучшее приближение можно получить, если рассматривать безопасность как многокомпонентную систему и выявить в ней преобладающие процессы. С этой позиции определяем основной подход к проблеме.

Цели и методы исследования. Цель данной работы состоит в выборе и обосновании главенствующих факторов, обеспечивающих безопасность страны, для повышения эффективности управления на современном этапе. В такой формулировке цели важно определить понятие «безопасность». Каждое направление человеческой деятельности выработало свое представление о безопасности страны: в военной области – это защита от врага, в экономической – стабильное развитие, в экологической – охрана природы, в медицине – профилактика заболеваний и т. п. Даже такое краткое перечисление раскрывает разнообразные стороны этого понятия. По сути, безопасность – это наиболее сложная и емкая характери-

стика сообщества людей, представляющая единую систему. Поэтому критерии безопасности должны подчиняться объективно существующим системным законам. Соответственно, отождествляя Россию с экосистемой, называем основные свойства страны, наличие которых необходимо для обеспечения ее безопасности – устойчивость состояния и способность эффективно потреблять и перерабатывать факторы внешнего воздействия. Безопасность страны в первую очередь обеспечивается организацией и управлением, создающими и поддерживающими эти свойства и качества государства. Существенную роль играет духовная составляющая жизни общества, традиции и культура, формирующие гуманистические идеи и ценности населения страны. Суммарное представление о разных аспектах безопасности убеждает в многочисленных связях этого понятия практически со всеми другими свойствами и функциями государства. Анализ таких сложных взаимоотношений наиболее продуктивен с экосистемных позиций, определяя выбор методологии исследований для достижения поставленной цели. Правильный выбор метода – залог успеха. При этом учитываем специфику самого объекта исследования.

Россия как самостоятельная экосистема входит в состав общей планетарной экосистемы – социосферы или антропоэкосистемы. По основным качествам определяем социосферу как экосистему, которая вбирает в себя части геосферы и биосферы, занимаемые человеком со своей инфраструктурой. Акцентируем внимание на том, что существование социосферы базируется на использовании природных ресурсов геосферы (вода, руда, нефть и т. д.) и биосферы (продукция растительного и животного мира). Биотическая составляющая этой планетарной экосистемы в основном представлена человеческим обществом, или социумом, то есть обязательно включает человека. Человек доминирует в социосфере, от него зависят и с ним связаны все проявления жизни в этой экосистеме. Основной элемент биоты в социуме – человек, который потребляет разнообразные виды энергии (пищу, тепло, механическую и электрическую энергии и др.). Необходимо учитывать все элементы и составные части социосферы вместе, во взаимодействии и взаимосвязи. Это задача для междисциплинарного научного направления, синтеза геологии и экологии, которому авторы предложили дать название *жизнеземлезнание*, и для одной из двух его ветвей – *геоэкология.* В геоэкологии используем единую методологию – экосистемный подход, наиболее полно разработанный авторами в рамках одной из ее подсистем – *аквагеоэкологии* [Авилов, Авилова 2008; 2009; 2010; 2011].

Экосистемный подход предполагает любое явление или процесс рассматривать в единстве с факторами среды – в экосистеме. Свойства и качества (черты) предмета наблюдения определяем по результатам и реакциям взаимодействия и взаимовлияния разных элементов экосистемы между собой и внешним миром. Изучаемые свойства и характеристики объекта (в нашем случае – безопасность) существуют не сами по себе, а есть результат экосистемного взаимодействия. Они проявляются, «высвечиваются» в экосистеме. Методология исследований проблемы безопасности базируется на экосистемном анализе, включающем синтез знаний об элементном составе экосистемы, выявление причинно-следственных связей между этими элементами и определение состояния экосистемы, ее характеристик и свойств при влиянии действующих факторов. Названные общие положения экосистемного анализа определяют концептуальный подход к исследова-

нию безопасности общности людей (страны) через призму экосистемных взаимодействий.

Экосистемный анализ взаимодействий и взаимосвязей в системе безопасности страны. Для социума предлагаем следующую иерархию экосистем: человек → семья → коллектив → общность → государство → человечество (социум). Градация может быть более дробной, но принцип сохраняется. В социуме одномоментно присутствует множество экосистем. Они сильно отличаются по численному составу, занимаемому пространству, взглядам на жизнь и другим признакам, но в главном они похожи и имеют одинаковые свойства. Выделим наиболее общие черты. Как показала практика жизни, все экосистемы достаточно устойчивы и обладают высокими адаптационными способностями. Любая из них для своей жизнедеятельности потребляет природные энергоресурсы. Ни одна не может существовать автономно, они связаны друг с другом, образуя социум. В современном мире (антропоэкосистеме) в качестве экосистемных связей начинают доминировать информация и энергия.

Принципы взаимодействий у всех экосистем идентичны, представим их в виде единой блок-схемы. Каждая экосистема имеет три взаимосвязанных блока жизнеобеспечивающих процессов и факторов: вводящий, внутренний и отводящий. Внутренний блок занимает центральное место. Он отражает свойства и адаптационные возможности экосистемы. Вводящий блок содержит воздействующие на экосистему внешние факторы – вещество, информацию и энергию. Его функции в основном обеспечивают энергоресурсы, произведенные социумом в рамках имеющихся природных запасов сырья. Отводящий блок несет в себе продукцию жизнедеятельности экосистемы, состоящую в свою очередь из вещества, информации и энергии. Для социума в этом блоке важна его главная репродукционная роль.

Выявленные зависимости, представленные в блок-схеме, «высвечивают» стержневые взаимоотношения в социуме. При экосистемном анализе имеем в виду взаимодействия, следующие в русле общесистемных экологических законов. Например, передвигаясь вверх по ступеням иерархии, учитываем доминирование законов сложения экосистем. Так, по аксиоме эмерджентности новая экосистема (целое, например, коллектив) больше суммы ее частей (подсистем – человек, семья), так как она обладает особыми свойствами, отсутствующими у ее частей-подсистем. Внутренние взаимодействия экосистемы высшего ранга становятся внешним воздействием на ее подсистемы, обусловливая их состояние. Часть ни при каких обстоятельствах не может быть больше целого и т. д.

Человеческое общество как единая экосистема насыщено сложными взаимоотношениями в иерархии систем. Однако у каждой экосистемы есть вводящий блок с обязательным набором элементов природного происхождения. Поэтому из всех взаимозависимостей выделяем главную – для существования любой из экосистем социума необходима определенная доля природных ресурсов. Для социума в целом правомерно напомнить: все, что в нем есть материального или умозрительного, создано и поддерживается из природного сырья. Логично следует вывод о главенстве энергоресурсной безопасности страны среди многих других обсуждаемых и связанных с ней видов, таких как экологическая, экономическая, военная безопасность и т. п. Вместе с тем недавняя история (последние два века) дает примеры короткого доминирования и других видов угроз безопасности стра-

ны. Преодоление кризисных ситуаций войн, социальных потрясений и восстановление безопасного существования государства достигнуто за счет активизации опять же природного ресурса и его производного – людского резерва. Можно утверждать, что была создана национальная наука побеждать, основанная на патриотизме и труде народа. Завет А. В. Суворова: «Тяжело в учении – легко в бою» – неоднократно творчески использовали российские, советские руководители и военачальники. Эта методология сильна своими подходами и поныне, но мир быстро меняется и требует адекватных новаций.

Эксперты оценивают стремительные изменения в структуре человечества по обобщенным параметрам. Происходит рост населения Земли ускоренными темпами. За сто лет прошлого века народонаселение увеличилось в 3 раза, энергопотребление возросло еще быстрее – в 10 раз. Человек в среднем стал расходовать в 3,3 раза больше энергии. Прирост пошел на улучшение качества жизни, ее комфортности и оснащение техникой, например скорость передвижения возросла в 100 раз. Наряду с созиданием развились разрушительные силы – мощность оружия выросла в 1000 раз. Возникает правомерный вопрос о рациональности использования произведенной энергии и потраченных на нее природных ресурсов в XX в. Ответ будет неутешительным. Потрачены колоссальные средства на охрану ресурсов от соседей, на попытки и усилия по захвату территорий, перераспределению собственности и т. п. Пагубные тенденции сохранились и в наступившем веке. Более того, за его первое десятилетие произошли принципиальные изменения в информационном пространстве. Если изобретение радио и телевидения позволило всем людям оперативно получать информацию, то Интернет дал каждому доступ к производству и распространению информации. Всего через сто лет сбылось казавшееся утопическим предвидение В. И. Ульянова (Ленина) о том, что каждая «кухарка» будет управлять государством. Новое качество информации может нести созидательную и разрушительную силу, то есть все более значимыми становятся информационная безопасность и ее созидатель – человек. Анализ современного состояния человеческого общества убеждает в том, что возникают новые вызовы безопасности экосистем социума и методы противодействия этим угрозам еще не выработаны, а старые приводят к обострению противоречий. Логично заключаем, что новые подходы к безопасности страны следует искать прежде всего при анализе экосистемных взаимодействий человека и природных энергоресурсов. В данном направлении проводим дальнейший экосистемный анализ.

Отметим наиболее общие и значимые диспропорции. Для анализа состояния сырьевой базы разделяем энергоресурсы на природную составляющую (полезные ископаемые, биопродукцию, энергию солнца, ветра и т. п.) и продукт переработки, пригодный к использованию (топливо, электричество и др.). Обе (природная и произведенная) составляющие находятся в сложном взаимодействии и определяют состояние энергосферы социума и его частей. Количество потребляемой энергии (энергопотребление) относим к одной из важных суммарных характеристик как производства энергии, так и использования природных ресурсов. Основные противоречия сложились между потреблением энергии и используемыми для ее производства природными ресурсами. Объективной реальностью стало ускорение темпов жизни человеческого общества (социума). Оно сопровождается ростом мирового энергопотребления и одновременным снижением запасов энергоре-

сурсов. При сохранении данной тенденции многие полагают, что основного энергоресурса – нефти – хватит лишь на ближайшие 50 лет. Ожидается закат углеводородной экономики, и суммарная доля угля, нефти и газа не превысит 15 % к 2100 г. Такая перестройка не может произойти бесконфликтно и гладко.

Глубинные причины конфликтов мы связываем с природными богатствами. Побуждающие мотивы лежат в плоскости накопившихся несоответствий. Сложилось неравномерное распределение жизнеобеспечивающих ресурсов на Земле. Выявились противоположности между местонахождением значительной части мировых энергоресурсов в проблемных регионах и местом их преобладающего потребления в развитых странах. Европейские страны примерно на 20 % смогут удовлетворить свои потребности собственными энергоресурсами. Арабский Восток, Средняя Азия испытывают нехватку питьевой воды. Основного ресурса – земли – не хватает Китаю и Индии. Возник конфликт энергетических интересов разных государств, который только усугубляется устойчивым делением на сырьевые и развитые страны. Индикатором противоречий служит сложившаяся неравномерность потребления энергии. Развитые страны отличает одновременно и максимальное энергопотребление, и наибольшая эффективность использования первичных энергоресурсов. В развивающихся странах оба показателя значительно ниже. Так, в мире на 1 доллар ВВП расходуется 0,45 кВт/ч электроэнергии, а в странах СНГ – на порядок больше. Япония вырабатывает 9 долларов в составе ВВП при сжигании 1 кг условного топлива, а Россия добавляет 1 доллар на 1 кг топлива [Язев 2010]. Тем не менее импортная зависимость промышленно развитых стран от поставок нефти достигла 63 %. По прогнозу к 2030 г. зависимость от импорта нефти возрастет до 85 % и до 81 % – для природного газа. Однако человечество уже сейчас столкнулось с перспективой глобальной угрозы энергетического голода. Не исключено, что некоторые деятели могут не согласиться с прогнозами и постараются переломить ситуацию. По логике в первую очередь пострадает безопасность всех без исключения сырьевых стран. Буквально на наших глазах после финансового кризиса 2008–2009 гг. разрушительные события случились в странах Ближнего Востока, богатых нефтяными, туристическими и рекреационными ресурсами.

Другой важный аспект – человек, постоянно присутствующая центральная фигура всех экосистем социума. Его роль определяющая – он сам создал в рамках биосферы свою экосистему (антропоэкосистему), сам производит и потребляет энергоресурсы, является одновременно и созидателем, и разрушителем (уместно напомнить об опережающих темпах создания вооружений в XX в.). Очевидно, от человека исходит главная опасность уничтожения современной цивилизации. К такому выводу приводит анализ характерных черт людей, которые описаны в бессчетных художественных и научных произведениях и, похоже, они остаются неизменными все длительное время существования современной цивилизации. Этот факт может быть объяснен уникальными адаптационными способностями человека. Они обеспечиваются наличием одновременно всех качеств в каждом индивидууме. В этом все люди похожи, так как обладают одинаковыми врожденными чертами характера, заложенными на генетическом уровне. Но у каждого человека эти черты проявляются с разной силой, и люди различаются доминированием какого-нибудь одного или группы качеств [Авилов, Авилова 1993]. В каждом человеке одномоментно присутствуют добро и зло, любовь и ненависть

и т. д., которые активизируются в зависимости от обстановки. В силу полноты качеств человек в разных обстоятельствах может быть либо «хищником», либо «жертвой». Данное принципиальное отличие от животного мира при отсутствии биологических врагов возлагает на человека исполнение основных природных законов в рамках человечества как биологического вида. Выделим действие в социуме таких стихийных законов, как естественный отбор, стремление самореализоваться и выделиться, борьба за лидерство в «стае», которые приводят к естественной структурной организации человеческого общества, иерархии его экосистем. Человек, повинуясь животным инстинктам, является непосредственным исполнителем биологических законов и тем самым становится угрозой для безопасности экосистем социума. Наименьшая защищенность у экосистем низшего ранга (индивидуум, семья, группа), но гибель личности еще не означает гибель популяции. В крестьянской России ежегодно умирали миллионы детей, а численность населения постоянно увеличивалась вплоть до 1914 г. Не избежали участи и более крупные общности людей (геноцид народов, военные потери). Угрозы социуму со стороны Природы только возрастают. Теперь в руки мифологического Давида может быть вложено уже другое (ядерное, энергетическое и т. п.) оружие, которое сокрушит не только Голиафа.

Человечество, руководствуясь гуманистическими идеалами, создало свою систему законов. Они периодически совершенствовались, утверждая перевес созидательных сил природы над разрушительными, и обеспечили прогресс человечества. Но человек, дав перевес одной противоположности, сам порождает новые противоречия. За счет конкурентных преимуществ одни группы (экосистемы) социума имеют чрезвычайно высокий доступ к энергоресурсам (собственности) или их денежному эквиваленту и не в состоянии их эффективно преобразовать, то есть откладывают про запас. В экосистеме индивидуума это приводит к нарушению обмена веществ, ожирению, болезням. Аналогичные проявления наблюдаются в экосистемах и более высокого ранга. Настало время очередной корректировки законов для устранения аномальных диспропорций. Сигналы все чаще поступают через Интернет, обсуждаются в печати с разных точек зрения (Чумаков 2011; Язев 2010; Avilov, Avilova 2011 и др.). Экосистемный анализ выявил стержень проблемы безопасности в энергоресурсной составляющей и конкретно – во взаимоотношении человека и собственности. Объединив эти главенствующие факторы, определяем принципиальные вопросы по обеспечению безопасности социума и его частей с экосистемных позиций.

Принципы обеспечения безопасности России на современном этапе и в долгосрочной перспективе. Основываясь на результатах проведенного экосистемного анализа и используя выведенные главенствующие закономерности, строим систему исходных базовых положений для разработки принципов обеспечения безопасности страны. Постулируем основные тезисы. Человек сам создал новое необычное природное образование – антропоэкосистему, и ее судьба практически полностью зависит от его действий. Чем выше человечество возвышается над природой, тем более аномальным становится состояние социосферы, тем выше должна быть упорядоченность социума для его безопасного существования. Современные устои и принципы организации социума не обеспечивают энергосырьевой безопасности, ставя под угрозу существование современной цивилизации и даже человека как биологического вида.

Экосистемный анализ приводит к генерации новых взглядов и идей в деле обеспечения целостности и безопасности страны. Поскольку Россия, как и все другие государства, является подсистемой социума, безопасность страны традиционно определяют две группы факторов – внешние и внутренние. Экосистемный подход уточняет состав обеих групп и выявляет главенствующие взаимодействия. Согласно блок-схеме внешние для страны – это те факторы, которые возникают в результате внутренних взаимодействий экосистемы высшего ранга – всей социосферы. То есть внешнее воздействие включает элементы собственного вводящего и отводящего блоков. Здесь важно подчеркнуть роль отводящего блока: выходящая во внешний мир продукция страны (вещество, энергия, информация) включается во внутренние экосистемные процессы социума (человечества), затем в переработанном виде обязательно вернется назад как внешнее воздействие на Россию, или, говоря упрощенно, «что посеешь, то и пожнешь». Внутренние для страны факторы объединяют все продукты жизнедеятельности всех граждан страны и их разнообразных объединений в составе государства. Они сосредоточены во внутреннем блоке экосистемы страны, определяя интенсивность и направленность процессов взаимодействия на государственном уровне. В свою очередь, напомним, продукт деятельности государства становится внешним фактором для любых общностей людей внутри страны. Логично заключить, что действенная безопасность страны возможна только в условиях безопасности человечества в целом, а безопасность любой внутренней экосистемы достигается в безопасном государстве. И далее – любая общность людей должна быть заинтересована в безопасности экосистем всех иерархий социосферы (антропоэкосистемы).

Суммируя изложенные аргументы, предлагаем следующую общую формулировку: энергосырьевая безопасность социума ставит целью обеспечение биологических потребностей каждого человека необходимой энергией и поддержание созидательных устремлений людей. Такой концептуальный подход приводит к созданию гармоничного, справедливого общества. Достижение цели возможно при соблюдении людьми определенных принципов сосуществования. Строим систему исходных базовых положений (принципов) обеспечения безопасности страны. Отстаиваем следующие идеи. Только равновесное состояние социума является гарантом национальной безопасности стран (его подсистем). Законы социума главенствуют над законами государств. Природные ресурсы принадлежат человечеству, они являются общей собственностью, индивидуум имеет право на доступ к ним для удовлетворения своих минимально необходимых жизненных потребностей. Действия социума направлены на сохранение человека как биологического вида, оптимизацию соотношения численности населения и природных ресурсов. Вместо стихийной всеобъемлющей конкуренции настало время оптимизации противоречий в социуме на базе природных экосистемных законов.

Имея в виду наличие внешних и внутренних угроз, утверждаем, что на данном этапе, в условиях жесткой конкуренции, внутренняя энергобезопасность страны имеет определяющее значение. По закону подобия названные выше принципы организации безопасности социума правомерны и для России. Устойчивость экосистемы страны – это главный фактор ее безопасности. Согласно системным законам устойчивость достигается при необходимом разнообразии, полноте составляющих элементов экосистемы (общества) и оптимальном соотноше-

нии связей и функций между ними. Выделяем главные. Власть, общество должны обеспечить индивидуума теми энергоресурсами или их денежным эквивалентом в том количестве, которое его экосистема в состоянии эффективно и полностью переработать, произведя созидательную продукцию. Из этого следует, что государство обязано оградить гражданина от разрушительного внешнего воздействия и защитить от внутреннего разложения его экосистемы, предупредив чрезмерное потребление энергоресурсов. Такие же обязательства – перед любой общностью людей. В природных аналогах наблюдаем эвтрофирование экосистемы при аномальном внешнем воздействии с последующим отравлением собственными метаболитами и загниванием сообщества организмов [Авилов, Авилова 2010; 2011]. В свою очередь каждый гражданин имеет возможность и обязан осознанно внести посильный вклад в обеспечение безопасности страны. В интересах безопасности нам, очевидно, по аналогии с дееспособной армией, которая в силах отразить внешнюю агрессию, нужно дееспособное общество, а не собрание рантье, чтобы защититься от внутренней интоксикации и энергоинформационного заражения. Трудовой народ самодостаточен и способен воспринять при необходимости суворовскую науку побеждать любые внешние и внутренние угрозы. Обеспечение безопасности – это неустанный труд многих людей. Выдающиеся деятели вышли, как правило, из трудовых слоев и состоялись как личности, упорно работая на благо страны.

Предложения по внедрению выдвинутых идей. Реализация принципов может идти разными путями и темпами. С нашей точки зрения к ним нельзя относиться как к догмам, подобно печально известному лозунгу «кто не работает, тот не ест». Принципы должны касаться активной части населения (62 % – по принципу золотого сечения), поэтому они должны быть приняты квалифицированным большинством (67 %) общества. Для этого прежде всего следует навести порядок во всей совокупности актов российского права. Власть просто обязана создать простые и понятные своим гражданам «правила жизни». Для жизнедеятельности всех граждан необходимы природные ресурсы, и отношение к ним должно стать сутью создаваемых правил.

Любые синхронные шаги и усилия власти и общества, предпринимаемые не вразрез принципиальным закономерностям, способствуют укреплению России. С начала века такие шаги сделаны во многих сферах жизни, и они привели к заметным достижениям. Внешние факторы регулируются системой международных отношений России, которые уполномочено вести государство (федеральная власть). Благодаря централизации и персональной ответственности власть ведет последовательную и внятную политику по обеспечению глобальной и региональной энергобезопасности. Россия отстаивает позицию приоритета глобальной энергобезопасности, основанной на взаимной ответственности стран-производителей, потребителей и транзитеров энергоресурсов. Мы не подписали Договор к Энергетической хартии, закрепляющий преимущества потребителей природных ресурсов – промышленно развитых стран. Вопросы доступа к ресурсам часто и необоснованно политизируются. Современные правовые системы приводят к созданию блоков и союзов (региональных, таможенных, сырьевых и др.), направленных на регулирование отношений и обеспечивающих, как правило, пре-

имущества в конкуренции за доступ к энергоресурсам и контролю над энергетической инфраструктурой. Многие страны обновили свои правовые базы в области национальной энергобезопасности, обладающие приоритетом над нормами международного права. Такая политика недальновидна, она вносит элементы хаоса (разрушения) во внутренние взаимодействия социосферы, так как противоречит природным законам сложения экосистем и их устойчивого развития.

Россия выступает за совершенствование международных правовых институтов в целях оптимизации конкурентного характера взаимодействия государств. Концептуальный подход в качестве главного действия называет обеспечение недискриминационного доступа к международным энергетическим рынкам на правовой базе взаимной ответственности стран. Предлагается разработать «Мировой энергетический кодекс», который упорядочивает совокупность актов международного права [Язев 2010]. Вектор подобных инициатив выведет на создание глобального органа управления социумом, что гармонирует с природными законами устойчивого развития экосистемы и будет благом для антропоэкосистемы, обеспечивая внешнюю энергосырьевую безопасность любого государства мира.

Внутренними процессами согласно конституции управляет власть, руководствуясь законами РФ. В первые годы нового столетия власть России значительно укрепилась, сделав верный экосистемный шаг в сторону верховенства федеральных законов. Между тем современное состояние внутреннего блока экосистемы страны далеко от желаемого. На этой почве заметно окрепла оппозиция. Но, обоснованно преуспев в критике, она не смогла предложить новых идей. Правильный вектор выхода из ситуации надо искать, исходя из экосистемных закономерностей. По закону подобия часть является миниатюрной копией целого (социума), и потому части одного уровня иерархий (государства) похожи друг на друга. Учитывая масштабность, ресурсную обеспеченность, многонациональность и другие качества страны, Россия наиболее полно копирует в себе основные свойства и проблемы всего человечества. Поэтому уже названные выше закономерности, принципы организации безопасности социума правомерны и для нашей страны. По логике, власти вначале необходимо хотя бы следовать своим, уже наработанным принципам международных отношений и применить их к внутренним проблемам. Но в перспективе этого уже мало.

Дополнительные условия достижения энергосырьевой безопасности страны следуют из специфики процессов внутреннего блока экосистемы. Адаптационные возможности внутреннего блока иерархически удаленных структур заметно различаются. Речь идет об ограниченной возможности отдельных экосистем страны потреблять и эффективно перерабатывать действующие в рамках государства потоки вещества, энергии, информации и их эквивалента – денег, то есть внешнего для них фактора. Перенасыщение экосистемы элементами вводящего блока приводит к разнообразным эффектам, угрожающим ее безопасности, вплоть до гибели. Например, передозировка ядов и наркотиков вызывает смерть индивидуума, роскошь развращает, революции и войны, загрязнение отходами чревато гибелью отдельной общности людей и т. д. В современном состоянии экосистема России перенасыщена многими внешними факторами и не успевает их полностью перерабатывать. Подобное происходит во внутренних экосистемах. Теперь власть имеет шанс сделать следующий шаг по реформе внутренних взаимоотношений,

приводя их в соответствие с природными закономерностями. Добиваться смены парадигм следует начинать сейчас, и это гораздо проще сделать в пределах своего государства.

Прежде всего законы страны должны быть действенными, то есть находиться в гармонии с природными, и тогда они будут исполняться. Сейчас правовая база перегружена, полна несоответствий и противоположностей. Экосистема индивидуума не в состоянии воспринять эту внешнюю для нее «законную» информацию, и человек живет по «понятиям», следуя своим представлениям о смысле жизни [Авилов, Авилова 2011]. Ситуация не новая в истории человечества, но сейчас количество издаваемых законов переходит в свое новое отрицательное качество. Ведь только одна Госдума РФ, судя по ее годовым отчетам, принимает в среднем более одного закона в день, а есть еще министерства, корпорации и другие общности людей со своими актами, уставами и пр.

Власть просто обязана создать простые и понятные своим гражданам «правила жизни», приемлемые для квалифицированного большинства населения страны. Попытки создать подобные правила предпринимались и ранее: религиозные заповеди, медицинские клятвы, кодексы чести и т. п. В большинстве они носили общинный характер с оттенком идеализации жизни или утопии и не прижились в обществе. Научные достижения, экосистемный подход позволяет выделить базовые человеческие ценности и поставить их во главу угла национальных правил устройства российского государства. Для упорядочения жизнедеятельности всех граждан предлагаем создать правила, которые для начала обсуждений назовем «Устои энергобезопасности страны». Следуя выведенным выше принципам, формируем принципиальные положения Устоев.

Главная задача – упорядочить процесс самоорганизации общества. Сейчас он во многом носит стихийный характер. Действия и поступки индивидуума мотивированы естественным желанием самовыразиться, занять более высокое положение в обществе. Это порождает конфликт интересов и борьбу противоположностей. Стихийность процесса приводит либо к процветанию, либо к деградации общества и проявляется в кризисах, войнах и т. п. Современная власть денег позволяет разрушительными для общества методами (грабежи, обман, коррупция) «выйти в люди» практически любому, не прикладывая длительных усилий, знаний и труда. Слишком велик соблазн захватить любым способом миллионы долларов и затем бездельничать, наслаждаясь своим денежным превосходством. Современная стихийность формирует общество потребления. Такая организация общества – это своеобразная пирамида, которая когда-нибудь обязательно рухнет с непредсказуемыми по силе разрушительными последствиями. Задача Устоев – так упорядочить человеческое общество, чтобы направить процесс его самоорганизации в созидательное русло. Структурная организация общества базируется на отношении экосистем страны к собственности, которая воспринимается как конечный продукт переработки природных ресурсов. Вносим конкретность в градацию собственности. Общую (общественную) собственность страны делим на три ранга (государственная, частная и личная) и определяем их функции.

● Государственная собственность – это часть общественной собственности страны, находящаяся под управлением власти. Она предназначена для удовлетворения минимальных биологических потребностей населения, обеспечения цело-

стности государства, защиты и рационального использования ресурсов. Она включает всю необходимую часть общественной собственности для эффективного управления страной.

● Частная собственность – это часть общественной собственности страны, которую государство передает для использования отдельным гражданам, группе лиц, организациям, субъектам федерации. Частная собственность предназначена для повышения уровня цивилизованности общества за счет широкой возможности самовыражения личности, развития производительных сил общества, получения прибыли государством от использования выданной частной собственности.

● Личная собственность – это часть общественной собственности, передаваемая государством каждому гражданину страны для удовлетворения собственных потребностей этого человека. Она не облагается налогом.

Принципиально важным считаем разделение частной и личной собственности на количественном уровне, что ранее на практике никогда не делалось. Ее значение в том, что появляется возможность конкретизировать понятия *потребитель* либо *производитель продукции* [Авилов, Авилова 1993]. Очевидно, что каждый человек одномоментно является и тем и другим. Преобладание того или иного качества определяем по эффективности использования и переработки собственности. У производителя созданный продукт в энергетическом или денежном выражении в сумме больше потребленных ресурсов за жизненный цикл (не менее суток). Угроза безопасности государства заключена в неуправляемых противоречиях между производителем и потребителем. Упорядоченность общества ставит целью организовать справедливый доступ всех граждан и их объединений к общей собственности страны – природным ресурсам и произведенному продукту.

Справедливой считаем разную степень доступности богатств внутренним экосистемам страны, в первую очередь человеку. В Устои вводим главный принцип – баланс возможностей (прав, обязанностей и ответственности). Каждый гражданин имеет исходные одинаковые для всех условия (возможности): право на жизнь, свободу выбора жизненного пути, обязанность выполнять правила Устоев, ответственность за их нарушение. Производителю и потребителю делегируем разные возможности.

Власть передает потребителям минимальный уровень прав и из общей собственности выделяет им ресурсы и продукцию для удовлетворения биологических потребностей, гарантируя исполнение права на жизнь. Представители этой группы, особенно молодежь, обладают широкими возможностями перехода в число производителей, свободой выбора рода деятельности и образа жизни. У производителей увеличение прав по доступу к энергоресурсам и общему продукту сопровождается ростом обязанностей и ответственности, одновременно расширяется свобода деятельности, но сужается свобода выбора. Новые и большие права человек обязан заслужить, доказать, что сумеет ими разумно пользоваться. При нарушении правил и законов Устоев наказанием служит снижение статуса собственника с лишением соответствующих прав вплоть до перевода в потребители, а не тюремное заключение. Индивидууму дается шанс не погибнуть, а испытать себя на новом поприще.

Принципы энергобезопасности страны задают схему генеральных взаимодействий в обществе, создавая приоритет производителю. Сбалансированная энергоресурсная политика обеспечит устойчивое состояние и стабильное развитие России как залог ее внутренней и внешней безопасности.

Литература

Авилов В. И., Авилова С. Д. Противоречия в человеческом обществе. М. : ЦПКТБтекстильпром РСФСР, 1993.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Теоретические основы аквагеоэкологии. М. : ВИК-ТАН-полиграф, 2008.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Информационная система аквагеоэкологии. М. : Прима-Пресс, 2009.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Изучение экосистем в аквагеоэкологии. М. : Прима-Пресс, 2010.

Авилов В. И., Авилова С. Д. Круговорот жизни. М. : Форгрейфер, 2011.

Коренева И. Б. Экобезопасность и экономическое развитие России // Использование и охрана природных ресурсов в России: бюллетень. 2010. № 6(114). С. 97–101.

Чумаков А. Н. Культура и вызовы глобализации: новые подходы // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 174–180.

Язев В. А. Россия и международное энергетическое сотрудничество в XXI в. М., 2010.

Avilov V. I., Avilova S. D. Life Display at Cosmos // Paper Proceedings of the Sixth International Conference “Environmental Micropaleontology, Microbiology and Meiobenthology”. Russia. Moscow. September 19–22. Moscow : PIN RAS, 2011. P. 42–44.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Ильин И. В.
д. полит. н., доцент, декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: dekanat@ fgp.msu.ru

Розанов А. С.
аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель научного отдела.
E-mail: rozanov@ fgp.msu.ru

Статья написана по материалам ежегодного заседания Международного консорциума глобальных исследований, состоявшегося 18–23 июня 2013 г. в Москве на факультете глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: *глобализация, консорциум, глобальные исследования, образование.*

The article is based on the proceedings of the Global Studies Consortium Annual Meeting which was held on 18–23th June, 2013, in Moscow, at the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University.

Keywords: *globalization, Consortium, Global Studies, education.*

С ускорением и углублением процессов глобализации структура мира приобретает новое качество, появляются новые категории, характеризующие его конструкцию [Ильин и др. 2013: 37]. В этой связи можно справедливо отметить, что в целях изучения глобального мира и основных тенденций глобального развития недостаточно применять инструментарий лишь какой-то одной конкретной науки, наоборот, необходимо применять мультимеждисциплинарный интегративный подход как один из базовых методологических принципов глобальных исследований (global studies), наравне с такими принципами, как целостность, системность и комплексность. Безусловно, российская и западная традиции глобальных исследований отличаются друг от друга, однако совершенно ясно, что всему международному научному сообществу необходимо продолжать путь к унификации и инвентаризации базовых понятий глобальных исследований в целях наиболее эффективного распространения и популяризации так называемого глобального знания, являющегося наследием для следующих поколений.

18–23 июня 2013 г. на факультете глобальных процессов МГУ прошел ряд мероприятий Международного консорциума глобальных исследований, в том числе очередное заседание этой организации, объединяющей более 40 вузов и исследовательских центров по всему миру, специализирующихся в сфере глобальных и международных исследований. Цель Консорциума – сближение и интеграция образовательных стандартов и научных программ, оптимизация процесса мобильности студентов и ученых, обмен опытом преподавания различных направлений Global Studies. Факультет глобальных процессов является членом Консорциума с 2011 г. Первое заседание Консорциума состоялось в Калифорнийском университете (США) в 2007 г. В последующие годы были проведены заседания в Токио (2008), Лейпциге (2009), снова в Калифорнийском университете (2010), в Шанхае (2011), Мельбурне (2012). Секретариат Консорциума находится в Калифорнийском университете (Orfalea Center for Global and International Studies, США). В 2012 г. ФГП МГУ возглавил исполнительный комитет Консорциума глобальных исследований.

В рамках ежегодного заседания вышеупомянутой организации 19 июня состоялся Международный научный семинар «Роль религии в глобальном гражданском обществе». Семинар проводится ежегодно с 2007 г. Предыдущие аналогичные мероприятия прошли в США, Китае, Индии, Аргентине. Его основным организатором является Центр Орфали по глобальным и международным исследованиям Калифорнийского университета (США), в этом году факультет глобальных процессов стал соорганизатором семинара.

В мероприятии приняли участие 20 ученых и аспирантов, экспертов и общественных деятелей из США и России, в том числе священник Русской православной церкви о. Михаил (Захаров). Участниками международного семинара стали: М. И. Гельвановский, профессор, д. полит. н., директор Института социальных и религиозных исследований РАН; О. Г. Леонова, профессор ФГП МГУ, д. полит. н.; Н. Л. Смакотина – профессор, д. с. н., заведующий кафедрой глобальных социальных процессов и работы с молодежью ФГП МГУ; З. С. Бочарова, профессор ФГП МГУ, д. и. н., а также зарубежные коллеги: Марк Юргенсмайер – директор Центра Орфали по глобальным и международным исследованиям Калифорнийского университета, основоположник проекта «Консорциум глобальных исследований»; Виктор Фессел – программный директор Центра Орфали; Джонатан Льюис – профессор Университета Хитоцубаси (Япония); Даяна Ван Вингерден – секретарь проекта «Роль религии в глобальном гражданском обществе».

Участники семинара обсудили такие вопросы, как принципы построения гражданского общества в США и России, роль религии в современном мире, проблемы веротерпимости и толерантности, межэтнические противоречия, значение публичной дипломатии и деятельности международных неправительственных организаций в процессе построения глобального гражданского общества.

По итогам семинара будет издан сборник выступлений на круглом столе о роли религии в современном гражданском обществе, а затем одноименная книга, в которую войдут отчеты о пяти проведенных семинарах по данной тематике.

20 июня в рамках заседания Консорциума состоялась **Международная научная конференция «Глобальный мир: взгляд из России»**.

С вступительным докладом о факультете глобальных процессов, о глобалистике и глобальных исследованиях в России выступил декан ФГП МГУ, **председатель Исполнительного комитета Консорциума глобальных исследований,** генеральный секретарь Международной ассоциации глобальных исследований, д. полит. н., профессор **И. В. Ильин**. В своем выступлении он подчеркнул, что современная российская научная школа разделяет глобальные исследования на три ключевые группы:

1) Глобалистика (globalistics) как интегративная наука;

2) Исследования процесса глобализации (globalization studies) как междисциплинарная область научных исследований глобализации;

3) Собственно глобальные исследования (global studies) как мультимеждисциплинарная область научных исследований глобальных явлений.

И. В. Ильин также отметил, что ядром глобальных исследований (global studies) выступает именно глобалистика, представляющая собой междисциплинарную науку, предметом которой является глобальное развитие, под которым понимается вся совокупность взаимосвязанных и коэволюционирующих глобальных процессов и систем [Ильин 2010].

Приветствие участникам Консорциума направил почетный президент Международной ассоциации глобальных исследований, Президент Российского союза ректоров, Евразийской ассоциации университетов, ректор Московского университета, академик РАН В. А. Садовничий. Обращение академика огласил проректор Московского университета Н. В. Семин.

В приветствии ректора отмечалось, что МГУ «имеет давние традиции изучения глобальных процессов и проблем. С первых шагов отечественной науки, со времен основателя Московского университета **М. В. Ломоносова**, большое значение в подготовке специалистов и проведении исследований уделялось развитию междисциплинарных подходов в изучении природы и общества. Учение выдающегося российского ученого, профессора Московского университета, академика **В. И. Вернадского** о ноосфере как единственно возможном пути существования и развития человечества в последние годы актуально как никогда. **150-летие Вернадского** в этом году отмечают многие тысячи его последователей по всему миру, ему будет посвящен предстоящий Международный научный конгресс “Глобалистика-2013”. Еще один великий ученый – наш соотечественник, лауреат Нобелевской премии И. Р. Пригожин, – внес огромный вклад в создание теоретической основы для изучения глобальных процессов. В 1995 г. в МГУ был основан Институт математических исследований сложных систем, президентом которого стал академик И. Р. Пригожин; ныне институт носит его имя».

На конференции выступили также академик А. А. Акаев, главный научный сотрудник Института имени И. Р. Пригожина МГУ, с докладом «Математическое моделирование развития глобальной экономики» и один из ведущих специалистов Института мировой экономики и международных отношений РАН профессор В. И. Пантин с сообщением, посвященным реализованному учеными института большому исследовательскому проекту «Стратегический глобальный прогноз – 2030». Участников Консорциума приветствовал директор ИМЭМО РАН,

академик, секретарь отделения глобальных проблем и международных отношений РАН **А. А. Дынкин.**

А. А. Акаев и В. И. Пантин справедливо отмечали, что современная экономика развивается циклично, периоды рецессии сменяются фазой экономического роста и наоборот. Оба ученых в своих исследованиях опираются на теорию экономических циклов известного советского экономиста Н. Д. Кондратьева. Согласно прогнозам специалистов, к 2030 г. будет окончательно завершен переход на новую фазу технологического уклада с принципиально новыми способами производства.

С докладами также выступили первый вице-президент Российского философского общества, профессор факультета глобальных процессов А. Н. Чумаков; заведующий кафедрой ЮНЕСКО ФГП Ю. Н. Саямов; профессор факультета глобальных процессов О. Г. Леонова; старший преподаватель Высшей школы экономики Ю. В. Зинкина; преподаватель факультета глобальных процессов К. К. Костина; преподаватель факультета глобальных процессов О. С. Сирота; руководитель научного отдела ФГП А. С. Розанов; заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» И. Ф. Кефели; профессор Австралийского национального университета Эйприл Бикум (Австралия); профессор Новой школы социальных исследований Унра Нимбу (США); профессор Городского университета Нью-Йорка (США) Лукаш Бернард.

В своем выступлении А. Н. Чумаков поделился опытом чтения курса «Глобалистика» на факультете глобальных процессов и предложил участникам конференции свое видение перспектив и значения подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере глобальных исследований. Ю. Н. Саямов ознакомил зарубежных коллег с результатами исследовательского проекта, посвященного современным угрозам глобальных городов (исследования проводились совместно с сотрудниками кафедры ЮНЕСКО – Р. Р. Габдуллиным и А. В. Ивановым). О. Г. Леонова поделилась российским видением конфигурации и архитектуры глобального мира, а также рассказала о достижениях российской школы глобальных политических исследований. Ю. В. Зинкина представила первые результаты научно-исследовательского проекта «Атлас глобализации», который представляет собой подробный анализ процесса глобализации по конкретным математическим, экономическим и другим индикаторам. К. К. Костина рассказала участникам Консорциума об особенностях российской политической системы и современных механизмах принятия политических решений в России. О. С. Сирота в своем выступлении выделила ключевые компетенции, которыми должны обладать специалисты в сфере международных отношений, а также поделилась опытом преподавания иностранных языков на ФГП с коллегами из зарубежных вузов. В докладе А. С. Розанова были освещены причины кризиса еврозоны и его последствия для всего Европейского союза. И. Ф. Кефели рассказал об особенностях применения математических методов для анализа глобальных процессов и систем. Э. Бикум поделилась с коллегами своими соображениями относительно «имперских» амбиций США; У. Нимбу выделила основные тенденции развития современных рыночных экономик, охарактеризовала степень их открытости; Л. Бернард предста-

вил динамическую трехмерную модель глобальной эволюции и выделил особенности изучения глобальных процессов на современном этапе. Конференция завершилась итоговым докладом лучших выпускников ФГП, представивших результаты своих дипломных научных проектов.

21–22 марта заседание Консорциума продолжилось тематическими секциями:

1) магистерские программы по глобальным исследованиям;
2) региональные особенности преподавания “Global Studies”;
3) сущность глобальных исследований;
4) онлайн-технологии и интерактивное обучение в сфере “Global Studies”;
5) академическая мобильность;
6) проблема статуса Консорциума глобальных исследований.

Участники заседания обсудили ключевые вопросы о сущности и путях развития современных глобальных исследований, о перспективах региональной составляющей глобальных исследований, о новых совместных образовательных и научных издательских инициативах, вопросы академической мобильности, организационные вопросы Консорциума.

В ходе заседаний удалось выявить следующие тенденции развития межуниверситетских связей в рамках Консорциума глобальных исследований (GS Consortium):

1) нацеленность большинства участников Консорциума на переход от *двусторонней* системы обмена к *многосторонней* (отражено в GSC Agreement on Student Mobility Scheme, Draft for Discussion at GSC 2013);

2) курс на модернизацию системы передачи информации между участниками Консорциума по примеру, предложенному в выступлении Себастьяна Плочиннека (Sebastian Plocinnek, University of Wroclaw);

3) курс на активное внедрение принципов дистанционного и интерактивного обучения специалистов, бакалавров и магистров в области глобальных исследований;

4) постепенный переход к единому учебно-методическому комплекту по глобальным исследованиям и общепризнанному образовательному стандарту “Global Studies”;

5) популяризация результатов глобальных исследований в виде подготовки крупномасштабных энциклопедий, медиапроектов, тематических докладов для международных правительственных и неправительственных организаций.

По итогам заседания Консорциума его участники одобрили целый ряд предложений факультета глобальных процессов, названный **«Московским меморандумом»**. Данный документ станет эффективной правовой базой для последующей институализации и формализации деятельности Консорциума “Global Studies”. Были также заключены договоры о сотрудничестве ФГП МГУ с Университетами Граца и Зальцбурга (Австрия) и Университетом Шанту (КНР). В мероприятиях Консорциума глобальных исследований приняли участие более 60 специалистов из России, США, КНР, Индии, Японии, Германии, Дании, Польши, Австрии, Австралии.

Консорциум примет активное участие в организации и проведении предстоящего **в октябре этого года** очередного **Международного научного конгресса «Глобалистика-2013», посвященного 150-летию В. И. Вернадского**.

Следующее заседание Консорциума пройдет в 2014 г. в Университете Роскильде (Дания).

Литература

Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов. М. : Изд-во МГУ, 2010.

Ильин И. В., Леонова О. Г., Розанов А. С. Теория и практика политической глобалистики. М. : Изд-во МГУ, 2013.

НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Современные глобальные изменения природной среды. Коллективная монография: в 4 т. / отв. ред. Н. С. Касимов, Р. К. Клиге. Т. 1. М. : Научный мир, 2006. 696 с. Т. 2. М. : Научный мир, 2006. 776 с. Т. 3. Факторы глобальных изменений. М. : Научный мир, 2012. 444 с. Т. 4. Факторы глобальных изменений. М. : Научный мир, 2012. 540 с.

Исследования природной среды Земли в минувшем столетии характеризовались крупными достижениями, замечательным углублением и дифференциацией знаний в области исследований природы нашей планеты во всех ее геосферах. На основе многоотраслевых знаний возникла необходимость их синтеза. За решение этой трудной задачи под руководством декана академика Н. С. Касимова взялся коллектив географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, посвятив данное издание 300-летию выдающегося русского ученого М. В. Ломоносова, внесшего огромный вклад в исследование закономерностей развития природы Земли. Решение столь грандиозной задачи потребовало привлечения к этому коллективному труду невиданного числа авторитетных отечественных и некоторых зарубежных исследователей.

Недавно вышедшая из печати коллективная монографическая работа «Современные глобальные изменения природной среды» является монументальным обобщением современных знаний в данной области. В создании этого большого издания приняли участие сотрудники 26 научно-исследовательских государственных организаций и учреждений, 8 факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 5 институтов Российской академии наук, 5 научно-исследовательских институтов Гидрометслужбы, а также 8 других научно-исследовательских учреждений и подразделений различных ведомств.

Общий объем монографии составляет 2456 страниц печатного текста и иллюстраций (311 печатных листов).

Монография состоит из 4 томов, которые содержат 21 главу и 81 раздел. В работе над монографией участвовали 152 автора. Из них академики РАН – 6 (4 %), доктора наук – 40 (26 %), кандидаты наук – 53 (35 %), иностранные граждане (из США и Австралии) – 2 (1 %), научные сотрудники б/ст. – 51 (34 %).

Для всестороннего и объективного обсуждения закономерностей развития самого процесса глобальных изменений, в котором могли бы принять участие ученые, ведущие исследования в области наук о Земле, использования и охраны природных ресурсов, географическим факультетом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова совместно с Секцией наук об окружающей среде Российской академии естественных наук в 1997 г. создан постоянно действующий Межведомственный семинар «Глобальные изменения природной среды». Семинар объединил ученых как МГУ, так и разных институтов Российской академии наук, а также Гидрометцентра РФ, Центральной аэрологи-

ческой обсерватории и ряда других учреждений. Многие материалы из рассматриваемой монографии были доложены и обсуждены на этом семинаре.

В состав редколлегии издания входили инициативные исследователи, в том числе 6 заведующих кафедрами МГУ, что позволило мобилизовать наиболее интересные достижения этих коллективов.

Исследования охватили газовый состав атмосферы, климат Земли и его изменения, водный баланс планеты, глобальные изменения океаносферы, тенденции развития криосферы, а также изменения поверхности литосферы – рельефа Земли. Важнейшее значение в синтезе знаний об изменениях природы планеты приобрели исследования пограничных процессов на контакте суши и океана, изменения почвенного покрова, глобальных изменений биосферы, одной из опасных тенденций которых является снижение биологического разнообразия и исчезновение многих видов. Важнейшая сторона исследований – экологические и социальные аспекты природных изменений, динамика медико-географической картины мира и развитие катастроф, влияющих на здоровье и выживание человечества.

Одним из проклятий антропогенной активности является загрязнение окружающей среды, представляющее собой перспективу самоубийства человечества. Новым «вкладом» человека в эту животрепещущую проблему является загрязнение околоземного космического пространства. Эта проблема также рассмотрена в одной из глав первого тома монографии.

В последующих двух томах представлена обширная систематизация данных о влиянии гелиокосмических, геофизических, тектонических и биологических факторов на развитие различных процессов во всех геосферах Земли. Среди внешних факторов существенное внимание уделено исследованию гравитационного влияния Солнца, Луны и планет Солнечной системы и установлению связи этого влияния с тектоническим и вулканическим режимами литосферы, а также и с некоторыми экзогенными процессами.

В главе, посвященной факторам формирования морских берегов российской Арктики, отмечены тенденции резкого уменьшения ледовитости морей в последние десятилетия, что неизбежно будет сопровождаться усилением размыва и отступания берегов, чему также будет способствовать и увеличение скорости подъема уровня моря.

Многотомная монография является серьезным и обоснованным предупреждением всему цивилизованному человечеству о тех опасностях, которые подстерегают его на пути бездумного и ускоряющегося процесса «покорения природы». Верно замечено, что в последние десятилетия возникла самая серьезная проблема человечества – проблема его выживания и гармонизации его взаимоотношений с природной средой.

Издание многотомной монографии способствует укреплению сотрудничества между специалистами разных профессий, заинтересованными в изучении глобальных изменений природной среды, и их взаимному обогащению новыми данными. Издание окажет большую помощь не только научным сотрудникам, но и преподавателям вузов, а также наиболее компетентным и дальновидным политикам, определяющим пути развития человеческого общества.

Доктор географических наук профессор Г. И. Рычагов,
доктор географических наук профессор Г. А. Сафьянов

С ЮБИЛЕЕМ!
К 75-ЛЕТИЮ В. И. ДАНИЛОВА-ДАНИЛЬЯНА

9 мая 2013 г. исполнилось 75 лет со дня рождения члена международного редсовета журнала «Век глобализации», экономиста, эколога, известного специалиста в области экономики природопользования, экономико-математического моделирования, теории устойчивого развития, директора Института водных проблем РАН, члена-корреспондента РАН Виктора Ивановича ДАНИЛОВА-ДАНИЛЬЯНА

Виктор Иванович родился в 1938 г. в Москве. В 1960 г. окончил механико-математический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова по специальности «Математика» и был распределен на работу в ВЦ МГУ. В 1964 г. перешел в Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) АН СССР. С 1967 г. – заведующий лабораторией методов оптимального перспективного планирования. С 1967 г. – кандидат, с 1975 г. – доктор экономических наук, с 1979 г. – профессор. В ЦЭМИ занимался разработкой математических моделей планирования, одним из первых в стране стал применять для этих задач аппарат математической теории игр. В 1976 г. перешел во вновь созданный ВНИИ системных исследований ГКНТ и АН СССР (ныне Институт системного анализа РАН). Продолжая работы по экономико-математическому моделированию и системному анализу социально-экономических процессов, он стал все больше внимания уделять вопросам экономики природопользования и охраны окружающей среды. С 1980 г. Виктор Иванович – заведующий лабораторией использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, а затем – заведующий кафедрой экологии в Академии народного хозяйства при Совмине СССР. В ноябре 1991 г. был назначен ми-

нистром экологии и природных ресурсов РФ. Руководителем природоохранной системы России он проработал восемь с половиной лет, до мая 2000 г., когда был ликвидирован Госкомэкологии России и образовано Министерство природных ресурсов РФ. В 1994–1995 гг. – депутат Государственной Думы.

Свою государственную деятельность совмещал с научными исследованиями. В эти годы он начал цикл работ по теории и методологии устойчивого развития, в основе которой введенное им понятие пределов разрушения: природной среды, популяционного здоровья человека и стабилизирующих социальных структур. В 2001–2003 гг. – президент Международного независимого эколого-политологического университета. С 2003 г. В. И. Данилов-Данильян – директор Института водных проблем РАН. В том же году Виктор Иванович был избран членом-корреспондентом РАН. Теперь он уделяет первостепенное внимание проблемам экономической оценки природных ресурсов, прежде всего водных, экономическим методам управления использованием и охраной водных объектов, контроля за их состоянием, теории природной ренты.

Под его руководством подготовлено и защищено более 40 кандидатских диссертаций. По совместительству работает профессором Московской экономической школы МГУ и заведует кафедрой экологии и использования водных ресурсов экологического факультета РУДН. В. И. Данилов-Данильян – автор и соавтор более 450 научных работ, в том числе 28 монографий, включая: *Бегство к рынку,* 1991; *Проблемы экологии России,* 1993 (в соавт.); *Экология и политика,* 1993 (в соавт.); *Окружающая среда: от новых технологий к новому мышлению,* 1994 (в соавт.); *Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия,* 1994 (в соавт.); *Экологические проблемы на пути интеграции России и Европы,* 1997 (в соавт.); *Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать?* 1997 (в соавт.); *Возможна ли коэволюция природы и общества?* 1998; *Экологический вызов и устойчивое развитие,* 2000 (в соавт.); *Бегство к рынку: десять лет спустя,* 2001; *Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект,* 2001 (в соавт.); *Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI в.,* 2002 (в соавт.); *Энциклопедический экономико-математический словарь,* 2003 (главный редактор и автор более 100 статей); *Перед главным вызовом цивилизации,* 2005 (в соавт.). Член редколлегий журналов РАН «Водные ресурсы» и «Экономика и математические методы», заместитель главного редактора «Новой российской энциклопедии», член НТС Минприроды России. В. И. Данилов-Данильян является лауреатом премии Правительства РФ – «За разработку и создание природоохранного комплекса, включающего специализированные комплекс контроля экологического состояния водной среды и судно-носитель». Награжден орденом Почета (1998), дважды удостоен Национальной экологической премии (2006, 2013).

Редакционный совет и редколлегия журнала сердечно поздравляют Виктора Ивановича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов.

НАШИ АВТОРЫ

АВИЛОВ Владимир Игоревич – доктор технических наук, академик РАЕН, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН. *E-mail: avands@yangex.ru*

АВИЛОВА Светлана Давыдовна – доктор биологических наук, академик РАЕН, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН. *E-mail: avands@yangex.ru*

ГАЛИЧИН Виктор Александрович – директор Центра мониторинга человеческих ресурсов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. *E-mail: vgalichin@anx.ru*

ГРИНИН Леонид Ефимович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заместитель руководителя Евро-азиатского центра мегаистории и глобального прогнозирования, шеф-редактор журнала «Век глобализации». *E-mail: lgrinin@mail.ru*

ДОРОШИН Иван Александрович – докторант кафедры социальной и теоретической философии СГУ им. Н. Г. Чернышевского, доцент кафедры теологии и религиоведения, член Российского философского общества. *E-mail: ivansar@mail.ru*

ИЛЬИН Алексей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета. *E-mail: ilin1983@yandex.ru*

ИЛЬИН Илья Вячеславович – доктор политических наук, доцент, декан факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. *E-mail: dekanat@fgp.msu.ru*

ИОСЕЛИАНИ Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. *E-mail: aza-i@yandex.ru*

Ирэн – принцесса Нидерландов.

КРАСИКОВ Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Кемеровского госуниверситета. *E-mail: krasikov@kemcity.ru*

ЛАСЛО Эрвин – основатель и президент Будапештского клуба, автор пятого доклада Римскому клубу «Цели для человечества», профессор Университета глобальных изменений им. Джордано Бруно. *E-mail: ervin@ervinlaszlo.it*

ЛЮ Фэн – доктор, профессор, декан факультета философии Университета Цинхуа, президент Китайской ассоциации экологической философии (Пекин, Китай). *E-mail: fenglu1956@gmail.com*

МАСЛОВ Владимир Иванович – кандидат экономических наук, доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. *E-mail: profmaslov@gmail.com*

МОРРИСОН Джейн Грей – сотрудник Фонда “Dancing Star”.

ОРЛОВ Александр Дмитриевич – кандидат технических наук, доцент кафедры гуманитарных наук филиала Московского государственного индустриального университета, г. Жуковский Московской области. *E-mail: aorlov2004@rambler.ru*

ПОПОВА Анна Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики Финансового университета при Правительстве РФ. *E-mail: popova9111@gmail.com*

РОЗАНОВ Александр Сергеевич – аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова, руководитель научного отдела. *E-mail: rozanov@ fgp.msu.ru*

РЫЧАГОВ Георгий Иванович – доктор географических наук, профессор кафедры геоморфологии и палеогеографии географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

САЛИН Виктор Николаевич – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики Финансового университета при Правительстве РФ. *E-mail: salvini@rambler.ru*

САМБАЛХУНДЭВ Хаш-Эрдэнэ – кандидат социологических наук, профессор научно-исследовательского института истории Университета обороны Монголии. *E-mail: irias07@mail.ru*

САНДАГ Энхтуяа Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кемеровского государственного университета.

САФОНОВ Андрей Леонидович – кандидат технических наук, проректор по международным отношениям Московского Государственного индустриального университета, доцент кафедры истории и социологии. *E-mail: zumsiu@rambler.ru*

САФЬЯНОВ Геннадий Александрович – доктор географических наук, профессор кафедры геоморфологии и палеогеографии МГУ имени М. В. Ломоносова.

СУЛАКШИН Степан Степанович – доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. *E-mail: editor@rusrand.ru, frpc@cea.ru*

ТОБИАС Майкл Чарльз – президент Фонда “Dancing Star”. *E-mail: mctobias@aol.com*

ЧУМАКОВ Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ. *E-mail: chumakov@iph.ras.ru*

ШПАКОВСКАЯ Елена Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры статистики Финансового университета при Правительстве РФ. *E-mail: epsh51@mail.ru*

VEK GLOBALIZATSII

[AGE OF GLOBALIZATION]

Journal of Global Studies

Contents

FOLLOWING THE SECOND WORLD CULTURAL FORUM
(May 9, 2013, Hangzhou, China)

Princess Irene of the Netherlands. Speech at the Final Plenary Section of the Second World Cultural Forum (pp. 3–6).

Ervin Laszlo. The Culture of "Oneness in Diversity": A Manifesto Presented at the Second World Cultural Forum (pp. 7–10).

Michael Charles Tobias and Jane Gray Morrison. The "Ahimsa Factor": Ecological Non-Violence Process Analysis in China and Its Implications for Global Paradigmatic Shifts (pp. 11–22).

Theory

Alexander N. Chumakov. The Theoretical and Methodological Foundations of Globalization Process Research (pp. 23–37).

Lu Feng. Reflections on the Global Environmental Crisis from Confucian and Ecological Perspectives (pp. 38–47).

Stepan S. Sulakshin. On the Causes of the World Financial Crises: The Model of Controlled Crisis (pp. 48–62).

Processes of globalization

Leonid E. Grinin. Globalization Shuffles the World Cards (Where the World`s Economic and Political Balance Shifts) (pp. 63–78).

Hash-Erdene Sambalkhundev, Enhtuya V. Sandag, and Vladimir I. Krasikov. A Prologue to Globalization: The Imperial Variant of the 13th Century (pp. 79–82).

Global issues

Vladimir I. Maslov. The Role of Education in the Contemporary World (pp. 83–92).

Ivan A. Doroshin. The Global Dimension of Religious Protest in the Risk Society (pp. 93–100).

Victor A. Galichin. The International Market of Educational Services: General Characteristics and Developmental Trends (pp. 101–112).

Nature, society, and humans

Alexei N. Ilyin. The Influence of Responsible Consumption on the Environment (pp. 113–130).

Victor N. Salin, Anna A. Popova, and Elena P. Shpakovskaya. The Position of Statistics in Globalization Processes (pp. 131–142).

Aza D. Ioseliani. The Anthropology of the Global World: The Human Being in Contemporary Communicative-Information Sphere (pp. 143–154).

Andrey L. Safonov and Alexander D. Orlov. Nation and Ethnos in the Unified World (pp. 155–166).

Russia in the global world

Vladimir I. Avilov and Svetlana D. Avilova. The Energy Security as Russia`s Priority (pp. 167–179).

Scientific life

Ilya V. Ilyin and Alexander S. Rozanov. The Global World: An Opinion from Russia (pp. 180–185).

Georgi I. Rychagov and Gennady Safianov. New Achievements in the Studies of Natural Environment (pp. 186–187).

To the Jubilee! The 75th Anniversary of Victor I. Danilov-Danilyan (pp. 188–189).

The Authors of the Issue (p. 190).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой… 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. 2003. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: http://www.jourssa.ru/2003/1/2aBek.pdf (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: http://www.census.gov/ipc/www/world.html (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».
2(12), 2013. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.
E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 18.10.2013. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10